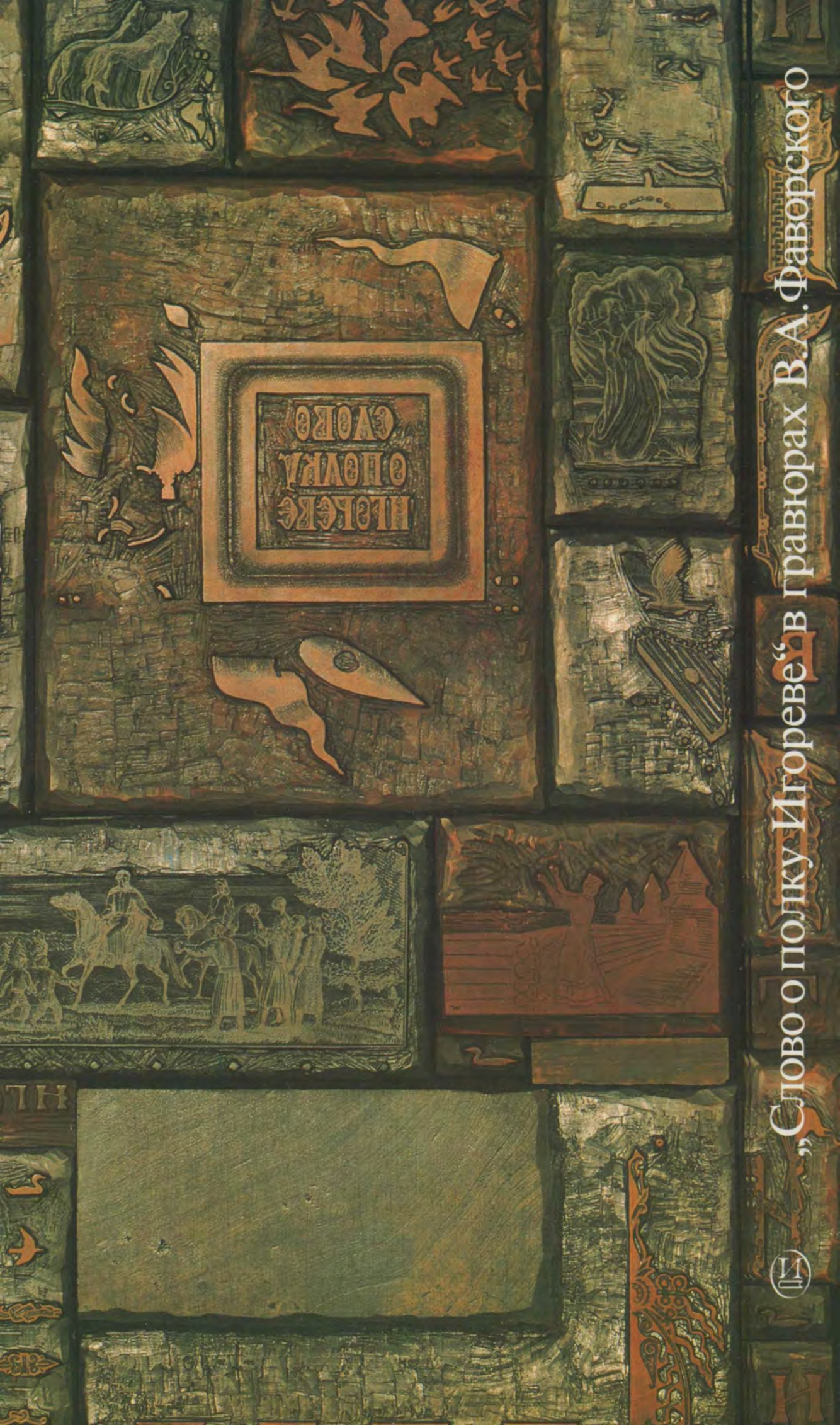

„СЛОВО
о полку Игореве“
в гравюрах
В.А.Фаворского

„Слово о полку Игореве“ в гравюрах В.А. Фаворского

„СЛОВО
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“
В ГРАВЮРАХ
В.А. ФАВОРСКОГО

„СЛОВО
о полку Игореве“
в гравюрах
В.А.Фаворского
/Рисунки.Эскизы.Гравюры/

Москва „Искусство“ 1987

ББК 85.153(2) 7
С 48

Издание подготовил
Ю.А. Молок

Фотосъемка
Д.В. Белоуса

Оформление и макет
А.Б. Коноплева
М.В. Думанян

С $\frac{4903040000=141}{025(01)=87}$ 84=86

© Издательство „Искусство“, 1987 г.

Содержание

От редакции

7

I

В.А. Фаворский

Как я иллюстрировал „Слово о полку Игореве“

11

Из разных статей, вариантов и набросков

18

Из дневников В.Н. Вакидина
и записей М.В. Фаворской

21

Из писем В.А. Фаворского разным лицам

25

Из переписки К.А. Федина и В.А. Фаворского

27

С.Т. Коненков

Гравюры, слитые с текстом

30

И.С. Ефимов

Из „Литературных зарисовок“

33

Д.С. Лихачев

Письмо В.А. Фаворскому

34

Даты работы В.А. Фаворского
над „Словом о полку Игореве“

35

II

Эскизы, гравюрные доски, оттиски

(к изданию 1938 г.)

37

III

Выставка к 750-летию „Слова“
в Государственном Литературном музее
Эскизы к левкасам с текстом
и росписями (1938 г.)

75

IV

Макет к неосуществленному изданию
Эскизы, гравюрные доски, оттиски (1948 г.)

105

V

Эскизы, гравюрные доски, оттиски
(к изданию 1952 г.)

119

VI

Ю.А.Молок

Фаворский и „Слово“

191

Комментарии к основному тексту

245

Список иллюстраций

248

Summary

256

На вкладыше:

„Слово о полку Игореве“

Тексты

Перевод О.В.Творогова

От редакции

Издание „Слово о полку Игореве“ в гравюрах В.А.Фаворского“ посвящено 800-летнему юбилею великого памятника древнерусской литературы.

Среди многочисленных иллюстраций к поэме широкое признание получили гравюры В.А.Фаворского. Однако в полном объеме его работа над „Словом“ до сих пор оставалась неизвестной, хотя она занимает целую главу его биографии. Еще в 1938 году было выпущено издание поэмы в новом переводе Ивана Новикова с гравюрами Фаворского. Тогда же вместе со своими учениками он оформил в Москве выставку в Литературном музее, специально посвященную „Слову о полку Игореве“. После окончания войны художник снова вернулся к работе над „Словом“, создав один вариант, оставшийся незаконченным и малоизвестным, и выполнив в 1950—1951 годах другой, получивший широкую известность и удостоенный позднее, наряду с его гравюрами к „Борису Годунову“ и „Маленьким трагедиям“ А.С.Пушкина, Ленинской премии.

Настоящее издание задумано как опыт реконструкции многолетней работы Фаворского над „Словом“ и представляет собой наиболее полный свод всех относящихся к ней материалов—от первого наброска в альбоме до гравюрной доски, от рабочего макета до самого издания, от уникального оттиска до фотографий утраченных работ,—которые удалось разыскать в музеях, частных собраниях и главным образом в архиве семьи художника.

Альбом иллюстраций, соответственно четырем этапам работы мастера, разделен на четыре части, каждая из которых состоит из двух параллельных рядов. На одном последовательно, страница за страницей, воспроизведены макетные и книжные развороты различных изданий „Слова“, украшенные гравюрами Фаворского—окончательный результат работы художника. На другом помещены эскизы, гравюрные доски и оттиски, репродуцированные, как правило, в размер оригинала с факсимильной точностью. Таким образом, читатель не только получит почти полное представление об иллюстрациях Фаворского к памятнику древнерусской литературы, но и сможет познакомиться с замыслом, самым ходом работы мастера, обычно остающимися недоступными зрителю. Всего в книге воспроизведено 476 иллюстраций, большая часть которых публикуется впервые.

В издании также собраны разного рода литературные материалы, относящиеся к работе В.А.Фаворского над „Словом“. Это прежде всего статьи, заметки, письма самого художника, в которых он рассказывает о своих гравюрах. Их дополняют впервые публикуемые записи его жены, М.В.Фаворской, отрывки из дневника его ученика, художника В.Н.Вакидина.

Кроме того, печатаются высказывания писателя Константина Федина, скульпторов Сергея Коненкова и Ивана Ефимова, историка Д.С.Лихачева, еще в свое время высоко оценивших гравюры Фаворского к „Слову“. Творческая биография работы художника над „Словом“ изложена в послесловии Ю.А.Молока к настоящему изданию. Отдельное приложение к книге составляет текст „Слова о полку Игореве“ и его современный перевод, сделанный О.В.Твороговым.

В заключение необходимо отметить, что издание подготовлено при ближайшем участии М.В.Фаворской, И.Г.Коровой и И.Д.Шаховского, специально отпечатавшего оттиски с гравюрных досок В.А.Фаворского для воспроизведения в этой книге.

В.А.Фаворский

Как я иллюстрировал
„Слово о полку Игореве“

/Статьи, записи, письма/

Из переписки К.А.Федина
и В.А.Фаворского

С.Т.Коненков

Гравюры, слитые с текстом

И.С.Ефимов

Из „Литературных
зарисовок“

Д.С.Лихачев

Письмо В.А.Фаворскому

Даты работы
В.А.Фаворского
над „Словом
о полку Игореве“

В. А. Фаворский

Как я иллюстрировал „Слово о полку Игореве“

„Слово о полку Игореве“ — очень древнее литературное произведение. Оно было написано в 12-м веке, когда Москва только-только зарождалась; центром Руси, ее столицей, был Киев; вся Русь делилась на отдельные княжества, которые должны были подчиняться великому князю киевскому, но часто его не слушавшие и часто враждовавшие друг с другом из-за городов. Спорили о том, кто из братьев и родных старше, кто имеет право на лучшее место, собирались, делили между собой места, но часто, не договорившись, брались за оружие и решали спор битвой, шли войной брат на брата.

Русичи были народ рослый, сильный, живой и изобретательный в борьбе с природой, храбрый в защите своих границ от враждебных соседей. А это было необходимо, так как на юге лежали бескрайние степи, сплошь до Черного моря, и там с незапамятных времен кочевали разные народы; они городов не имели и переходили по степям со своими стадами с места на место. И когда у них накапливались силы, нападали на русские города и селения, жгли их, грабили, уводили жителей в плен и продавали пленных на берегу Черного моря, часто в очень дальние страны. Когда русские князья ссорились между собой, то половцам — так назывался один из этих народов — было выгодно и они смело нападали на наши земли, но часто русские князья объединялись и шли в степи, и усмиряли половцев, и договаривались с ними, чтобы им на Русь не ходить и крестьян и города не грабить.

То, что рассказано в „Слове о полку Игореве“, как раз касается половцев и борьбы с ними. Получилось так, что был поход на половцев во главе с великим князем киевским, новгород-северский князь¹ Игорь почему-то не пошел в этот поход, а спустя некоторое время решил идти сам, с братом своим Всеволодом. Они были храбрые и смелые, и дружина у них была — один другого лучше, и они решились одни, без других князей, победить половцев, но не осилили их и попали в плен, а дружина их была побита.

Это печальное событие взял автор „Слова“, и, рассказывая о нем, он, с одной стороны, хвалит русских князей и воинов за их храбрость,

за их геройство и в то же время горюет о том, что мешает им разрозненность, самовольство, злоба друг на друга, которая часто переходит в междоусобные войны и нападения. Все „Слово“ направлено на осуждение раздоров и самовольства, на уговоры, чтобы князья были в согласии и в единстве.

Автор „Слова“, возможно, был дружинником князя Игоря, и он очень, по-видимому, любит князя и его семью, но он еще больше любит свою родину, Русь, и, восхваляя храбрость Игоря и Всеволода, упрекает их в самовольстве.

Это содержание „Слова“, но как все это написано! Я думаю, что трудно найти другое такое высокохудожественное произведение, особенно в древней литературе. Любовь к русским людям, любовь к родине и к родной природе делает для него [автора] все, чего он ни коснется, живым; каждый город, каждая местность, каждая река, и море, и солнце, и ветер, и звери, и птицы— словом, вся природа живет у него и не равнодушна к человеку, а либо любит его, либо враждебна, как поле, южные степи, земля незнаемая. И автор сам так горячо ко всему относится: чем-то гордится, чему-то радуется и многим печалится. Все это дает „Слову“ высокую поэтичность, и автор, создавая свою песнь, так замечательно пользуется древним русским языком, так он у него звучит, что никакие переводы не в состоянии передать всей словесной музыки „Слова о полку Игореве“.

Я давно работаю над „Словом“. Эта книга, для которой я делал картинки, или, как говорится, иллюстрировал ее, — последняя моя работа.

Для того чтобы вникнуть в содержание „Слова“ и представить тогдашних людей и их одежду и вооружение, я должен был прочесть древнюю летопись, где тоже рассказывается о походе Игоря, но не песней и не в стихах.

Затем я пошел в наш московский Исторический музей и стал смотреть там, что осталось от оружия и одежды и от быта. Там есть старинные мечи и модель червленого щита, он большой, красный, острым концом вниз и довольно тяжелый. Луки, стрелы и колчаны там несколько более поздние, но по ним можно представить, какие были тогда.

Тогда у нас был прямой длинный обоюдоострый меч, для защиты тела надевалась кольчуга, и в то время такие же были по всей Европе, но отличием у нас был шлем; на Западе в это время был [шлем], похожий на современный, с плоским верхом, а у нас—красивый островерхий, и, кроме того, наш всадник был обязательно с луком и стрелами и конь у него был легкий, степной, очень быстрый.

„Слово о полку Игореве“ звучит как песня; красота слов, складность повествования—все это я должен был передать в иллюстрациях, и в заглавных буквах, и в орнаментах—узорах, окружающих картинки. Я должен был для этого познакомиться с книжными орнаментами и красивыми буквами древних рукописей. Тогда книги еще не печатали, а писали от руки, и художник, ко-

торый это делал, украшал книгу орнаментом, заставками и каждую заглавную букву делал по-новому, все красивее и красивее. В нашей Ленинской библиотеке есть рукописный отдел, там хранятся и древнерусские рукописи, и там мне их показали. Я собирал, срисовывал там украшенные буквы и книжные орнаменты 12-го века.

Надо сказать, что в русских древних книгах такое богатство орнамента, что конца нет его рассматриванию, и в разные века—в 12-й, в 13-й и т.д.—он меняется из века в век. В каждое время жил свой орнамент, были века, напр[имер] 17-й, когда в книжном орнаменте были главным образом цветы, яркие и цветные, а в 12-м веке, который был мне нужен, орнамент состоит из сложных переплетений и из зверей, которые дерутся друг с другом, проглатывают друг друга, переплетаются друг с другом, буквы были тоже со зверями или людьми. Но в общем узоры орнамента были суровые и мужественные, соответственно времени, когда русским людям все время приходилось бороться и с природой и с другими народами за свое существование.

Ну а потом, сшив тетрадь наподобие книги, я в ней нарисовал задуманные мною картинки и, когда и я и издательство утвердили их, стал гравировать.

Для этого делаются такие доски из очень крепкого дерева, которое называется самшит (растет на Кавказе). Доски особенные, они торцовые, то есть ствол дерева пилится поперек на кружки толщиной в два с половиной сантиметра; им придается прямоугольная форма, и из этих кусочков склеивается доска какой нужно величины. На них наносится рисунок в обратном положении, так что приходится проверять его в зеркало. Рисунок наносится тушью черной и затем покрывается тушью, но разбавленной, так что рисунок виден, но вся доска более или менее темная. Затем особыми ножичками, которые называются штихелями, режешь, или гравируешь, все штрихи, которые тебе нужны. Когда после накатаешь валиком краску и оттиснешь на бумагу, то все, что осталось на доске выпуклым, то на бумаге будет черным, а всякое углубление будет белым. Ножички, штихеля—разного размера и формы и могут проводить на доске разные углубления. Они как бы пашут доску, и на простой доске они вдоль слоя давали бы стружку, а поперек только драли бы дерево, а на торцовой доске они во всех направлениях дают стружку и, следовательно, белую линию. Потому что доску покрываешь тушью, она получается довольно темная, и постепенно из этой темноты как бы выгаскиваешь все, что хочешь изобразить, и это очень интересно: темная доска позволяет как бы угадывать, что там, в темноте, и таким способом идти дальше и дальше в глубь доски. Гравируешь в увеличительное стекло.

Книга всегда начинается титулом, это первая страница, на которой пишется все, что касается книги: автор, название, издательство и год. На ней может быть и изображение. Напротив этой страницы помещается картинка, которая по своему содержанию относится

ко всей книге. Я поместил тут автора „Слова“. Он воин, он в кольчуге, но он с гусями; он пел песни и играл на гусях воинам и князьям русским, а сейчас говорит им о народной беде, о том, что делают половцы, о пожарах и о бедных женщинах, оплакивающих своих близких, и указывает в сторону этих женщин на титуле, там, кроме того, оружие, и знамя, и летящие соколы—соколами называют храбрых и смелых людей.

Дальше картина изображает начало похода, затмение. Игорь говорит к войску и зовет идти к Дону, на половцев. Я слышал упрек, что так в поход не ходили; и действительно, идти длинный путь в кольчуге и шлеме было бы невозможно; кто нес это в заплечном мешке, кто вез навьюченным на лошадь, кто на телеге. Но характер „Слова“, его поэтичность требовали изображения воинов, готовых к бою, ведь и сам автор, описывая воинов князя Всеволода, говорит, что они в полном вооружении.

Я, делая эти иллюстрации, радовался, что они такие длинные, на две страницы, на них было гораздо легче нарисовать войско, которое движется, строится в полутьме затмения, кони тревожатся, воины их сдерживают и сами тоже насторожились, слушая Игоря.

Вторая картина—это первая битва. Тут, как рассказывает летопись, главным образом молодежь на конях напала на половцев и побилала их.

Третья картина в две страницы изображает тяжелую битву, когда половцы собрали все свои силы и окружили русских воинов, оттеснили их от воды, многих перебили, Игоря ранили, Буй Тур Всеволод сильно бьется, и половцы не могут стоять против него; но их все больше и больше, и наши защищаются кто мечом и щитом, а кто и просто топором. Тучи идут, и молнии сверкают, стрелы летят, падают воины в степные травы, но русичи еще держатся у своего знамени. Орнамент вокруг картины говорит о том, что соколов опутали и взяли в плен.

Четвертая картина—в Киеве; Святослав, великий князь киевский, узнал о поражении и пленении Игоря и со слезами говорит сидящим перед ним князьям и воинам о том, до чего доводят своеволие и ссоры князей. Они все по-разному слушают его: некоторые сердятся, другие признают, что виноваты, иные хотели бы сейчас же идти биться с половцами.

Автор „Слова“ вложил в речь Святослава свои мысли, мысли патриота, любившего свою родину, о том, как ее защитить, и по этому поводу приводит много различных примеров из тогдашней жизни.

Пятая картина—это плач Ярославны. Раннее утро, солнце встает, туман постепенно уходит, со стен Путивля далеко видны река, леса, ветер гонит облака. И тоскующая по мужу Ярославна обращается и к солнцу, и к ветру, и к реке и просит их помочь Игорю и его воинам, верно думая, что с ними несчастье и что мучает их жажда и усталость в далекой степи.

Шестая картина—бегство Игоря. Игорь с помощью половца Овлура бежал из плена, они заморили коней, и вот сел Игорь немного отдохнуть на берегу Донца, это уж не дикое поле, не незнаемая

1.
 „Слово о полку Игореве“ ~~иллюстрировал~~
~~создано в 12-м веке, поводом к которому, древнейшей~~
 имеет древнее литературное и прозаическое
 оно было написано в 12-м веке под
 Москва ~~и было~~ ~~получено~~ ~~зарождено~~,
 центры ^{Руси} ~~Полыни~~, с столицей Киев,
 Киев, без ~~этого~~ ~~дальнейшего~~ на ~~видней-
 шую~~ ~~видность~~, под ~~которой~~ ~~должны~~
~~были~~ ~~подчиняться~~ ~~великому~~ ~~князю~~
~~Киевскому~~, но ~~какие~~ ~~его~~ ~~не~~ ~~существовали~~
 и ~~часто~~ ~~враждовали~~ друг с другом
 из-за ~~городов~~. Среди ~~и~~ ~~в~~ ~~том~~ ~~кто~~ ~~из~~
 дружиб и родных ~~старцев~~, кто ~~какой-
 либо~~ ~~на~~ ~~лучшем~~ ~~счете~~, ~~собирались~~
~~то~~ ~~были~~ ~~старцами~~, ~~дальше~~ ~~среди~~ ~~собой~~
~~шестя~~, но ~~какие~~ ~~не~~ ~~довольны~~
~~были~~ ~~за~~ ~~оружие~~ и ~~решили~~ ~~сидеть~~
~~во~~ ~~всем~~ ~~или~~ ~~во~~ ~~всем~~ ~~или~~ ~~на~~ ~~брюхе~~

Рядом ~~был~~ ~~народ~~ ~~сильно~~ ~~враждебно~~
 раслит, сбитый, и ~~какой~~ ~~и~~ ~~кратчайшим~~
 в борьбе с ~~враждебной~~, ~~крайней~~ в ~~дущей~~
 своей ~~жизни~~ ~~от~~ ~~враждебных~~ ~~соседей~~.
 А ~~это~~ ~~было~~ ~~так~~ ~~необходимо~~, ~~так~~ ~~как~~
 на ~~их~~ ~~местах~~ ~~безраздельно~~ ~~своими~~
~~жизнями~~ ~~до~~ ~~верного~~ ~~марш~~ ~~и~~ ~~там~~
~~то~~ ~~с~~ ~~не~~ ~~защитными~~ ~~время~~, ~~колеблюсь~~
~~разные~~ ~~народы~~, ~~оши~~ ~~городов~~ ~~не~~ ~~миледи~~
 и ~~к~~ ~~не~~ ~~оставляли~~ ~~то~~ ~~сидеть~~ ~~со~~ ~~своими~~
~~стенами~~ с ~~жизни~~ ~~на~~ ~~своих~~.

земля, а родная, идущая от нас река, и она, как родная, разговаривает с Игорем, приветствует его, утешает его, и он ей отвечает с глубоким чувством, как переживший и победу и поражение, и плен и освобождение, говорящий с родной рек[ой].

Последняя картина, как бы концовка, — возвращение Игоря. Все рады, все веселы.

Мелкие картинки на полях и буквы сопровождают весь рассказ и должны соединить всю книгу в одну песню. И я хотел бы, чтобы было так, как говорится: „из песни слова не выкинешь“, так бы и у меня, в моей книге, которую я сделал из картинок, орнамента и украшенных букв, нельзя было бы ничего выкинуть. Добился ли я этого, вам судить.

16 сентября 1953 г.

„Я очень люблю эпическую поэму „Слово о полку Игореве“...“

Я очень люблю эпическую поэму „Слово о полку Игореве“.

Я оформил и иллюстрировал „Слово о полку Игореве“, потому что это эпическое произведение, когда к нему обращаешься, всегда меня восхищает. Трудно, по-моему, даже в мировой литературе найти что-либо эпическое, равное „Слову“. Его характерной чертой является то, что свойственно и древней русской живописи: в русском искусстве, живописи и поэзии, встречаешь монументальную лирику. И это мне кажется специфически русской чертой, присущей как раз „Слову о полку Игореве“.

Я четыре раза приступал к оформлению „Слова“. Первый раз, в переводе Новикова, — маленькая книжка с мелкими иллюстрациями; второй раз, на выставке „Слова“, на больших левкасах, оформлена была вся комната, превращена как бы в книгу; третий раз было сделано несколько больших гравюр для Гослитиздата (это издание не состоялось), и, наконец, последний раз — эти гравюры для Детгиза. Это последняя моя работа по „Слову“.

Издание это отличалось тем, что в книге, на развороте, напротив друг друга, помещались текст древний и перевод, а отсюда и макет разворота был своеобразным, а именно симметричным. И поэтому естественно было делать иллюстрацию в разворот, занимающий обе страницы, и поэтому почти все большие иллюстрации имеют как бы форму фриза, что, мне кажется, способствует передаче эпического характера всей вещи.

Надо сказать, что когда приступаешь к высокохудожественному произведению, берешься его иллюстрировать, то художественное совершенство литературной вещи, естественно, делает иллюстрирование трудным, но, с другой стороны, и облегчает работу, так как перед тобой образец с определенным, ярко выраженным характером, со своим художественным стилем.

Вот насчет стиля литературной вещи и его передачи в оформлении — это одна из самых трудных задач, стоящих перед художником книги.

Стиль и стилизация. Моя задача была передать стиль „Слова“, но никак не впасть в стилизацию. Ведь я сегодняшний человек, и ни

в коем случае не должен реконструировать древнюю форму, а должен передать стиль „Слова“, как я, современный человек, его понимаю. Насколько мне удалось это — не мне судить, но, во всяком случае, я всячески избегал стилизации. Ну, естественно, я занимался древними рукописями, миниатюрами, буквицами и орнаментом. В древней живописи искал нужные мне типы, искал их и в жизни.

Прочел летописный рассказ о походе Игоря. Летопись в некоторых чертах конкретнее рассказывает об этом походе. Игорь не поспел вместе с другими князьями в поход на половцев, так как была гололедица и всадникам Игоря трудно было передвигаться. Это сколько-то оправдывает Игоря. Затем черта, которой я воспользовался, — это то, что Игорь был ранен и что он во время самого напряженного боя снял шлем, для того чтобы дружинники узнавали его и собирались вокруг него.

В своем изображении Игоря во время боя я воспользовался этими моментами. Игоря я хотел изобразить горячим, сколько-то опрометчивым, а Буй Тур Всеволода — более простым, увлеченным непосредственно боем.

Интересной чертой „Слова“ являются отступления от основного рассказа; они всегда очень поэтичны и всегда вызваны как побочные темы главной темой. В этих отступлениях проявляется сам автор, его личная заинтересованность. Этой чертой, как ни странно, „Слово“ очень напоминает пушкинского „Евгения Онегина“. Кроме того, все повествование проникнуто моментами мифологическими.

Я на это все указываю, чтобы показать сложность „Слова“, и я, иллюстрируя его, все время чувствовал, что каких-то сторон его охватить не могу.

Почти все явления природы проникнуты в „Слове“ мифологическими образами. Решиться передать это мне было трудно, и я только стремился как можно с большим чувством и как бы роднее, типичнее передавать картины русской природы.

Таким путем, мне кажется, состоялся разговор Ярославны с солнцем и ветром и Игоря с Донцом. Донец должен всем своим поэтическим и родным обликом отвечать Игорю, как и у Ярославны утренний обширный пейзаж с восходящим солнцем тоже подходящий собеседник для ее вопросов и просьб.

Я в этих вещах пытался передать ту монументальную лирику, которую я вижу в „Слове“.

Еще немного о гравюре. Моя техника, когда я переношу рисунок тушью на доску, а затем затемняю всю доску прозрачной тушью, позволяет мне, нанося штрихи штихелем, выявлять светом форму предметов, и когда смотришь доску в зеркало, то в темных местах рисунка на доске как бы угадываешь форму, наподобие того как скульптор угадывает форму в массе камня. Это очень увлекательно. Вот примерно то, что мне хотелось сказать о моей работе над „Словом“.

Начало июля 1959 г.

Из разных статей, вариантов и набросков

Из статьи „Как я работал над „Джангаром“

Для эпоса с его простой материальностью образов штрих, строящий форму и трактующий цвет несколько отвлеченно, не подходит, и поэтому, когда я иллюстрировал эпос или думал о нем, то останавливался на силуэте, где простота, материальность, „телльность“ изображаемого по стилю подходила к эпосу. Так иллюстрировал я „Слово о полку Игореве“².

Имело значение и то, что я недавно перед этим работал над „Словом о полку Игореве“, и познакомиться с „полем“, со степью мне было очень интересно. Причем познакомиться уже не с чем-то враждебным, но с интересной и своеобразной культурой, которая, будучи незнакомой и даже удивительной, может стать мне близкой и понятной.

1940 г.

Из статьи „Замыслы художника“

Другая тема, которую я буду постоянно готовить для выставки „Наша родина“ — чудесная русская поэма „Слово о полку Игореве“. Я думаю осуществить роспись с характерным для нее орнаментальным оформлением.

1940 г.

Из выступления на конференции по эпосу „Манас“

Иллюстратор, что бы он ни делал, натывается на вопрос о стиле. Что здесь главное? Некоторые вещи сравнительно легко иллюстрировать в том смысле, что они требуют рассказа о действии. Некоторые литературные жанры сами по себе драматичны. Но есть и литературные жанры недраматические. Рассказывается главным образом о состоянии действующих лиц, об их внутренних переживаниях, а не о действиях. Такие вещи по большей части не будут монументальными. Возьмем в эпосе даже состояние действующего лица, например печаль Ярославны. И тут это выражается в действии. То же и в „Манасе“. Здесь всегда будет драматизм. Это помогает иллюстратору.

2 августа 1946 г.

Из статьи в журнале „Пионер“ (1954, № 1)

Чтобы представить тогдашних людей, их одежду и вооружение, я прочел древнюю летопись, где тоже рассказывается о походе Игоря, и нашел кое-что, чего нет в „Слове“³.

Затем я стал рассматривать древние рукописи, среди которых есть, между прочим, и изображения битвы с половцами⁴. Но, кроме того, мне нужно было представить, как выглядели люди в то время.

Для этого мне пришлось побывать в Третьяковской галерее, в зале, где помещаются древние иконы, и еще просмотреть много книг. Я рассматривал древние стенные росписи и иконы. Очень часто живописец изображал на них современных людей. Это были простые

суровые лица, озабоченные, с сильным характером. Я старался увидеть людей, похожих на моих героев, и в жизни. Особенно интересовали меня украинцы, потому что все, о чем рассказывается в книге, происходит на юге.

Ну а потом я стал думать, как лучше разместить в будущей книге свои гравюры.

Сшив толстую тетрадь, я сделал макет книги⁵. Распределил в ней текст, нашел места для задуманных мною картинок, придумал мелкие картинки на полях, придумал орнаменты и заглавные буквы—они должны были дополнять рассказ, помочь мне передать то далекое время.

В гравюре все состоит из черных и белых пятен и штрихов. Даже серого в ней нет. Казалось бы, что такими средствами можно изобразить только зиму, снег, черные деревья без листьев и, может быть, еще ворон.

Но это не так. Художник разными штрихами и разным соотношением черного и белого стремится изобразить все цвета, все, что он видит.

Белым штрихом на черном легко передать яркую молнию, блеск воды, мелькание освещенных листьев, блеск оружия и кольчуг. Легкими белыми штрихами можно передать туман, идущий от реки, и воздух, заслоняющий от нас далекие предметы.

Передавая живые лучи солнца, их движение, перемешиваешь белые и черные линии, и они как бы шевелятся.

Черным пятном и штрихом передаешь и мрачную тучу, и темную зелень дуба, и масть коня, и плащ воина, и темно-красное знамя. И если приглядеться, то видишь, что черное и белое все время кажется разным: то тяжелым и грузным, то легким и воздушным.

Гравируешь в увеличительное стекло, так как в книге часто бывают мелкие изображения, а надо передать характер лица; да и другие мелочи—листья, траву—было бы трудно сделать без увеличительного стекла.

„Слово о полку Игореве“, которое я иллюстрировал, не похоже на обычную книгу. Левая страница этой книги содержит древнерусский текст, а правая—перевод на наш теперешний язык, и обе они рассказывают об одном и том же. Поэтому я решил делать гравюры длинные, в разворот, сразу на две страницы. 248

Каждая картинка имеет свои трудности, но эта, центральная, изображающая главное событие, пожалуй, была самой трудной. Прежде всего, нужно было изобразить главных героев: Игоря, который смел, горяч и, может быть, даже опрометчив, все берет сильно к сердцу—и победу, и поражение, и плен; Буй Тура Всеволода—более простого по складу, который, все забыв, бьется до последнего с врагами. 318 319

Кроме того, изображая битву, художник должен добиться впечатления, что много народу участвует с той и другой стороны, а ведь нельзя же буквально нарисовать тысячи на одной картине и необходимо сравнительно немногими людьми передать множество. Для этого я, например, использовал раму, которая обрезает картину. Фигуры некоторых воинов только выступают из-за рамы, и кажется, что за ними идут еще войска.

Мне не сразу удалось передать жест — обращение Ярославны к природе. Пробовал я нарисовать ее с одной протянутой рукой, пробовал прижать ей обе руки к сердцу. Но это меня не удовлетворяло⁶. Жест должен был быть сильным и выразительным: ведь Ярославна просила и солнце, и ветер, и Днепр. И тогда я изобразил Ярославну такой, какой Вы видите ее на картине, протягивающей к солнцу обе руки. Мне кажется, этот жест больше передает ее горе и мольбу.

Все картинки и текст я заключил в переплет, на котором яркими цветами и золотом изобразил русских воинов, стерегущих границу. Они смотрят вдаль, остановив коней. Кони горячатся.

У переплета другой язык, более яркий, чем у картинок внутри; как бы более возвышенный, но в то же время очень краткий. На переплете художник должен в немногом сказать главное про содержание и в то же время дать книге одежду. В переплете красота очень важна. Необходимо, чтобы он был красив.

Фигурные буквы и картинки на полях так же мимолетны, как упоминания в тексте о гусах и лебедях, об орлах и волках, о бедных русских женах и бегстве Игоря.

1953 г.

Из книги „Рассказы художника-гравера“

Шестая картина — бегство Игоря. Игорь с помощью половца Овлура бежал из плена. Они заморили коней, и вот сел Игорь немного отдохнуть на берегу Донца. Это уже не дикое поле, не незнаемая земля, а родная, идущая от нас река, и она, как родная, разговаривает с Игорем, приветствует его, утешает его, и он отвечает ей с глубоким чувством, как переживший и победу и поражение, и плен и освобождение.

Так и в последнюю Отечественную войну наши солдаты, наверно, разговаривали с родной рекой Волгой.

Я уже четвертый раз иллюстрировал „Слово о полку Игореве“ и каждый раз старался сделать лучше.

1961 г.

„Мне пришлось четыре раза делать „Слово о полку Игореве“ . . .“

Я очень люблю „Слово о полку Игореве“. Думаю, что ни в одном языке нет такого произведения: по поэтичности ничто не может с ним сравниться, и по широте взгляда на исторические обстоятельства. Автор берет жизнь славян от Галиции до Крыма.

390

391

467

408

409

- Мне пришлось четыре раза делать „Слово о полку Игореве“.
- В первый раз я делал для перевода Новикова маленькие заставки. 1—180
- Во второй раз— в Литературном музее на выставку о „Слове о полку Игореве“.. 181—195
- В третий раз я начал делать большие иллюстрации к „Слову о полку Игореве“ для Гослитиздата, но не кончил. 220—240
- А в четвертый раз я сделал гравюры-иллюстрации к „Слову о полку Игореве“, и это напечатано полностью. 241—42
- И если бы еще предстояло делать иллюстрации, я делал бы с удовольствием. Всегда что-нибудь упускаешь, не доделаешь.
- В работе для Гослитиздата я, между прочим, награвировал Бояна, которого слушают князья Галицкие, и Новгородские, и Киевские, и Московские, и Ростовские, и Тверские. Разные типы. 294
- А вообще „Слово“ неисчерпаемо и коротко не скажешь.

Из дневников В.Н.Вакидина и записей М.В.Фаворской

Из дневников В.Н.Вакидина

О гравюрах В.А.Фаворского к изданию „Слова“ 1938 г.

15 мая 1938 г.

Вечером был у Владимира Андреевича<...>. Гравюры к „Слову о полку Игореве“.

15 января 1945 г.

Один раз условились встретиться у Исторического музея⁷ <...>. Сначала Владимир Андреевич предложил пройтись по залам музея <...>. Когда подошли к царскому месту Ивана Грозного, сказал о том, что рельефными изображениями, украшающими этот трон, вдохновлялся, когда работал над „Словом о полку Игореве“⁸. 441—442

О работах В.А.Фаворского для выставки „Слова“. 1938 г.

24 апреля 1938 г.

Вчера вечером отправился к Владимиру Андреевичу<...>. Фаворский показал начало работы над „Словом о полку Игореве“.

2 августа 1938 г.

В десять вечера мы у него<...>. Акварельные эскизы к „Слову о полку Игореве“.

10 сентября 1938 г.

Видел у Р.⁹ фрагмент-пробу „Ярославны“, раньше это видел на полу в Литературном музее.

26 октября 1938 г.

Забыл прежде записать о посещении выставки „Слово о полку Игореве“. Были на ней двенадцатого, и были как бы случайно, так что следует зайти еще. Прекрасные композиции Фаворского и репродукции с фресок Софийского собора. Разные мишурные иллюстрации <...>.

19 февраля 1962 г.

Спросил его, где теперь находятся его росписи по левкасу к „Слову о полку Игореве“. Оказывается, погибли. Одна из со-

трудниц Литературного музея (для которого это и делалось) неосмотрительно распорядилась, чтобы отпилили изображения от текста (весь текст был написан древнеславянской вязью—Грозевским),—делалось это, по всей вероятности, грубой пилой и, в сущности, по фанере (а не по левкасным доскам), и живопись запросто облупилась или осыпалась.

О гравюрах В.А.Фаворского к изданию „Слова“ 1948 г. (не осуществлено)

5 января 1946 г.

Еще Фаворский рассказал об Ильине¹⁰, о том, что должен будет делать для него „Слово о полку Игореве“. Предлагал поместить подлинный древнеславянский текст рядом с современным, но по некультурности (скорее, из-за трусости) на это не пошли.

12 ноября 1947 г.

Восьмого, уже вечером, поехал к Владимиру Андреевичу. Он показывал последние свои работы. В.А. должен начать работу над „Словом о полку Игореве“ (для Гослита). Материалы, купленные в связи с предстоящей работой, большая папка репродукций с икон.

16 июля 1948 г.

Позавчера вечером ездил к Владимиру Андреевичу<...>. Он показал свои последние работы: макет и рисунок фронтисписа (на доске) для „Короля Лира“, большая гравюра „Пимен и Лжедмитрий“, новый макет „Слова о полку Игореве“ и много маленьких гравюр (заставок и концовок для Шекспира). Смотрели уже в сумерках, до темноты<...>

12 сентября 1948 г.

У Фаворского порядочно накопилось всякой работы. Кроме „Слова о полку Игореве“ переплет для юбилейного издания Пушкина, кажется, иллюстрации, и еще нужно сделать (пора начинать делать) несколько вещей на киргизские темы.

14 июля 1949 г.

Владимир Андреевич сообщил о том, что уже окончательно договорился с Ильиным, что все-таки будет продолжать делать „Слово о полку Игореве“.

9 августа 1949 г.

В Гослите видел Владимира Андреевича,—приехал туда, чтобы окончательно договориться относительно „Слова о полку Игореве“.

О гравюрах В.А.Фаворского к изданию „Слова“ 1952 г.

18 сентября 1950 г.

Был в больнице у Владимира Андреевича<...>. Сейчас делает для Детгиза „Слово о полку Игореве“. Приглашение приехать посмотреть, так как есть удача, хотя это и не то, что затевалось раньше, не тот размер, а также необходимость учитывать, что для детей, а главное—произведение настолько прекрасное, что очень трудно до его высоты подниматься.

12 декабря 1950 г.

На следующий день в „Литературной газете“ снимки с двух иллюстраций Владимира Андреевича к „Слову о полку Игореве“¹¹.

26 декабря 1950 г.

Владимир Андреевич показал макет и оттиски с гравюр, но не со всех (с одной почему-то не оказалось), „Игоря на берегу Донца“ видел на доске еще в „недорезанном“ виде. По поводу моего замечания, что много и свободно стал пользоваться белым штрихом, сказал, что называет их (штрихи) „лессировками“ — что-то вырежет, а потом ими как бы уминает, становится в пространстве на место. Считает большой для себя удачей, что текст в книге будет подлинный и переводной. Это позволило изображать композиции на разворотах, что очень оказалось выигрышным<...>. Еще совсем не сделаны мелочи, разные буквицы и заставки.

31 января 1951 г.

Сегодня был на 2-й выставке художников книги <...>. Самое сильное на выставке — гравюры Владимира Андреевича к „Слову о полку Игореве“ (единственные иллюстрации для книги, а не просто иллюстрации).

29 августа 1952 г.

Двадцать третьего ездил к Владимиру Андреевичу<...>. Разговор о письме, полученном недавно от В. М. Конашевича <...>. „Так как он серьезно все это мне написал, постарался так же ему ответить“¹². <...>

О том, что „для себя“ Игоря, быть может (и даже наверное), делал бы иначе. Пришлось же делать, учитывая, что для детей, а получилось — понравилось всем больше, чем нравилось обычно. Да, „для себя“ гравировал бы, наверное, иначе. Но в общем, наверное, все же это одно и то же.

3 февраля 1955 г.

Вечером был на творческом вечере Владимира Андреевича. Рассказывал о работе над иллюстрациями к „Борису Годунову“<...>. В отличие от своей работы над „Словом о полку Игореве“, где стремился через гравюру больше показать цвет, чем свет, в „Борисе“, наоборот, больше заботился о свете. „Свет здесь как обстоятельство действия“, и изображением его как бы подчеркивал объективность события.

[Разные записи]

20 августа 1939 г.

Из МОСХа спросили, что бы он желал делать к юбилейной выставке 1942 года¹³. Больше всего хотел бы по-настоящему сделать „Слово о полку Игореве“, и сделать это книгой. Боится, что такое может показаться неинтересным, тогда предложит (и это тоже было бы очень хорошо) тему о Калмыкии.

28 декабря 1963 г.

Еще в разговоре о странице в „Литгазете“, посвященной юбилею „Слова о полку Игореве“, спросил В. А., читал ли [он] статьи этой страницы?¹⁴ Нет, еще не успел, и, между прочим, В. А. высказал мнение, что переводы „Слова“ с древнерусского обычно портит размер (хорей, ямба) — обычно совсем не подходит: исчезает нечто свободное, живое¹⁵. Размер же (как бы симметрию).

линнике он совсем не ощущает. И, кстати, о симметрии же он говорит в лишь пока начатой статье про композицию.

Из „Отрывков разговоров В.А.Фаворского об искусстве, записанных М.В.Фаворской“

27 марта 1951 г.

Утром пришла Надя Дюкалова (бывшая ученица В. А.) взять новые гравюры¹⁶. Смотрит новые гравюры к „Слову о полку Игореве“. <...>

Надя. Какая из гравюр к „Слову о полку“ вам самому больше нравится?

В. А. Мне нравится „Ярославна“, как гравирована и пейзаж. Фронтиспис мне меньше других нравится — там певец какой-то неверной пропорции, я думаю перегравировать новый фронтиспис. „Битва“ по композиции мне нравится. Многим нравится, где Игорь сидит под дубом; но это лирическая вещь, она не совсем подходит к „Слову о полку“, она немножко в другом стиле. Многим нравится последняя, где Игорь возвращается, „Встреча“¹⁷. Там пространство вроде Пуссена.

31 июля 1951 г.

В.А. Мне пришлось делать переплет к „Слову о полку Игореве“. В одном из первых вариантов, который я считал удачным, было изображено наверху два орла, а внизу два волка, из которых левый сидит и, высоко подняв голову, нюхает воздух, а правый сзади него присел на задние лапы и слушает. Получилось в этих волках движение, как бы прижатое к земле и настороженно поднимающееся вверх. Это движение выражало тревогу. Литературным редакторам не понравилось, что нет людей. Пришлось искать других решений. И во втором варианте я отказался от этого движения; в третьем опять вернулся к нему, давая его другими фигурами (было отвергнуто). В четвертом не изобразил его, не удовлетворился и в пятом уже совсем другими фигурами — группой всадников — попытался сколько-то его выразить. И этот вариант прошел¹⁸. Я думаю, что форму этого движения, звучавшего в сюжетно разных группировках, можно назвать *пластической идеей*. На последнем варианте внизу группа всадников, как бы въезжающая на холм и настороженно смотрящая вдаль.

Октябрь 1951 г.

В.А. говорит о заставке к „Слову о полку“ (там красный орнамент, летят сокола): „В масти животных бывает конфликт между переходом масти птицы или зверя и освещением: снизу зверь светлый, сверху — темный, что спорит со светотенью. Масть как бы уничтожает объем, а светотень выявляет. В этом душа живописи“.

Ноябрь 1951 г.

В.А. о „Слове о полку Игореве“ в связи с иллюстрированием: „В „Слове о полку Игореве“ есть монументальная лиричность, что характерно для русского искусства. Как литературное про-

386—
391

245

318

319

420

421

462—
467

изведение само „Слово о полку Игореве“ есть сплошная лиричность. Лиричен Рублев, лиричен Иванов. Если искать аналоги с западным искусством, там, например, Дуччо и Фра Анжелико лиричны, но не монументальны. А Микельанджело монументален, но не лиричен. Так же в литературе: например, „Илиада“ монументальна, но не лирична“.

Из писем В.А. Фаворского разным лицам

Из письма В.М. Конашевичу

10/IV [19] 52 г.

Вы пишете, что мое искусство—всегда высокое искусство, я очень тронут таким Вашим мнением, но думаю, что оно (искусство) высокое далеко не всегда, у меня много несовершенных работ. То, что я, как Вы говорите, отвечаю современным требованиям, не снижая искусства, тоже не всегда.

Но должен сказать, что я замечаю в себе некоторые перемены. Это то, что я прежде не считался с каким-то конкретным зрителем, я старался понять тему и изобразить ее для себя, и сейчас, например, „Слово о полку Игореве“ для себя только я сделал бы иначе, а эти иллюстрации я делал для детей, учитывая какого-то юного зрителя и поэтому что-то меняя, вышло от этого лучше или хуже? Вот вопрос, но нравится всем, и не юным больше. Для себя делаешь как бы эссенцию, а для детей ее естественно разбавить, ну, скажем, хотя бы горячей водой.

Другое—это то, что я раньше, особенно в юности, с гордостью считал, что я совсем не лирик, что навязывать чувства кому-либо нехорошо, что чувство будет у зрителя, а я даю ему вещи. А теперь, по-видимому, на старости лет я становлюсь лириком и, хорошо это или плохо, не знаю, но нравится всем больше. Даже из „Слова“ выбирают лирические моменты, а не битвы. Вот как все мудро оказывается, и я это еще не обдумал как следует, но получается как бы следующее: изображаешь с большим знанием, с меньшей страстью, а чувства получается как бы больше.

Из письма Л.А. Творогову

17/I [19] 53 г.

Сейчас как раз вышла в Детгизе книга „Слово о полку Игореве“ с переводами и комментариями и с иллюстрациями моими и Михаила Ивановича Пикова. Это моя самая главная и последняя работа по „Слову“. Тираж небольшой, но я отложил Вам эту книгу и пошлю Вам ее (должно быть, заказной бандеролью или лучше посылкой, я в этом неопытен). Тут будут иллюстрации последние, если же Вам захочется иметь, кроме того, некоторые из них в оттисках (так как это гравюры), то и это можно будет сделать.

Это моя последняя работа, а я занимался „Словом“ еще два раза: первый раз делал заставки к переводу Новикова, их я смогу Вам прислать в оттисках; и второй раз оформлял в Литературном музее выставку по „Слову“. Вся комната, правда небольшая,

была по стенам заставлена большими левкашенными щитами, и на них, как на страницах книги, был написан текст с буквицами, с цветными иллюстрациями, в общем было неплохо, хотя иллюстрации меня теперь не удовлетворили бы. Все это уничтожено из-за невнимания хозяев музея, у музея были фотографии, не знаю, есть ли сейчас, мне к ним обращаться неприятно, может быть, Вы самостоятельно с ними свяжетесь¹⁹.

Кроме этого делал я фронтиспис к повести Новикова об авторе „Слова“²⁰. Это маленькая гравюра, которую смогу Вам послать. Да, перед последней работой в Детгизе делал я для Гослитиздата „Слово“, но дело расстроилось, и я успел сделать только Бояна²¹, это тоже смогу Вам послать.

Из письма Н.А. Соколову

22 января 1954 г.

Очень приятно, что Вам нравится „Слово“. Мне самому многое там нравится, но когда начинаешь читать текст, то кажется, что на многое не ответил, представляется мой ответ бедным, недостаточно монументальным. Представляется, что я, несомненно, избежал стилизации, что очень хорошо, но передал ли стиль вещи—это вопрос. То, что я делал для детей,—это мне, несомненно, помогло и в то же время в чем-то и стеснило, так что если мне представится случай еще когда-нибудь сделать „Слово“, то я не откажусь.

Сейчас я делаю „Бориса Годунова“ Пушкина. Очень интересно работать, и как будто что-то выходит. Иллюстрации будут крупнее, чем в „Слове“, и их будет больше.

Из переписки К.А.Федина и В.А.Фаворского

К. А. Федин — В. А. Фаворскому

10 ноября 1951 г.

Уважаемый Владимир Андреевич, позвольте Вас глубоко отблагодарить за единственный по красоте подарок, которым Вы почтили и обрадовали меня нынешним летом, — за гравюры Ваши к „Слову о полку Игореве“.

Я давно хотел и обязан был написать Вам, но не смел писать Вам наспех, а найти время на письмо, достойное Вашего удивительного труда, мне никак не удавалось. Да и невозможно в письме по-настоящему передать ни мысли, ни чувство, вызываемые гравюрами. Я к ним много раз возвращался, и хвастаюсь ими перед друзьями, и смотрю снова и не могу назвать общение с ними иначе как *переживанием*, которое дается только подлинным Искусством.

Самое главное — в том, что Вы замечательно *прочитали* „Слово“, как немногие историки и редкий поэт и переводчик прочитывали его до сих пор. Благодаря чуткому вживанию в текст „Слова“, Вам удалось создать разительный синтез поэтической легенды с историческим документом.

Люди, живущие в Ваших гравюрах, полны человеческих страстей и в лучшем смысле психологичны, т.е. наполнены внутренним движением. Эта сказочная жизнь наших праотцов понятна, близка, трогательна нам, как будто она произошла на нашей памяти и вполне реальна. Вместе с тем реализм рассказа о трагедии Игоря воспринимается как нетленная сказка, исполненная песенной прелести и возвышенная, как самый драгоценный памятник о великих делах истории.

Такая задача, как воплощение истории, *эпохи*, есть решенный вопрос на этих досках, и хвалить Вас за это, в сущности, так же излишне, как хвалить за то, что Вы в совершенстве овладели резцом художника. Эпоха ожила здесь перед нами в высшем смысле.

В этой Вашей работе запело, заговорило все виртуозное мастерство, которое Вы приобрели за свою жизнь в поисках совершенной формы. Однако здесь ни одно из примененных Вами технических

средств не применено как таковое, ради самого себя, но всякое и все вместе служат сосредоточенному углублению темы, рассказу о содержании событий.

Работа показывает необычайную широту поэтических возможностей реализма, рама которого не сковывает фантазию, а легко и естественно расширяется по мере полета воображения ввысь и вдаль.

Древнейшее искусство резчика, гравера, „графика“ не только, как видно, не отжило, не осталось позади нас, не сделалось музейным, но настезь открыло себе дверь в настоящее и будущее именно этой Вашей фактической работой художника-реалиста. О ней нельзя сказать—что в ней лучше,—в ней все одинаково хорошо, все прекрасно—и большие доски, и маленькие украшения.

Самое же превосходное в ней то, что это—русское произведение, по духу своему сливающееся с поэмой, которой посвящено.

Лично меня, да и тех, кому я показывал листы Вашего „Слова“, поразили три главнейших достоинства Вашей техники.

Во-первых, решение пространства в большом количестве планов, которые даны разной силой света, достигаемой виртуозным разнообразием штриха.

Во-вторых, передача воздуха, создающего целостность картины, или то, что в живописи называют колоритом. Это достигается тем, что контуры отдельных фигур, предметов, аксессуара нигде излишне не прорезаны, но как бы входят в *состав целого*, сохраняя в то же время необходимую отчетливость, без неумовимого затуманивания их, что, скажем, обычно у импрессионистов.

В-третьих, пейзаж нигде не самоцелен, а также передает драматизм произведения, участвует в раскрытии содержания, как это делают сцены с людьми. Плач Ярославны пропет на гравюре природой, перед ней простирающейся. Думы Игоря на берегу реки вскрыты нам тоже природой.

И чтобы сказать о воссозданной Вами природе древней земли нашей,—давно уже я не помню, чтоб и в живописи нашей появлялось подобное чувство ландшафта, чувство Руси, как оно вдруг зазвучало с Ваших досок!

Я не могу перечислить всех других достоинств Вашей работы. Это—дело большого критика. Одно могу сказать: такие создания появляются не каждый год,—это дело жизни.

Сейчас русский и всякий другой национальный советский читатель будет ждать выхода „Слова о полку Игореве“, которое призвано к новой жизни Вашими гравюрами. Если книга будет хорошо выполнена, если доски будут, при посредстве гальвано, хорошо воспроизведены в оттисках, то выход „Слова“ станет событием для всех, кто не слеп от рождения и не предвзят как ценитель искусств.

Желаю Вам, дорогой Владимир Андреевич, чтобы книга была достойна Вашего труда. Труд же этот исполнен Вами *навечно*,—в том нет у меня никакого сомнения!

Еще раз благодарю Вас и поздравляю с большим успехом. Желаю Вам доброго здоровья и всего наилучшего.
Искренне уважающий Вас *Конст. Федин*

В.А. Фаворский — К.А. Федину

14/1 [19] 52 г.

Многоуважаемый Константин Александрович, спасибо Вам за Ваше теплое высказывание относительно моих иллюстраций. Мне самому они кажутся сколько-то выражающими „Слово“, конечно, не без недостатков. Во всяком случае, это первый раз, когда моя работа нравится очень многим и разным лицам. И я сознаю, что это отчасти случайно; меня, по-видимому, правильно ориентировало то, что я делал эти иллюстрации для Детгиза, учитывая зрителя, именно ребят, и поэтому смягчил свое решение, не делал его слишком принципиальным, как делаю большей частью, а получилось искусство для многих. Это, конечно, никому не должно быть обидно, так как для детей надо самое хорошее и чистое в искусстве.

Затем, конечно, то, что я обращаюсь к „Слову“ в третий раз. Очень трудно иллюстрировать такое великое произведение, но в то же время и легко, так как все неподходящее сразу видно как таковое.

Мне кажется, что главная черта „Слова“ — это монументальная лирика, и этим прежде всего надо было овладеть, без этого иллюстрации лишились бы главного сходства со „Словом“.

Я думаю, что почти никакой другой эпос, других национальностей, не обладает этим высоким качеством. И тут меня выручила форма фриза, которая явилась необходимо из макета с двумя текстами.

Но действительно, как это все напечатают? Ведь даешь не рисунок, а уже клише и то не веришь в то, что это будет четко напечатано.

Сейчас я работаю над Пушкиным, „Борисом“, тоже по-другому, но очень интересно, и когда-нибудь мечтаю встретиться с современной монументальной лирической поэмой (что ведь возможно), и тогда бы я ее попробовал тоже иллюстрировать.

Ну будьте здоровы, еще раз благодарю Вас за Ваше дружеское письмо.
Уважающий Вас *В. Фаворский*

Гравюры, слитые с текстом

На нашей памяти был совершен большой труд: дивные образы древней русской поэмы, „Слова о полку Игореве“, ожили под рукой кудесника-гравера, замечательного советского художника Владимира Андреевича Фаворского.

... Черные тучи закрыли небо. Тучей по степи ходит воинственное половецкое племя. О кровавой сече войска Игоря с кочевниками вспоминает автор „Слова“ так, будто он один из переживших это мужественных ратников, будто не сторонним наблюдателем был он в бою. Тяжелехонек выпал день для русского воинства, но не посрамило оно родной земли, стояло насмерть... Все в нем — сила, отвага, дружество. Вдохновенен в бою Буй Тур Всеволод. Небо в молниях. Стрелы кружатся. Игорь смотрит вперед и... не видит просвета в подступающих вражеских ратях. Победа отвернулась. Но не дрогнул и бровью не повел новгород-северский князь...

Кто же не знает — эти люди были такими. И битва гремела вот так. Но мне виден за большой простотою и ясностью гравюр В.А.Фаворского великий труд художника, совершенное мастерство. Посмотрите на воинов русских. Что ни лицо, ни взмах меча, то характер. И хоть чертами все разнятся, а близкие. И упрямы — стоят как влитые.

Но ведь и то сказать: битва — кровь и убийство; красивого мало, а у Фаворского — строгая красота. И он прав!

Каждый стих „Слова“ — это совершенство, это непостижимая гармония. Значит, и перед глазами читателя должна предстать совершенная картина.

Как же художник добивается такого чуда? Он действует по-своему, и не все тут решает безукоризненное знание исторических материалов.

Сердцем и разумом приблизился мастер к тому былинному времени и услышал в самом себе чудный голос автора „Слова“, обогатил поэтическую сущность „Слова“ в полные величавой красоты зримые образы.

Герои поэмы живут, действуют среди природы, их жизнь находит отклик и в ней.

Всю свою работу Фаворский ведет к тому, чтобы природа оказалась в книге полноправным действующим лицом. Как чудесно выражены близость человека к природе, поклонение ее силам в сцене „Плач Ярославны“! Покоряет затихшее безбрежье далее — к ним обращено слово человека. Поэтический речитатив Ярославны находит полнзвучный отклик и в заречных куцах, и в водах Днепра, и в сиянии солнца:

„Полечу кукушкою по Дунаю,
омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле“.

Нет, природа в иллюстрациях Фаворского не безучастна к судьбе русских людей! Светлая песнь радости звучит в лугах, полях и лесах родной земли, по которым поспешает из плена Игорь. Радуются люди, праздничным светом залита земля. И как убедительно эта мысль выражена! Нам дороги бородатые предки, с достоинством посылающие привет князю. А чудные ребяташки, взапуски бегущие встретить недавних пленников!

В этой сценке, переданной В.А.Фаворским с таким благородством и тактом, было бы нетрудно впасть в умильность, слащавость; чрезвычайно сложно найти здесь гармонически звучащий композиционный ансамбль. У Фаворского же все в меру, все на месте, все подчинено идее и вместе с тем все непосредственно, живо, пластично.

О гравюрах Владимира Андреевича Фаворского хочется сказать словами Пушкина: „Какая глубина! Какая смелость и какая стройность!..“<...>

Я недаром вспомнил сейчас о Пушкине. Не год и не два работал Владимир Андреевич над бессмертными образами пушкинских произведений.<...>

„Всякий... предмет выбирай, соответственный силе; долго рассматривай, пробуй, как ношу, поднимут ли плечи. Если кто выбрал предмет по себе, ни порядок, ни ясность не оставят его: выражение будет свободно“. Эти слова Горация прекрасно соотносятся с творчеством Владимира Андреевича Фаворского. Годы, а то и десятилетия, выбрав предмет, „соответственный силе“, он рассматривает, пробует, „поднимут ли плечи“, трудится сосредоточенно и долго. Начало работы над „Словом“ уходит к истокам тридцатых годов.<...>

Особенность и бесконечное достоинство гравюр Фаворского в том, что они органично слиты с книгой, с текстом.

Говорят, образам Фаворского не хватает поражающей взор броскости. А нужна ли такая броскость книжной иллюстрации? Я уверен, что нет.

Точность и глубина мысли — вот первейшее качество книжной гравюры. Когда человек берет в руки книгу, достойную внимания, он приуготовлен к активной работе мысли.

Уже внешнее оформление, форзац, шмуцтитул, титульный разворот настраивают на определенный лад. У Фаворского миниатюры,

поставленные в изголовье книги, обычно вскрывают дух и смысл повествования, являются как бы заветным золотым ключом.

Иллюстрации в тексте имеют у Фаворского глубинный характер. Он обычно избирает узловые точки повествования—вершины, с которых открываются дали, начало и конец пути.<...>

Я думаю, что со времен Дюрера искусство гравюры не знало мастера с подобным масштабом дарования. Труд Владимира Андреевича Фаворского делает честь советскому искусству.

1962—1968 гг.

И.С.Ефимов

Из „Литературных зарисовок“

Мне досталось от судьбы великое счастье жить рядом с Фаворским. Всегда можно было услышать исчерпывающий всепонимающий совет. Жажда работать сопутствует ему всю жизнь. Пахать до глубины плодородную почву. Ему не приходится ждать вдохновения, оно всегда наполняет его до краев. И что драгоценно—его вдохновение тихое, глубокое, спокойное. Это не бурное кипение, наполовину растрачивающее свой пыл впустую. А уж когда Фаворский возьмется что-нибудь изучать, так проникнет в предмет насквозь. И как разнообразен! <...>

Удивляешься гравюрам Фаворского к „Слову“. Не отвлекают, а помогают читать. Это создано в последние времена, какие возможны для такого верного понимания. Боюсь, дальнейшие века еще дальше будут отходить от возможности такого понимания и любви, все глуше им будут звучать глаголы „Слова“.

Верю, что эти отражения „Слова“ в душе Владимира Андреевича сомкнут порывающуюся связь и сделают большое дело, насыщая дух наших потомков.

Необыкновенная любовная, изощренного ума догадка украшения книги: как изобразить летящую стаю лебедей и соколов, влетающих в текст на примкнутом коричневом отрезе темнеющего черным орнаментом полукруга. Как дать вселиться в свою душу душе древнего изографа, чтобы запутать такими натянутыми ремнями полоненного сокола.

Слезы капаят на такие рисунки. Живет русская душа.

1950-е гг.

Д.С.Лихачев

Письмо В.А.Фаворскому

29 апреля 1962 г.

Глубокоуважаемый Владимир Андреевич!

Только что<...>с радостью узнал о награждении Вас Ленинской премией.

От всей души поздравляю.

Я следил за Вашей работой над гравюрами к „Слову о полку Игореве“ и горжусь тем, что моя вступительная статья напечатана в той же книге, где увидели свет Ваши замечательные иллюстрации.

Желаю Вам здоровья, а все остальное придет.

Искренне Вас уважающий *Д.Лихачев*

Даты работы В.А.Фаворского
над „Словом о полку Игореве“

1937—1938

Работа над гравюрами к „Слову“ для издательства „Художественная литература“

Перевод, предисловие и пояснения Ивана Новикова

Общая редакция и вступительная статья Н.К.Гудзия

Переплет, фронтиспис, заставки, концовки—гравюры на дереве

В.А.Фаворского

Москва, „Художественная литература“, 1938

1938

Выставка к 750-летию „Слова о полку Игореве“

Оформление первого зала выставки В.А.Фаворского и С.П.Исакова. 17 левкасных досок с росписями и текстом „Слова“

Росписи В.А. Фаворского и Л.Р.Мюльгаупта

Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова

Москва, Государственный Литературный музей

Выставка открылась в начале октября 1938 г.

1945—1948

Работа над гравюрами к „Слову“ для Гослитиздата (издание не осуществлено)

Исполнен макет и две гравюры („Боян“ и „Затмение“)

1950—1951

Работа над гравюрами к „Слову“ для Издательства детской литературы

Вступительная статья, редакция текста, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, примечания Д.С.Лихачева

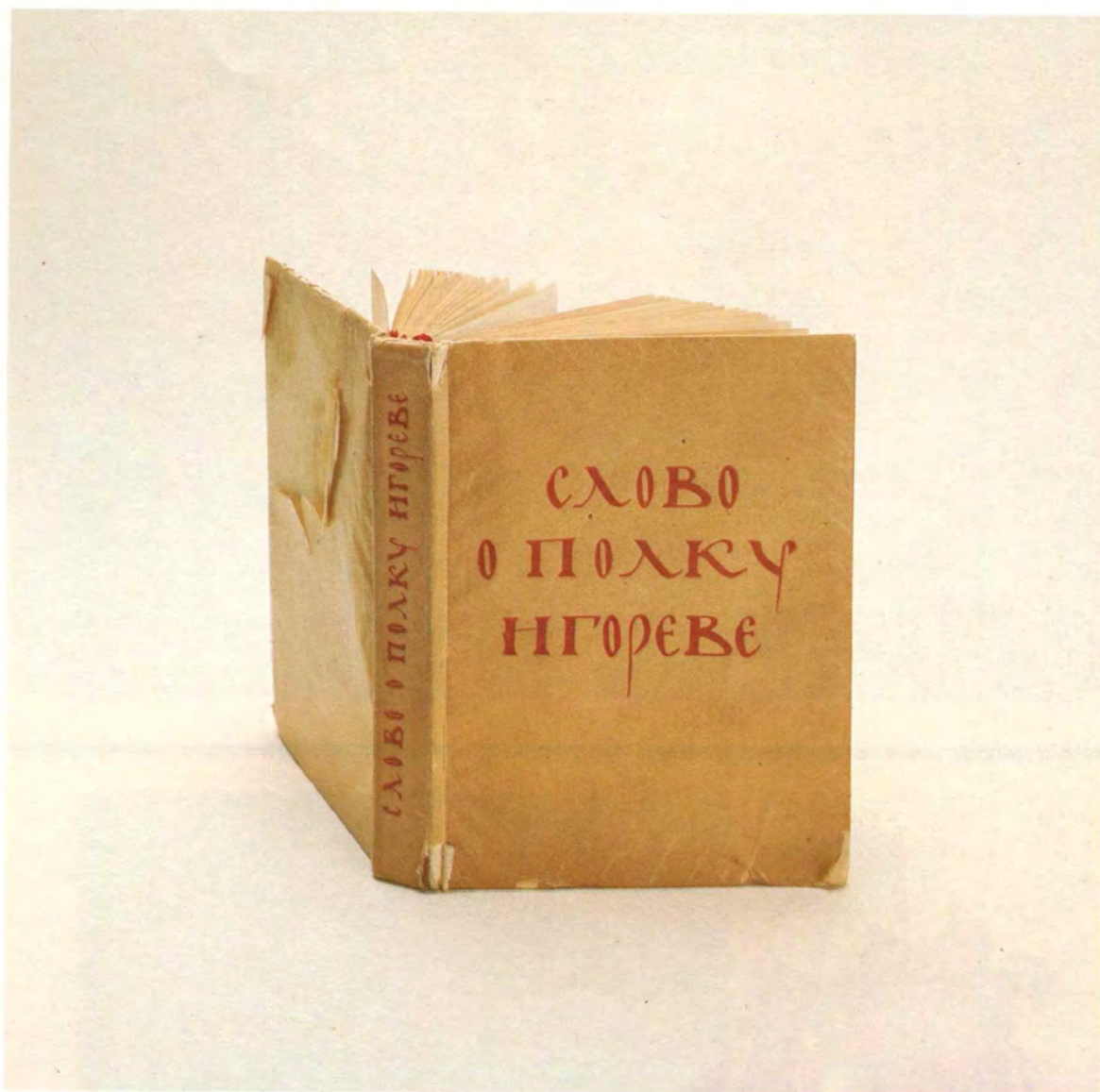
Гравюры к тексту и переводу, титульный лист, фронтиспис и переплет В.А.Фаворского

Гравюры к поэтическим переложениям, украшения и шмуцтитулы М.И.Пикова. Макет книги В.В.Пахомова

Москва, Детгиз, 1952

В 1962 г. за иллюстрации к классическим произведениям русской литературы („Слово о полку Игореве“, „Борис Годунов“, „Маленькие трагедии“ А.С.Пушкина) Владимиру Андреевичу Фаворскому присуждена Ленинская премия

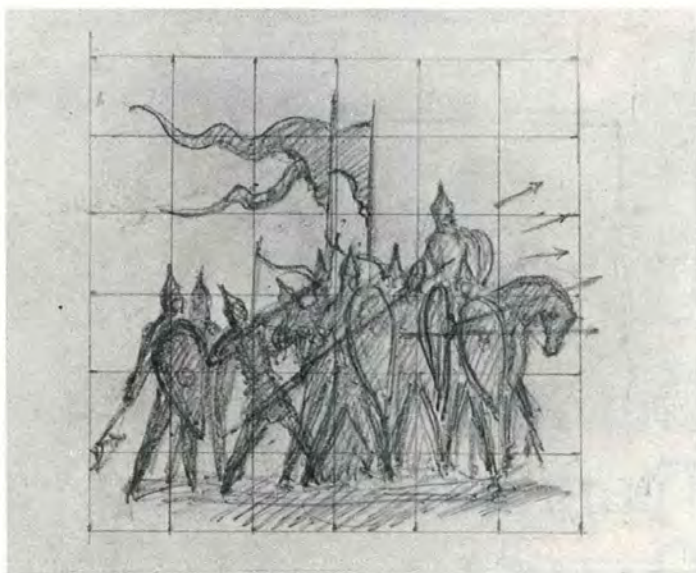
Эскизы
Гравюрные доски
Оттиски

/ К изданию 1938 г. /

На шмуцтитуле:
Переплет книги „Слово о полку
Игореве“. 1938

Верхний ряд:
1 Битва с половцами
Разворот книги с гравю-
рой на авантитуле
Нижний ряд:
Гравюра для авантитула
2—4 Эскиз к гравюре, доска
и оттиск

Верхний ряд:

Затмение

Фронтиспис

Сокол и ворон

Гравюра на титульном листе

5 Титульный разворот
книги с гравюрами

Нижний ряд:

Затмение

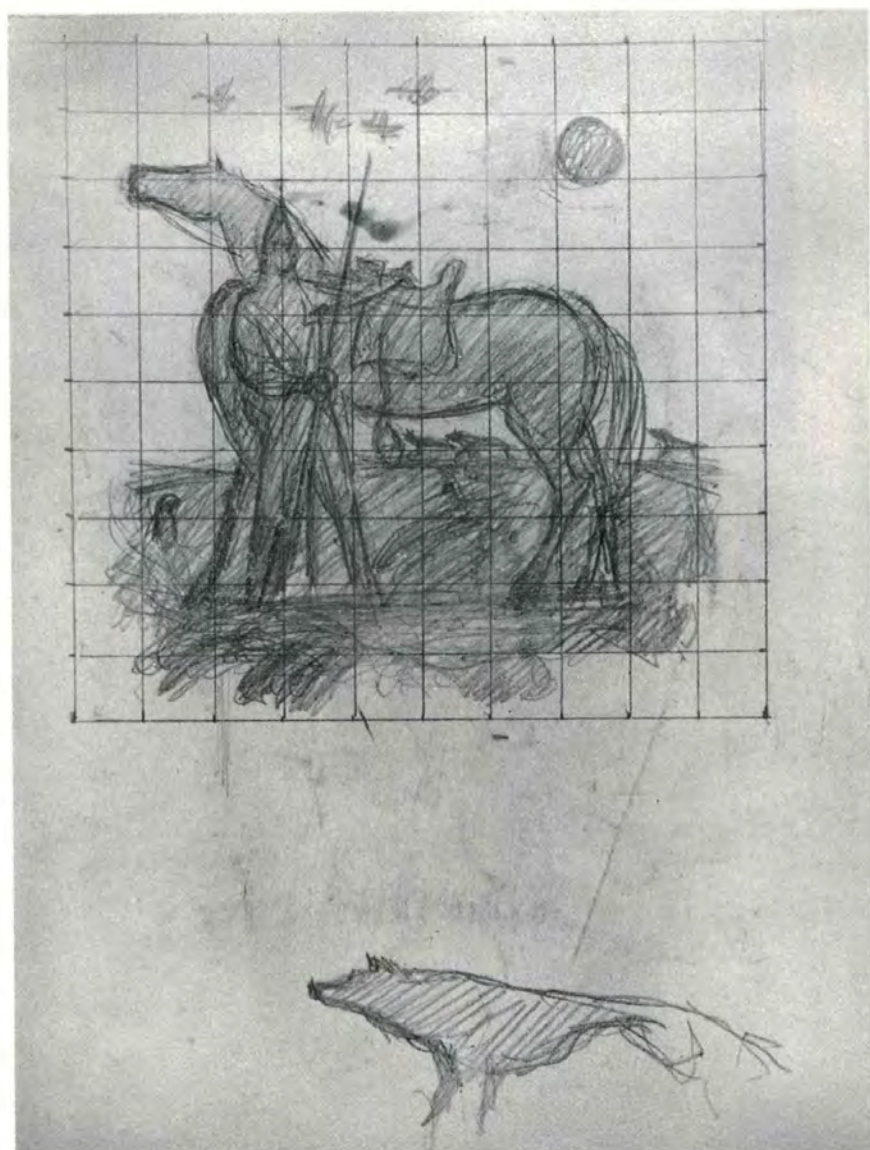
Гравюра для фронтисписа

6—7 Эскиз к гравюре и доска

Сокол и ворон

Гравюра для титульного листа

8—9 Доска и оттиск

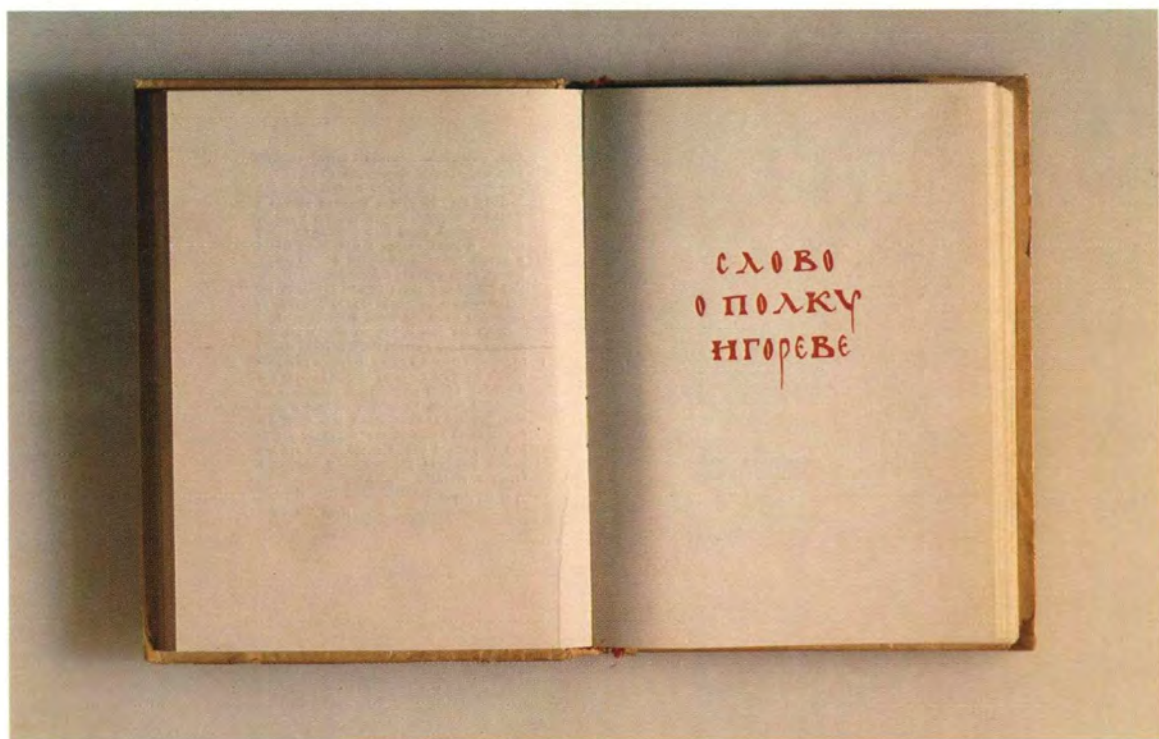
Затмение
Гравюра для фронтисписа
10—11 Оттиски. Печать красной
и черной краской

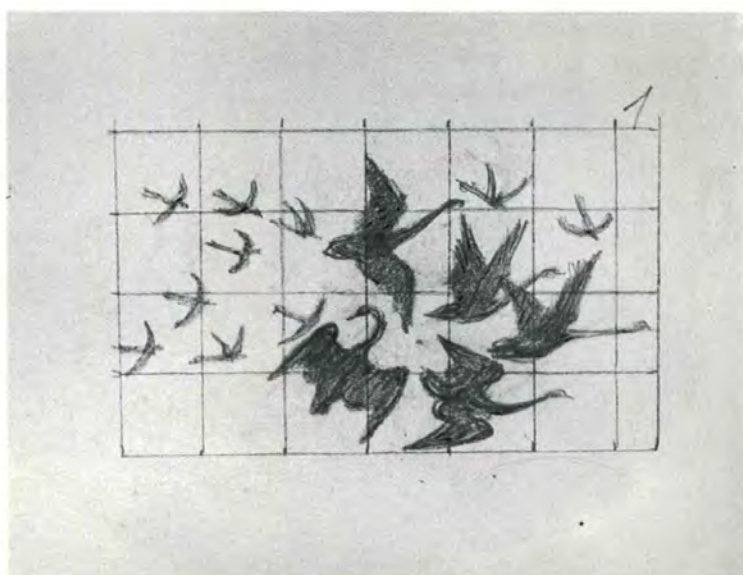
Верхний ряд:
12 Разворот книги
со шмуцтитолом
Нижний ряд:
13—14 Надпись на переплете
Доска и оттиск

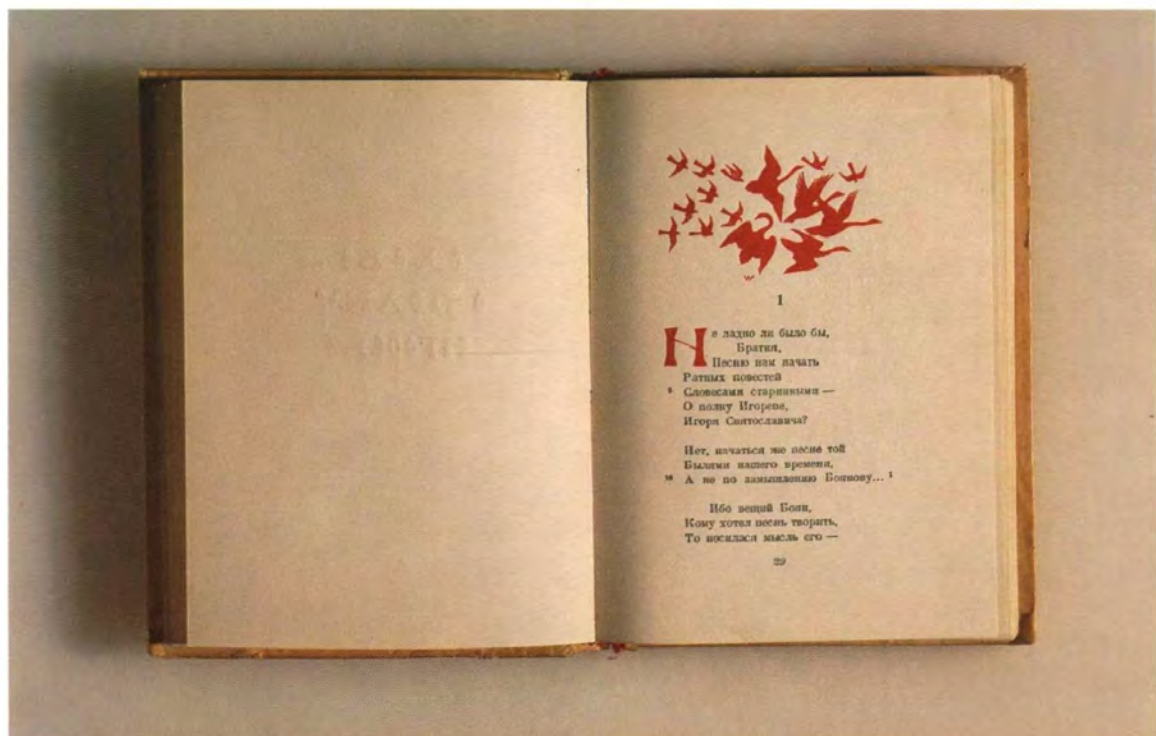

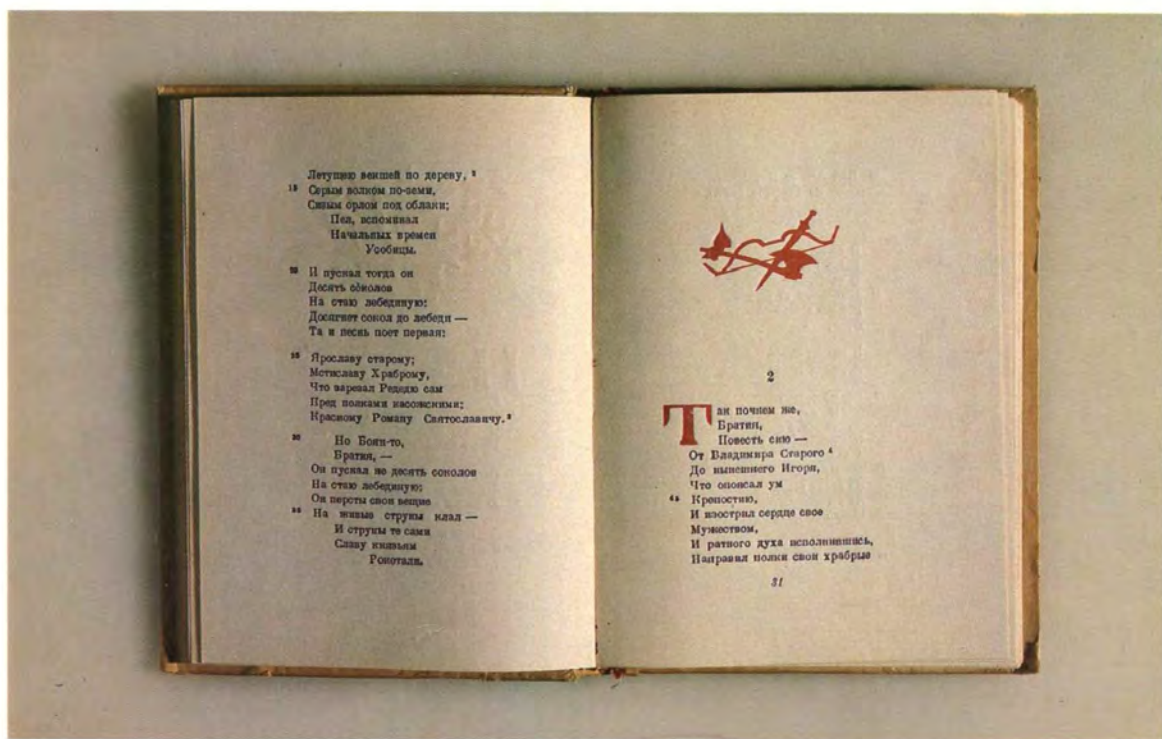
СЛОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ

	<i>Верхний ряд:</i>
Глава 1	Соколы и лебеди
15	Разворот книги с заставкой, инициалом и текстом „Слова“.
Страницы 28—29	
	<i>Нижний ряд:</i>
Глава 1	Соколы и лебеди
Заставка	
16—18	Эскиз к гравюре, доска и оттиск
	Инициал Н
19—20	Доска и оттиск

Н

Верхний ряд:

Глава 2

Шлем, лук, меч и секира

21 Разворот книги

с заставкой, инициалом

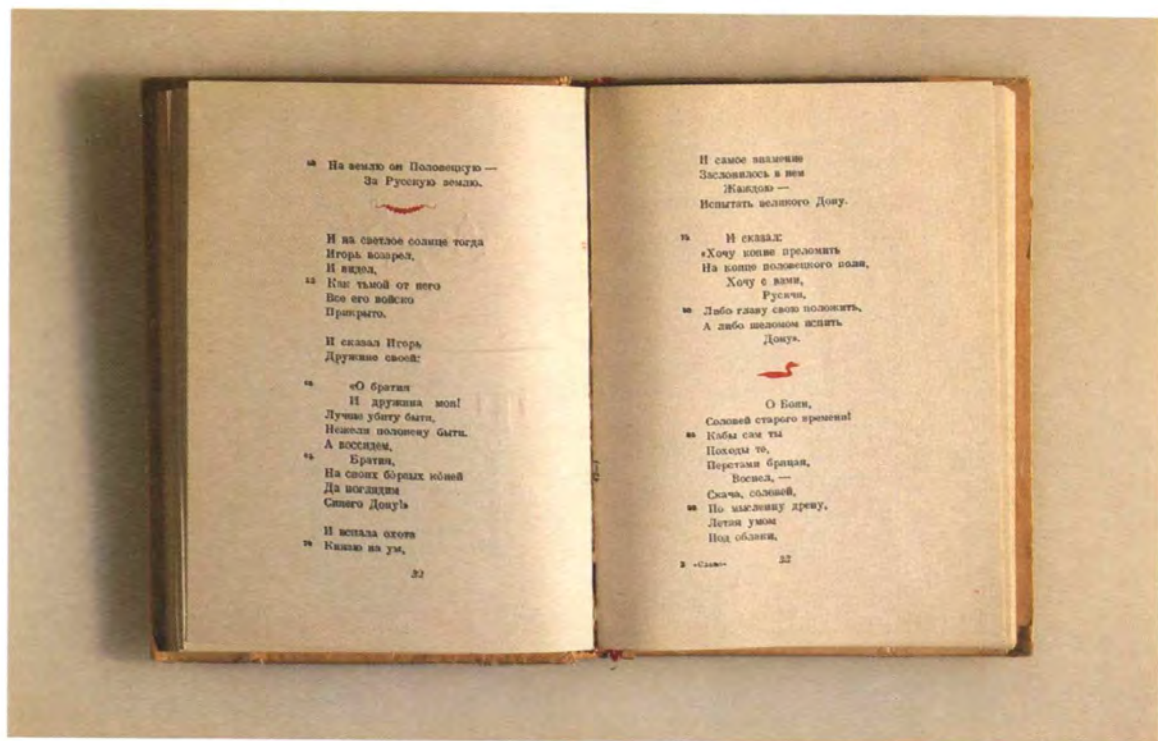
и текстом „Слова“.

Страницы 30—31

22 Разворот книги

с концовками и текстом „Слова“.

Страницы 32—33

Нижний ряд:

Глава 2

Нитка бус и утица

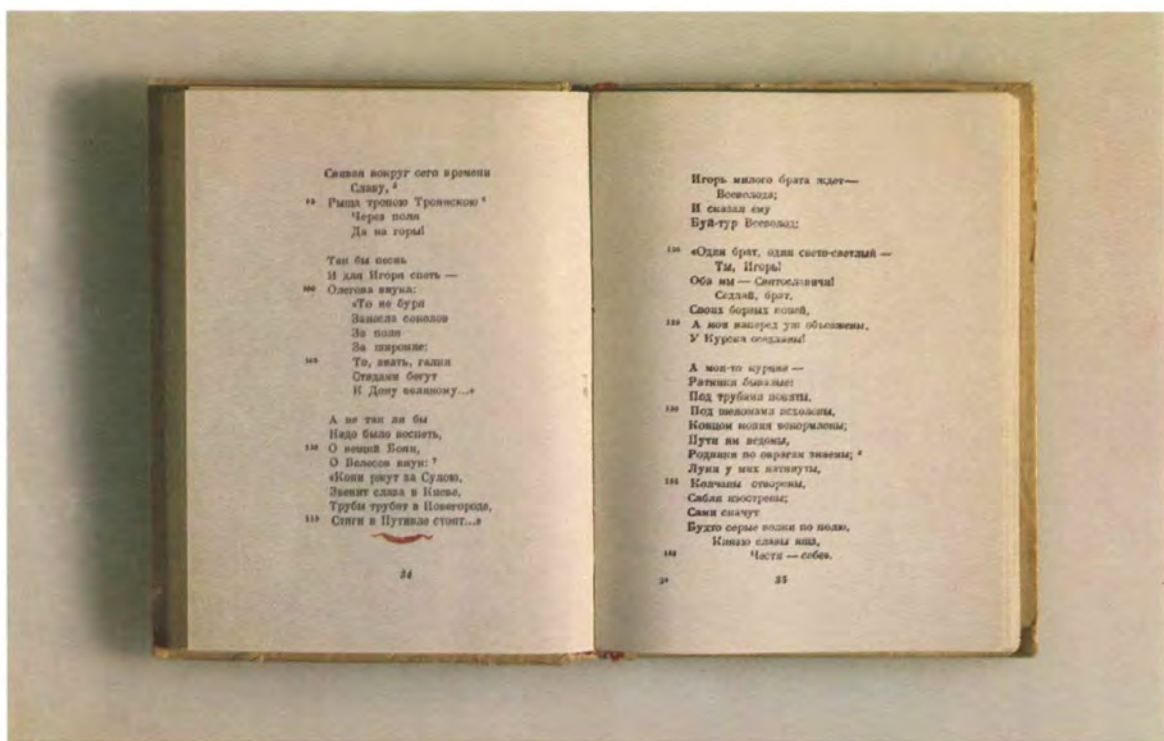
Концовки

Инициал Т

Шлем, лук, меч и секира

Заставка

23—30 Доски и оттиски

И

Т

Ч

И

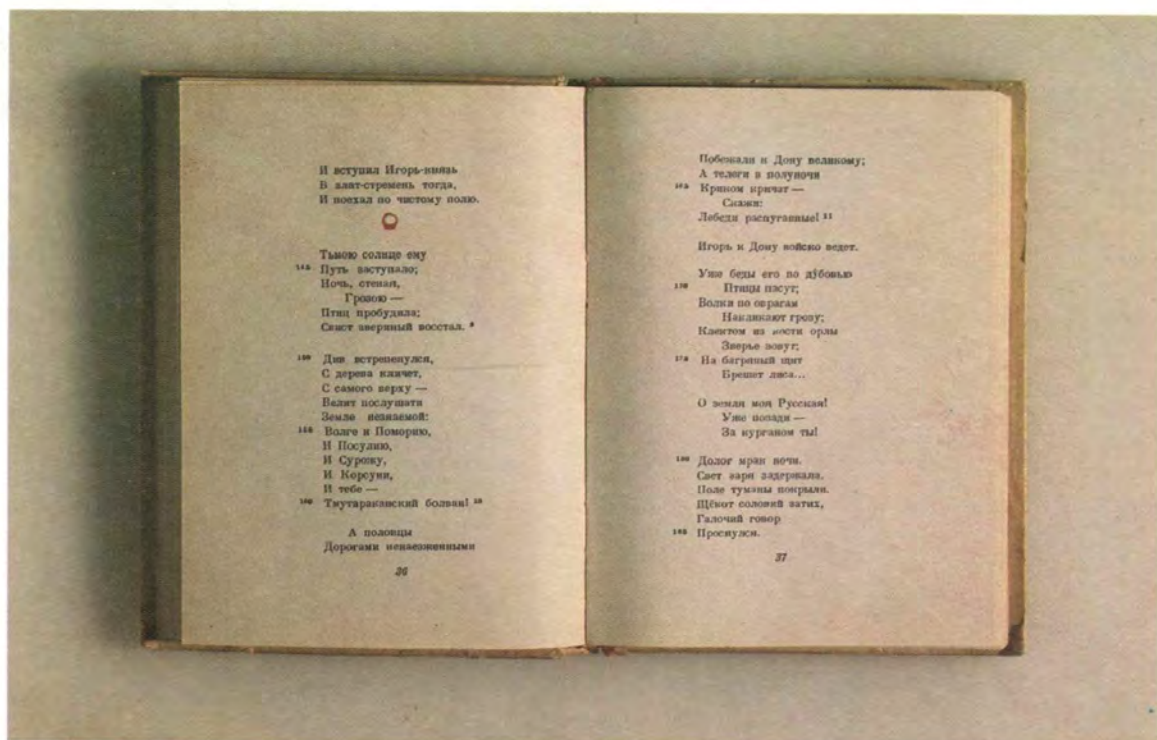

Ч

Верхний ряд:

Глава 2

31—32 Развороты книги
с концовками и текстом „Слова“.
Страницы 34—35, 36—37

И

И

В

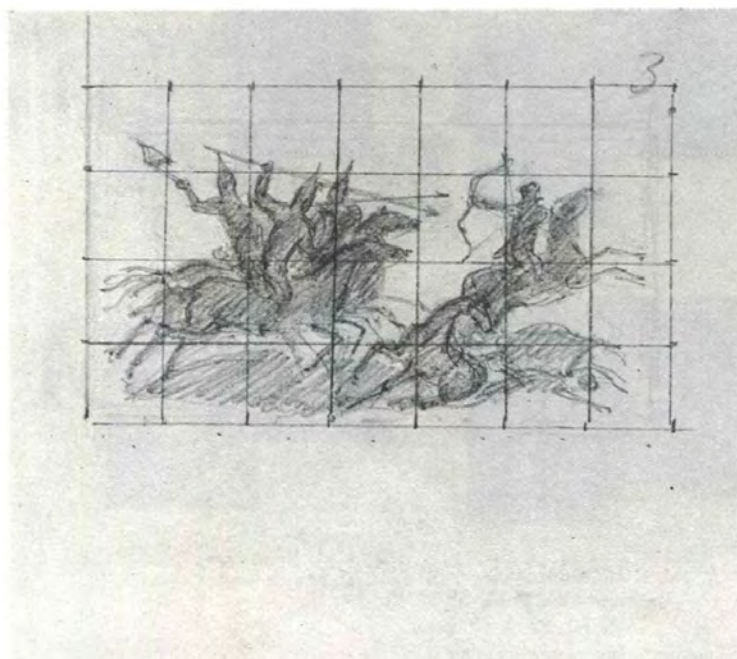
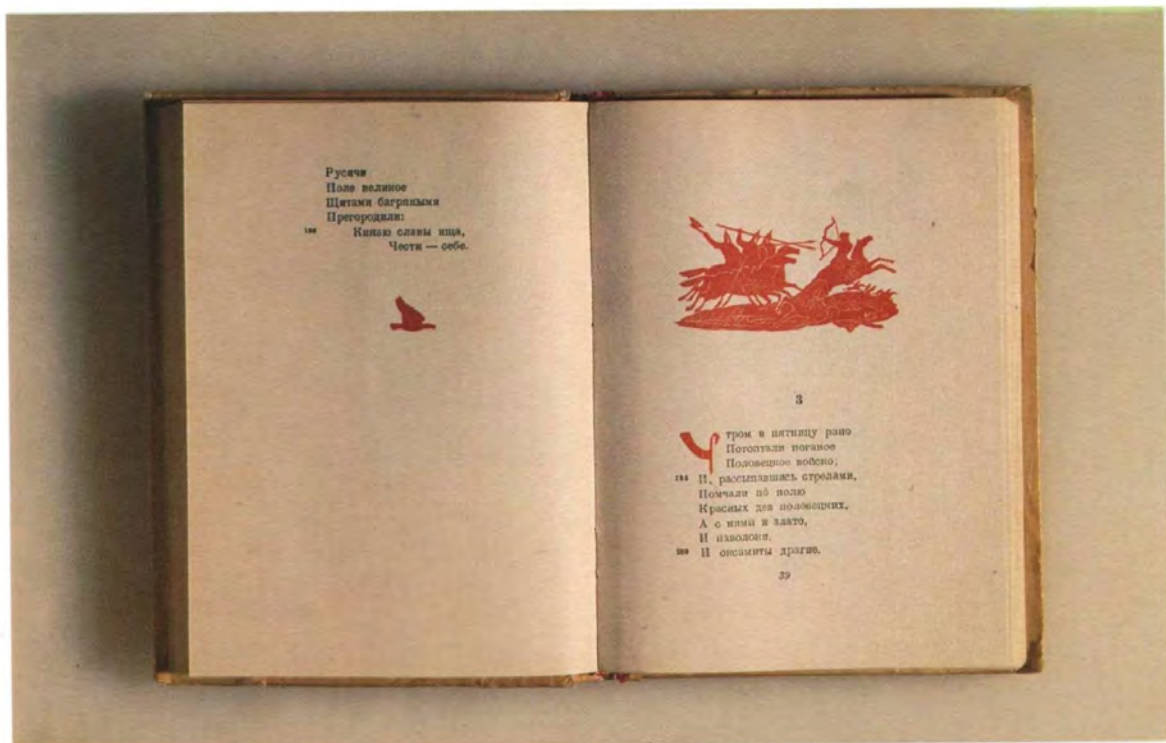
М

Нижний ряд:

Инициалы И. Т. У. И.

И. Н. У. В. М

33—50 Доски и оттиски

Верхний ряд:

Главы 2—3

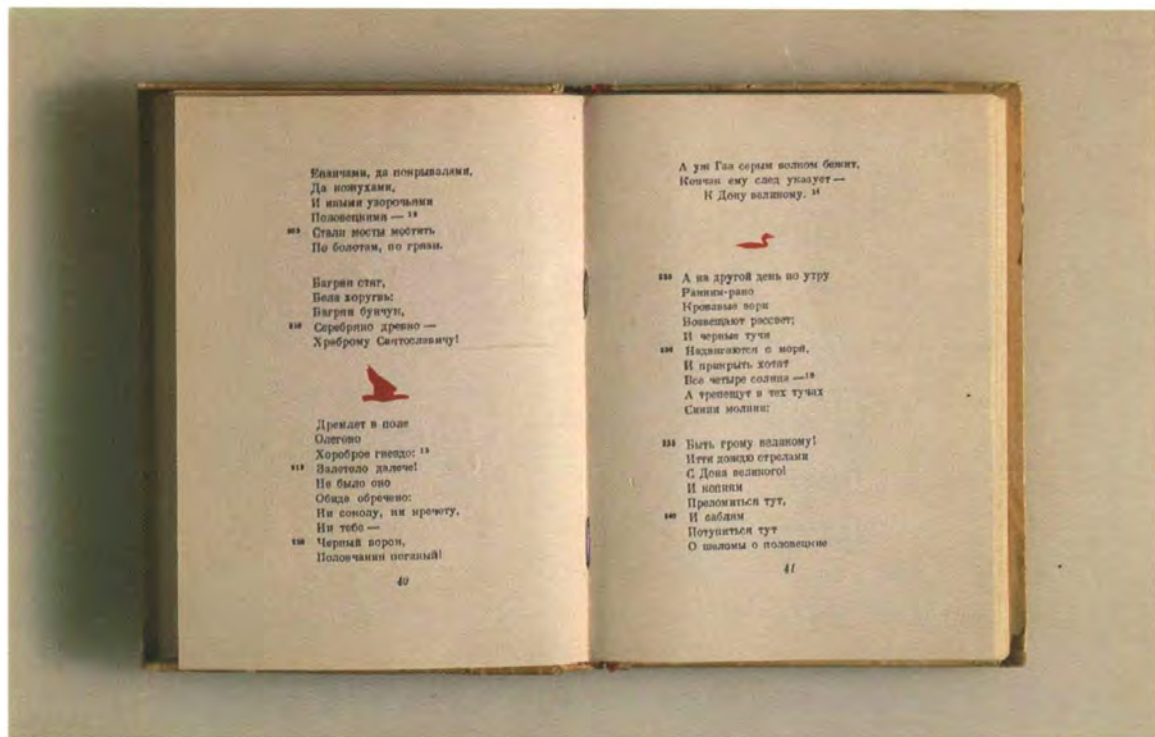
Первое сражение
с половцами

51 Разворот книги с кон-
цовкой (гл. 2), заставкой, инициа-
лом (гл. 3) и текстом „Слова“.

Страницы 38—39

52 Разворот книги с кон-
цовками (гл. 3) и текстом „Слова“.

Страницы 40—41

Нижний ряд:

Глава 3

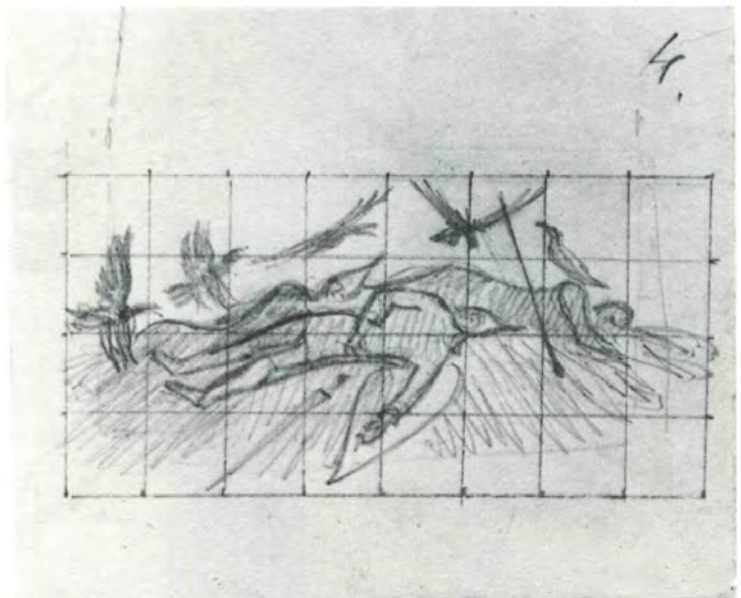
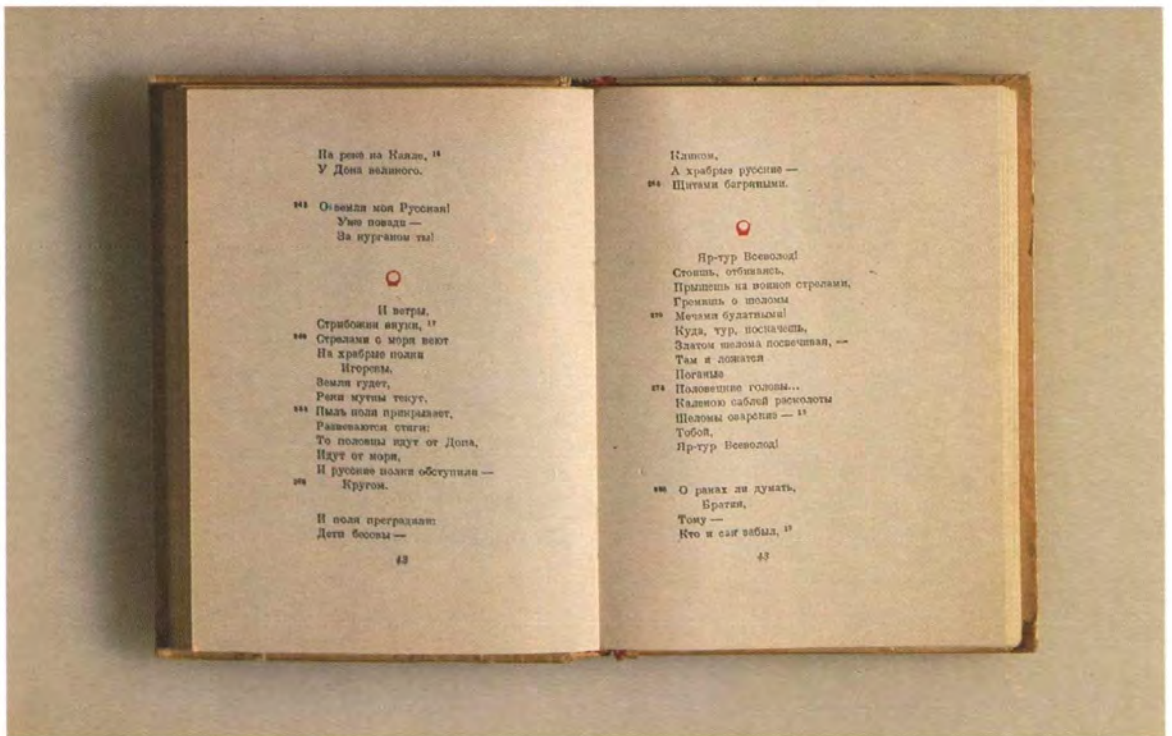
Первое сражение
с половцами

Заставка

53—55 Эскиз к гравюре, доска
и оттиск

Инициал У

56—57 Доска и оттиск

Верхний ряд:

Главы 3—4

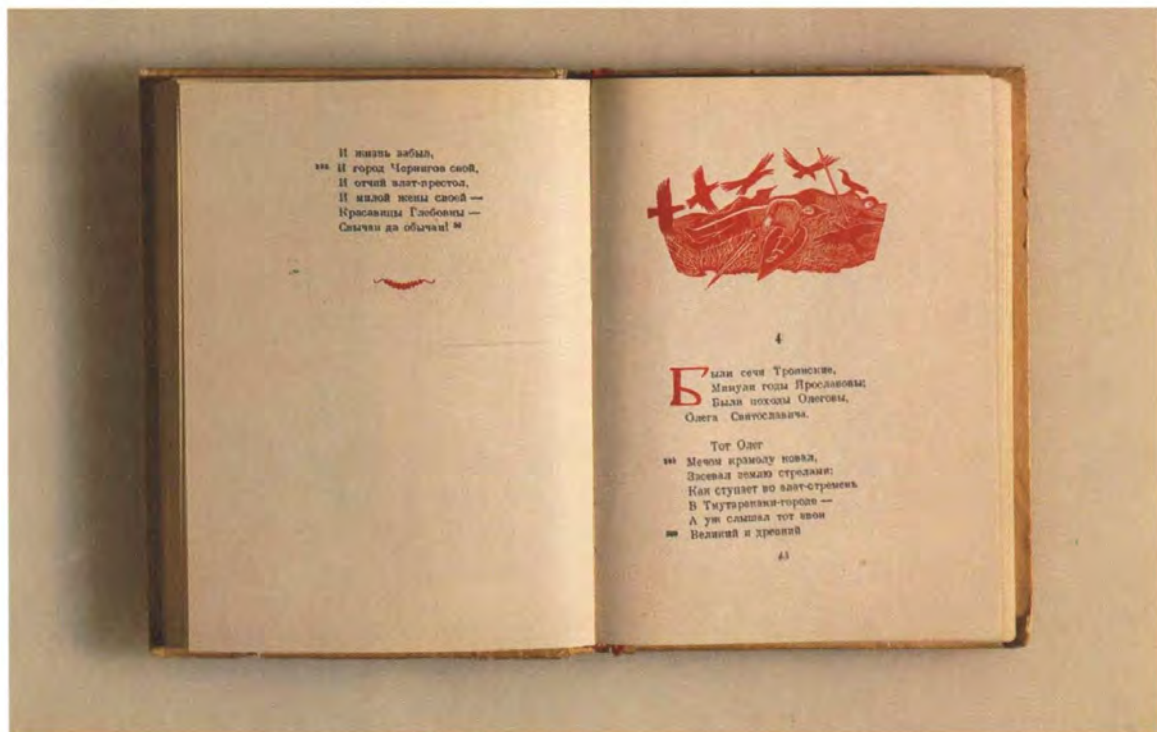
58 Разворот книги с концовками (гл. 3) и текстом „Слова“.

Страницы 42—43

Поле битвы после сражения

59 Разворот книги с концовкой (гл. 3), заставкой, инициалом (гл. 4) и текстом „Слова“.

Страницы 44—45

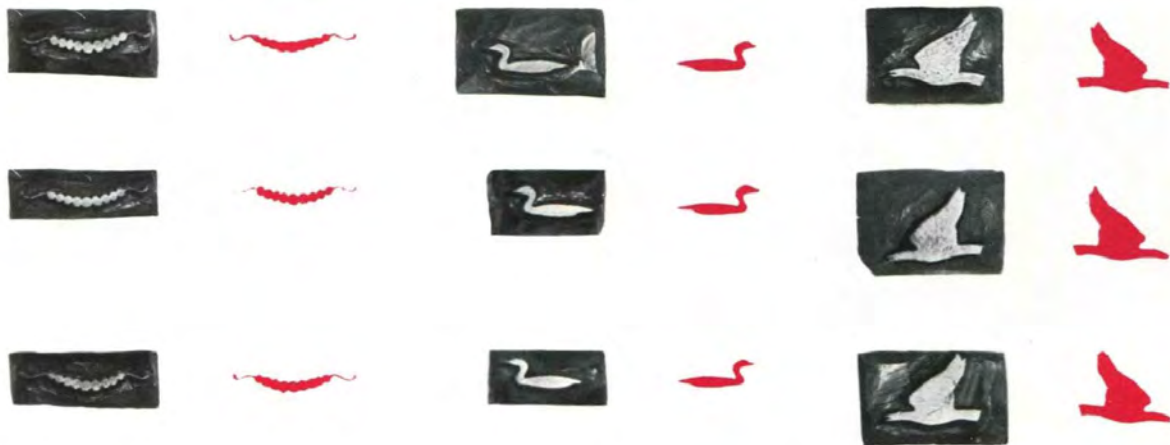
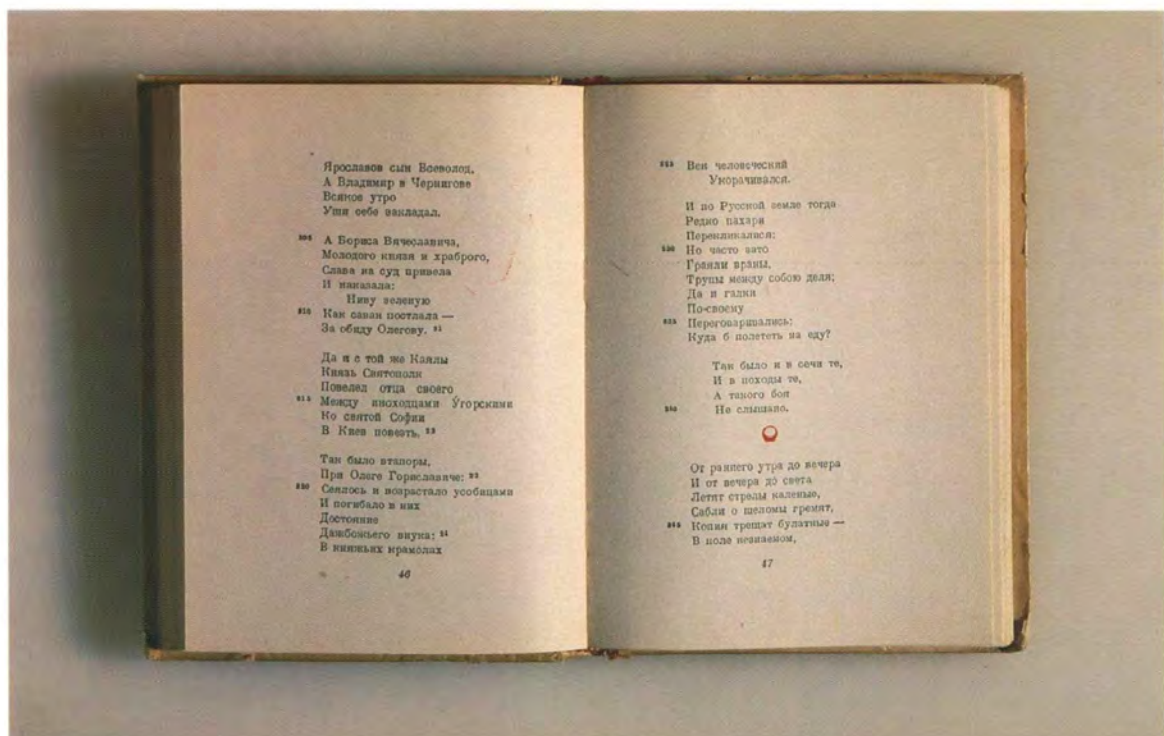
Нижний ряд:

Глава 4

Поле битвы после
 сражения

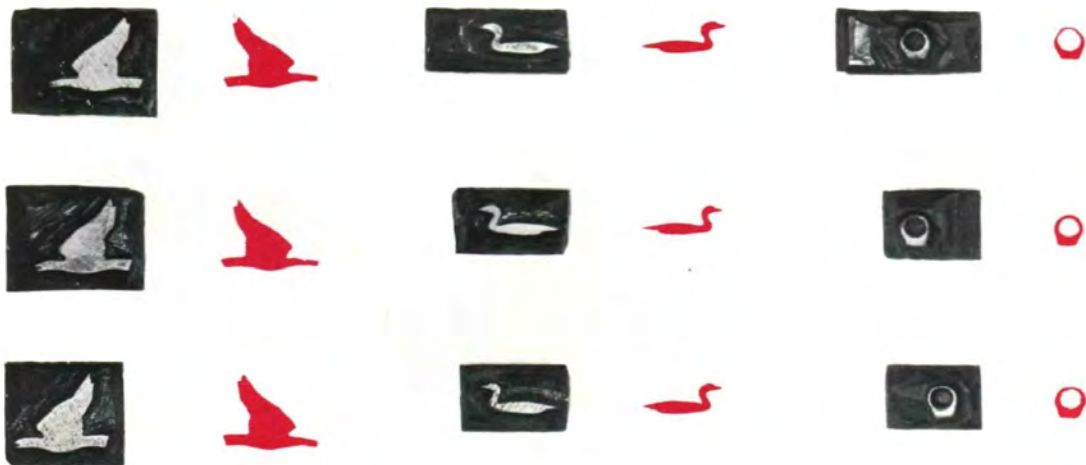
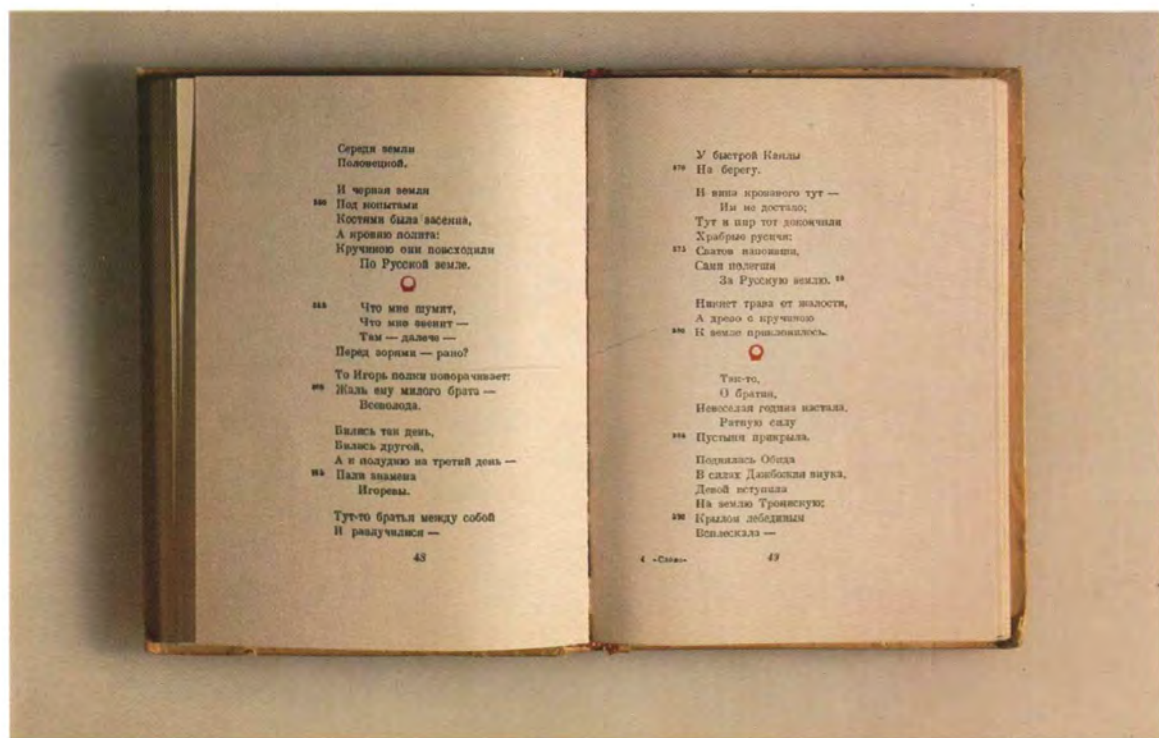
Заставка

60—62 Эскиз к гравюре, доска
 и оттиск

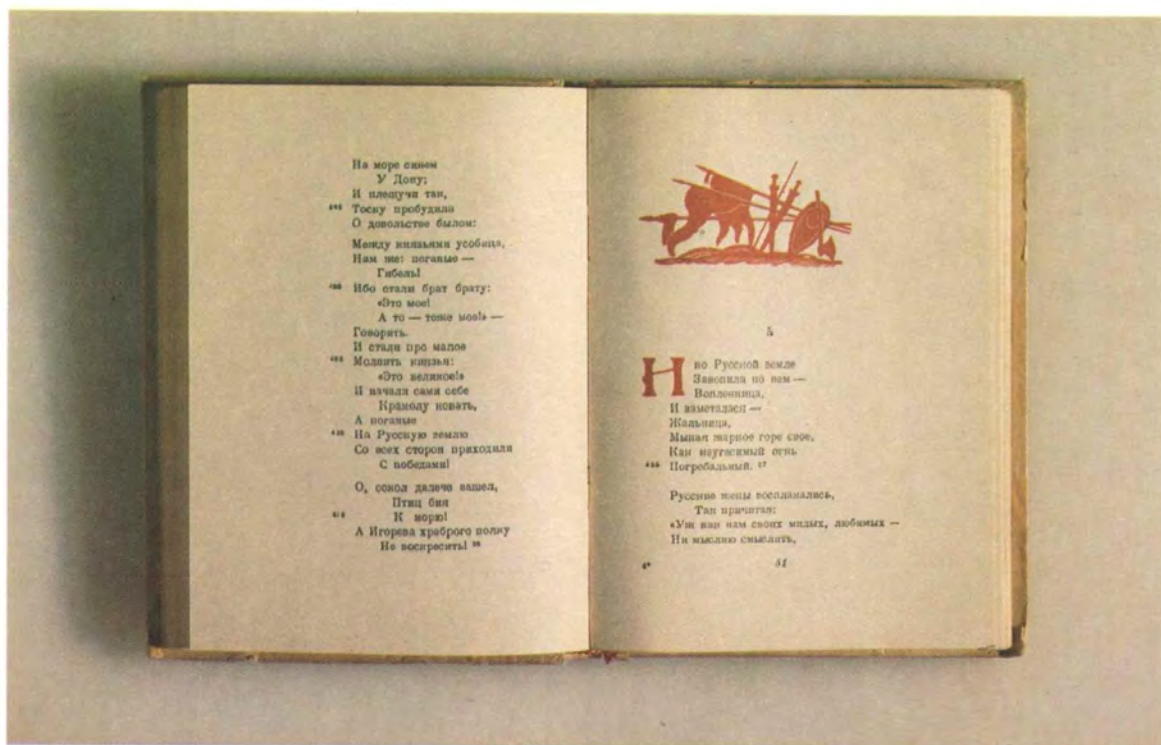
Верхний ряд:

Глава 4
63—64 Развороты книги с концовками и текстом „Слова“.
Страницы 46—47, 48—49

Нижний ряд:
Нитка бус, утица,
лебедь и перстень

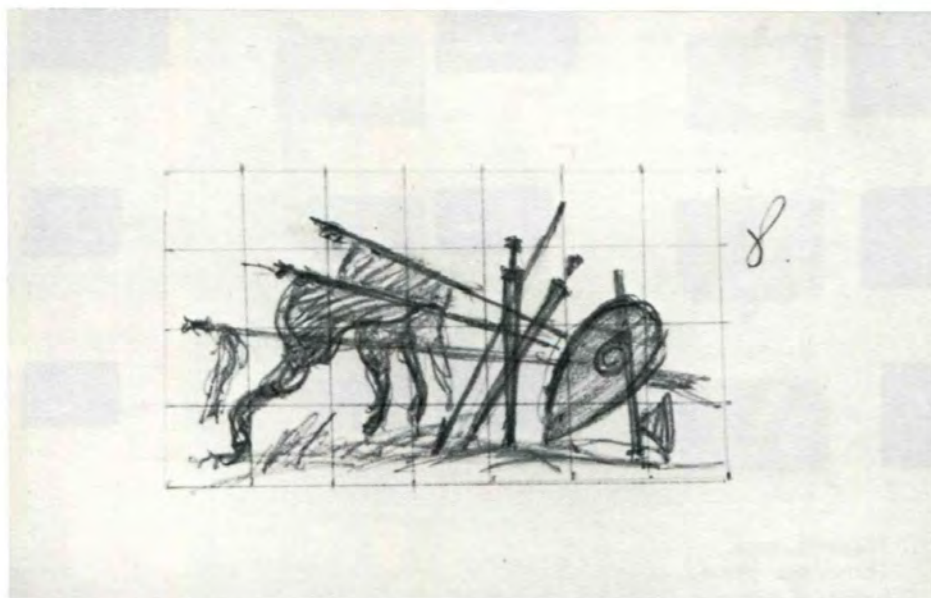
Концовки
65—100 Доски и оттиски

На море синем
 У Дону;
 И плещучи там,
 Тоску пробудила
 О довольстве былом:
 Между князьими усобица,
 Нам же: поганью —
 Гибель!
 Ибо стали брат брату:
 «Это мое!
 А то — тоже мое!» —
 Говорять.
 И стади про малое
 Молвить князьи:
 «Это великое!
 И начала сама себе
 Криводу новать,
 А поганью
 На Русскую землю
 Со всех сторон приходила
 С победою!
 О, осовод далеко вшея,
 Птиц бил
 И зверя!
 А Игоря храброго полку
 Не восприсил!»

5
Н во Русской земле
 Завопила по нам —
 Воплощица,
 И выметался —
 Идальница,
 Мысли жарное горе свое,
 Как иугасимый огонь
 Погребальный.
 Русские жены восплачались,
 Там причитал:
 «Уж как нам светит милых, любимых —
 Ни мыслю смывать,
 Ни мыслю смывать,
 Ни мыслю смывать.»

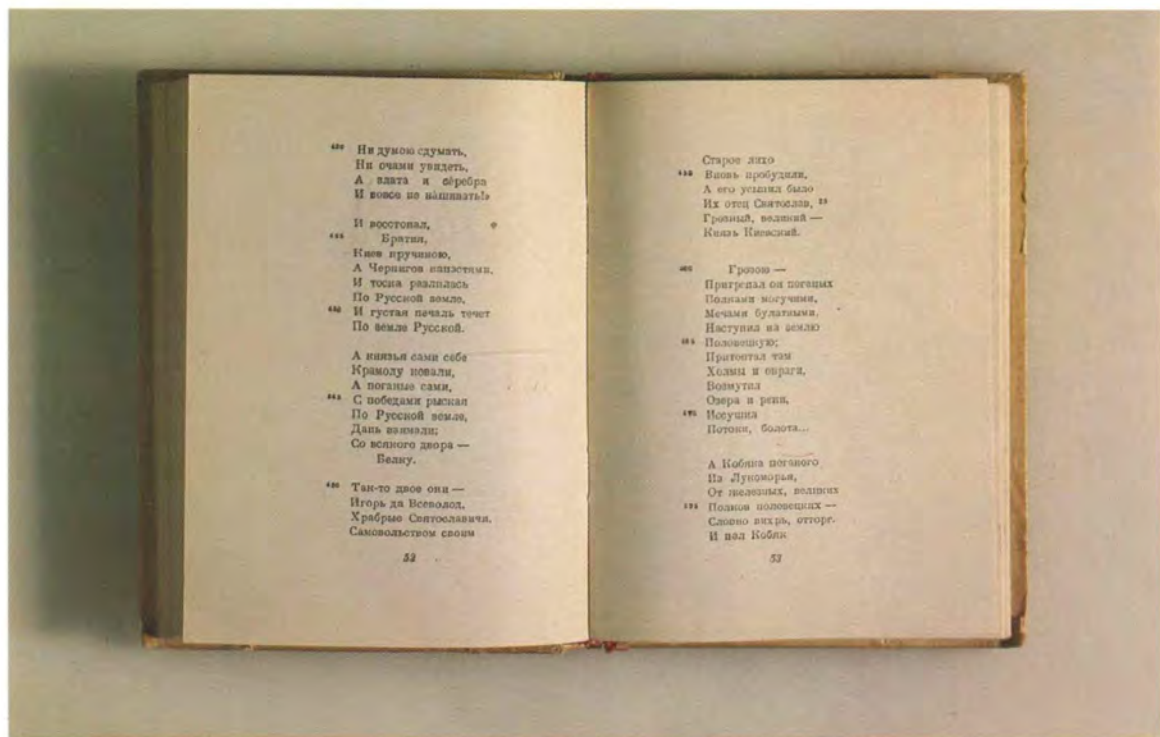
Верхний ряд:

Глава 5

Стяги, мечи, копье,
щит и секира

101 Разворот книги с за-
ставкой, инициалом и текстом
„Слова“. Страницы 50—51

102 Разворот книги с тек-
стом „Слова“. Страницы 52—53

Нижний ряд:

Глава 5

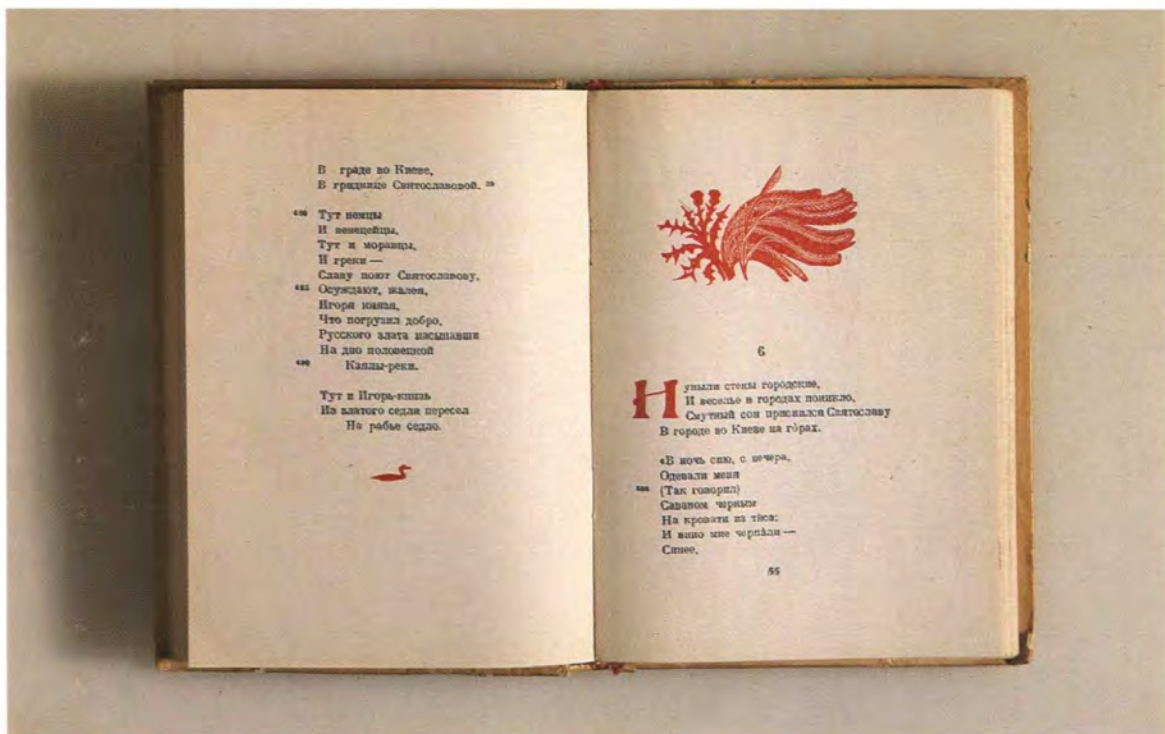
Стяги, мечи, копье,
щит и секира

Заставка

103—105 Эскиз к гравюре,
доска и оттиск

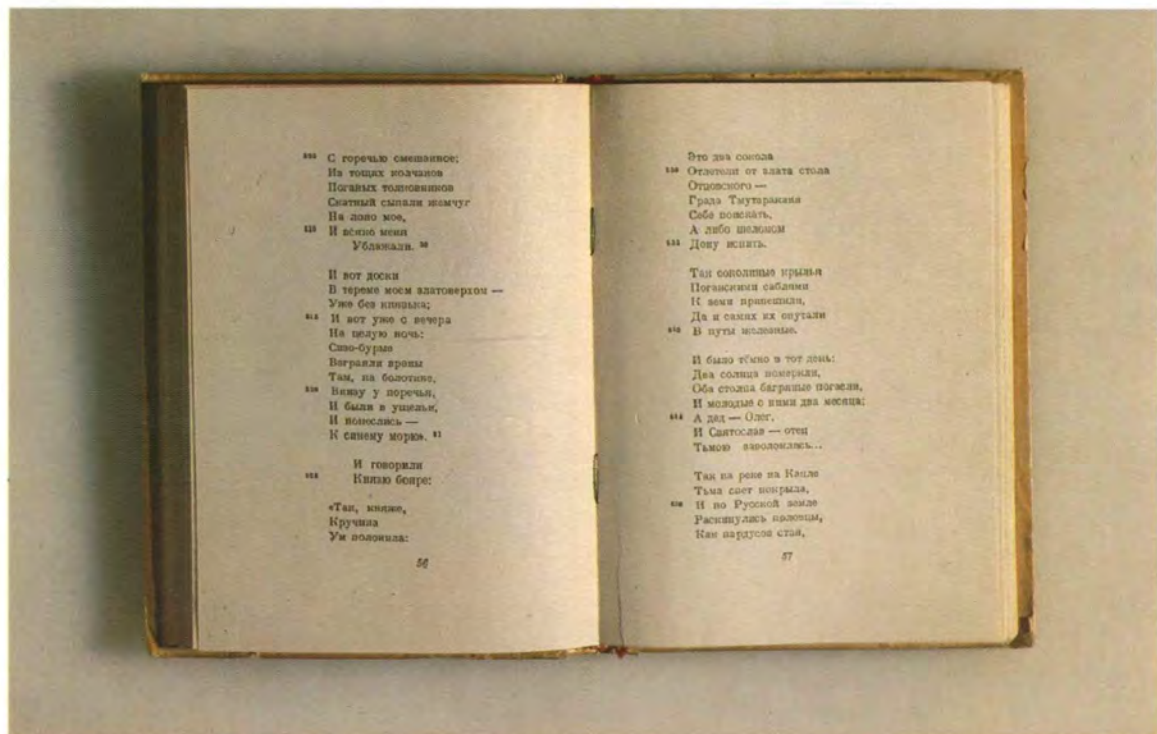
— Инициал И

106—107 Доска и оттиск

Верхний ряд:

- Главы 5—6
 Чертополох и ковыль
 108 Разворот книги с кон-
 цовкой (гл. 5), заставкой, ини-
 циалом (гл. 6) и текстом „Слова“.
 Страницы 54—55
 109 Разворот книги с тек-
 стом „Слова“. Страницы 56—57

И —

Нижний ряд:
 Глава 6
 Утица
 Концовка
 Инициал И
 Чертополох и ковыль
 Заставка
 110—115 Доски и оттиски

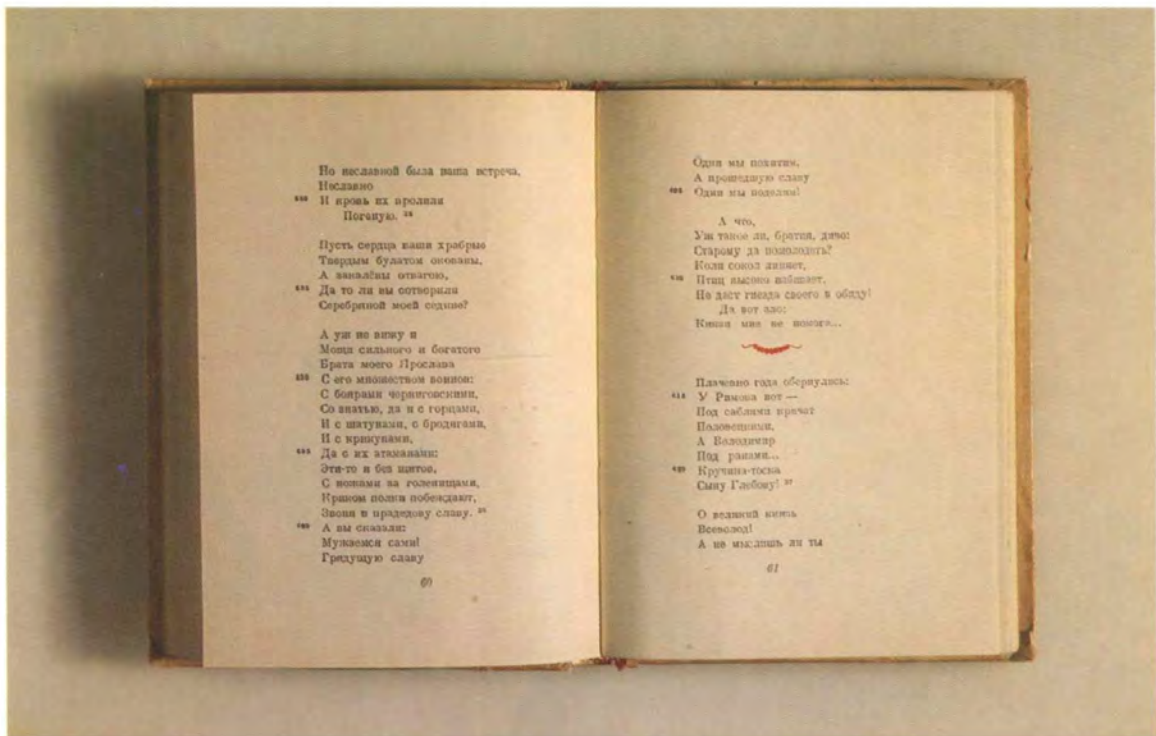

Верхний ряд:

Главы 6—7

Шлем, лук, меч и секира
116 Разворот книги с кон-
цовкой (гл. 6), заставкой, ини-
циалом (гл. 7) и текстом „Слова“.
Страницы 58—59

117 Разворот книги с кон-
цовкой (гл. 7) и текстом „Слова“.
Страницы. 60—61

Нижний ряд:

Главы 6—7

Нитка бус и лебедь

Концовки

Инициал И

Шлем, лук, меч и секира

Заставка

118—125 Доски и оттиски

Н

Т

Ч

Н

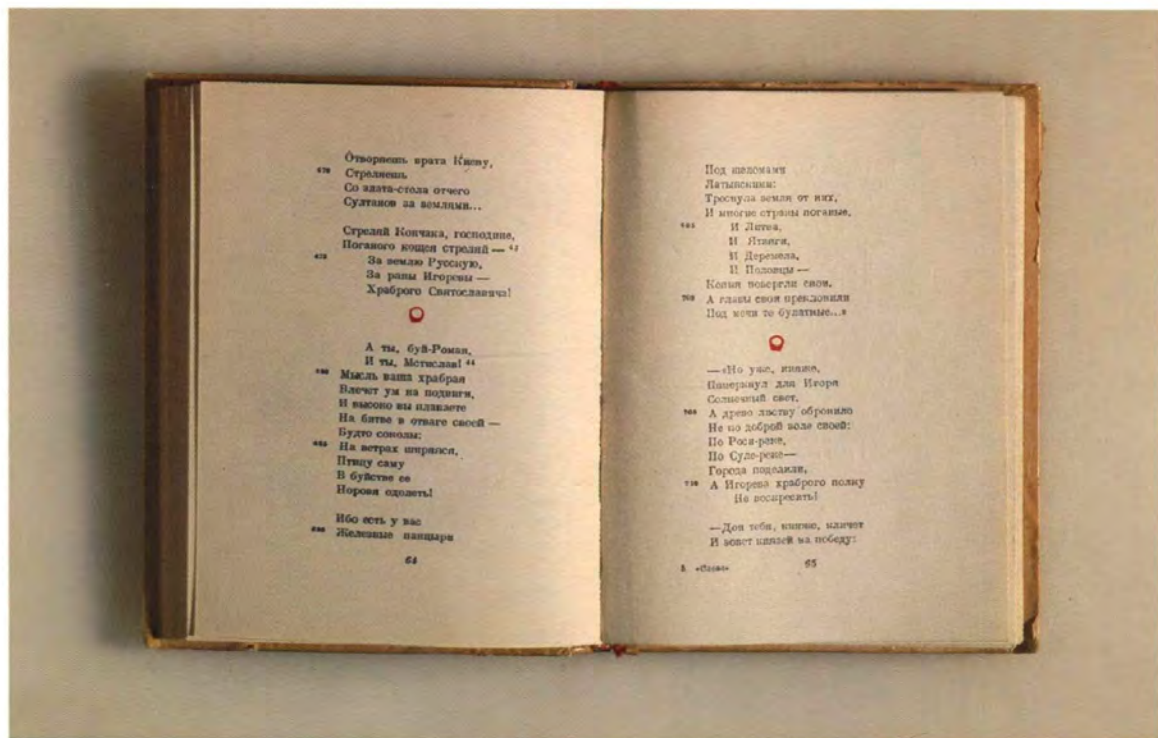
Ч

Верхний ряд:

Глава 7

126—127 Развороты книги с кон-
цовками и текстом „Слова“.

Страницы 62—63, 64—65

Н

Н

В

М

Нижний ряд:

Инициалы Н, Т, У, И, И,

Н, У, В, М

128—145 Доски и оттиски

Верхний ряд:

Главы 7—8

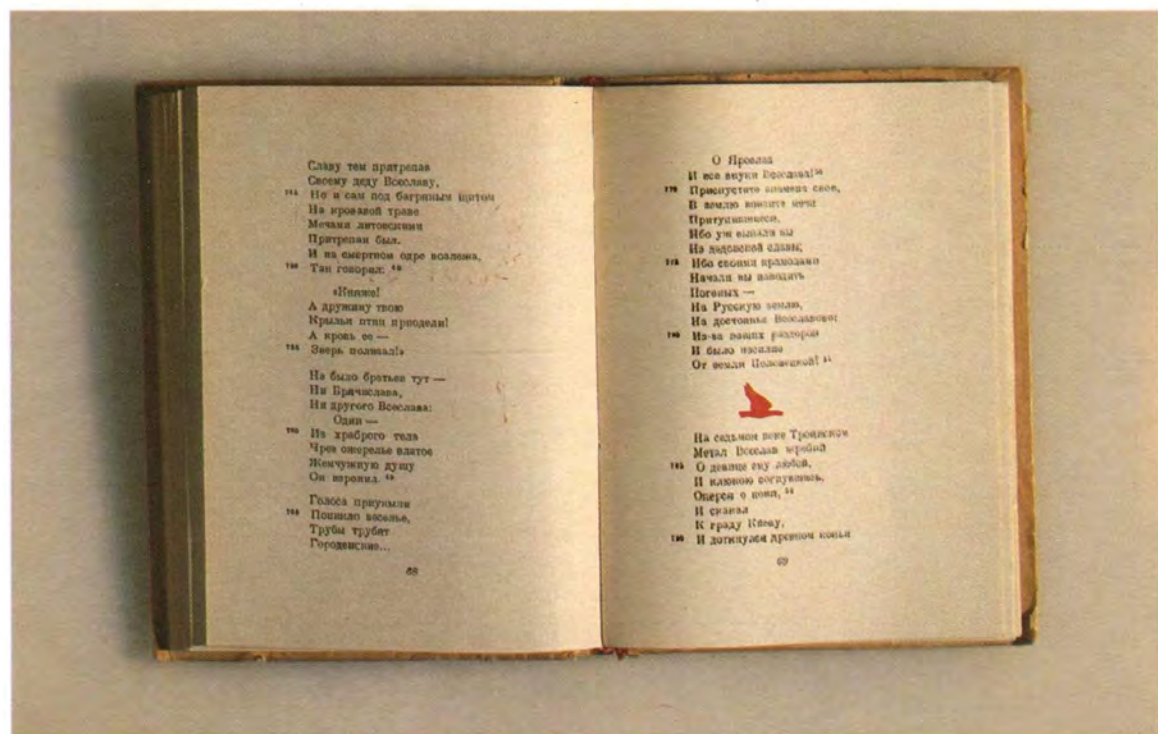
Чертополох и ковыль

146 Разворот книги с концовкой (гл. 7), заставкой, инициалом (гл. 8) и текстом „Слова“.

Страницы 66—67

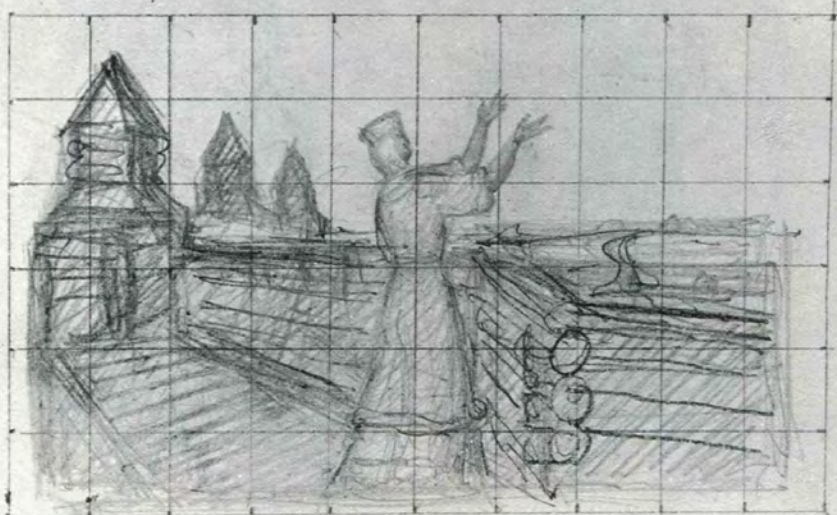
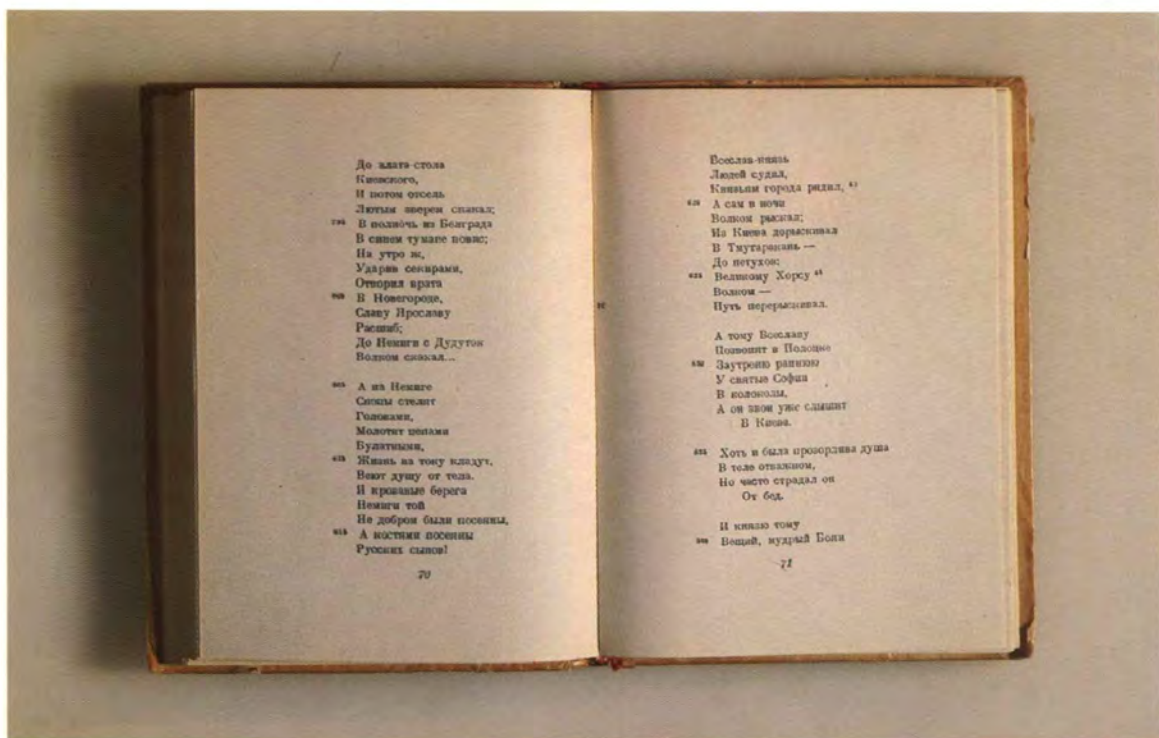
147 Разворот книги с концовкой (гл. 7) и текстом „Слова“.

Страницы 68—69

Нижний ряд:

- Главы 8—9
- Чертополох и ковыль
- Заставка (гл. 8)
- 148—149 Доска и оттиск
- Инициал У (гл. 8)
- 150—151 Доска и оттиск
- Плач Ярославны
- Заставка (гл. 9)
- 152 Подготовительный
- рисунок для гравюры

Верхний ряд:

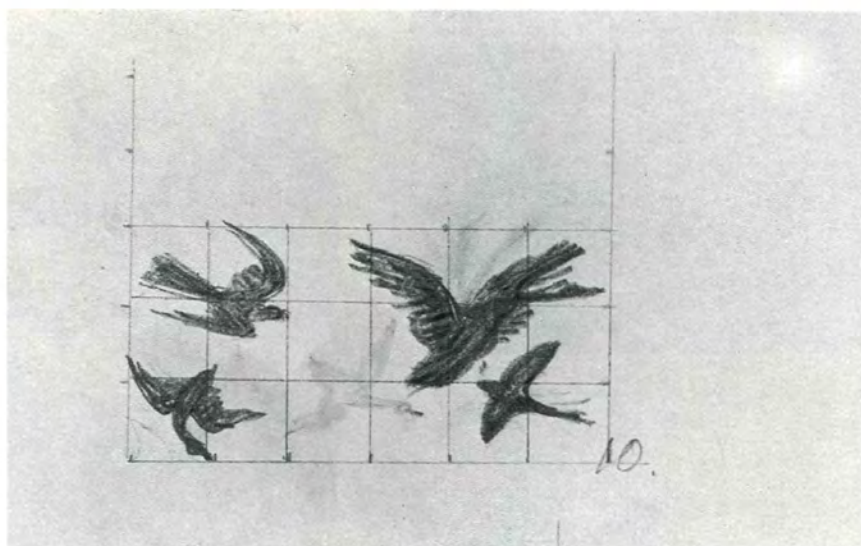
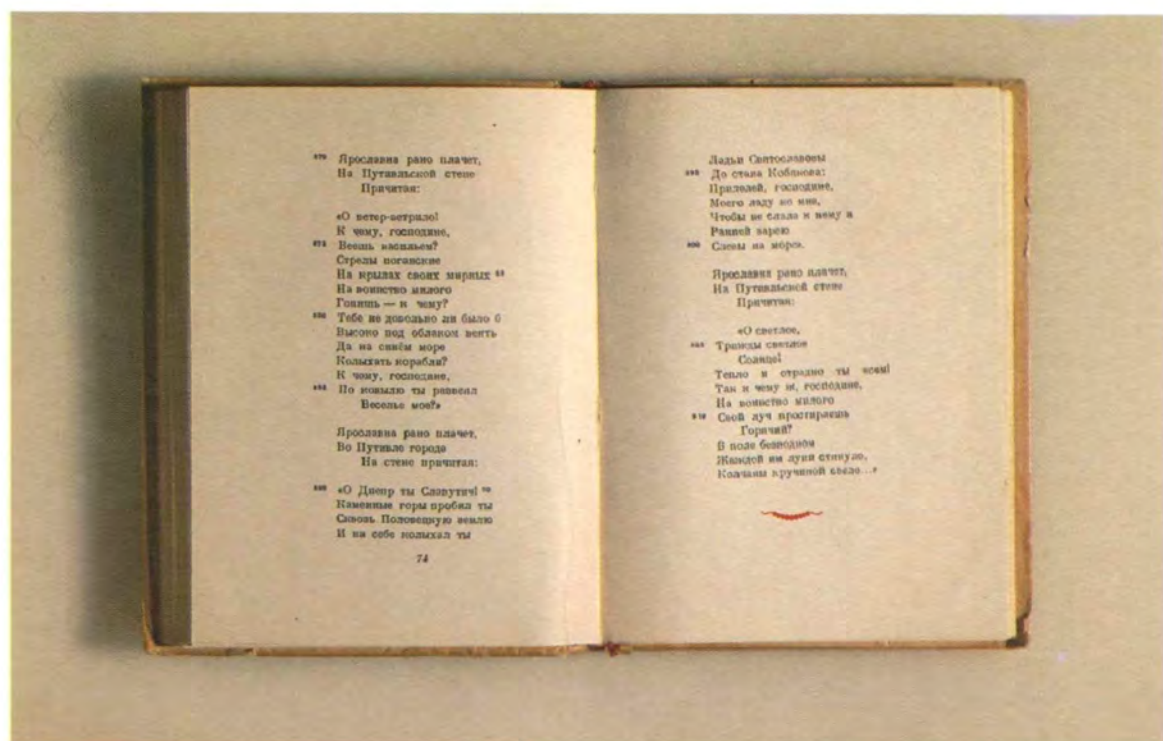
Главы 8—9

153 Разворот книги с текстом „Слова“. Страницы 70—71

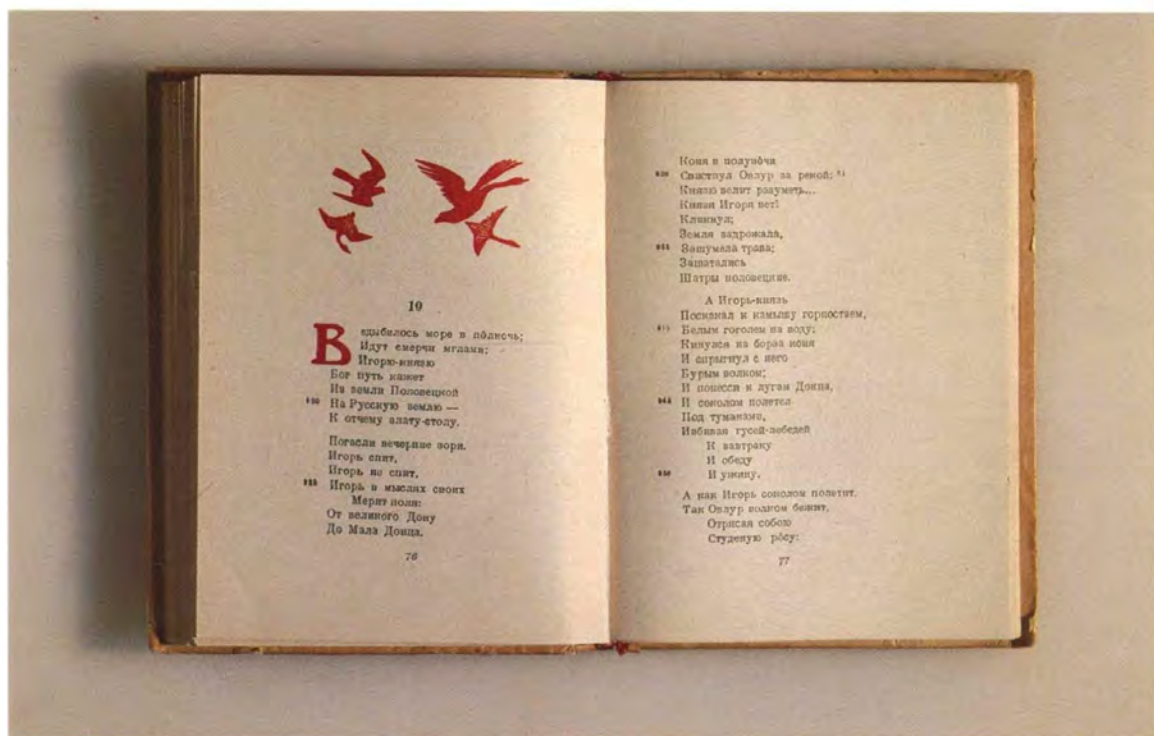
Плач Ярославны

154

Разворот книги с концовкой (гл. 8), заставкой, инициалом (гл. 9) и текстом „Слова“. Страницы 72—73

Верхний ряд:

- Главы 9—10
 160 Разворот книги с кон-
 цовкой (гл. 9) и текстом „Слова“.
 Страницы 74—75
 Сокол и лебеди
 161 Разворот книги с за-
 ставкой, инициалом (гл. 10)
 и текстом „Слова“.
 Страницы 76—77

В

Нижний ряд:

Глава 10

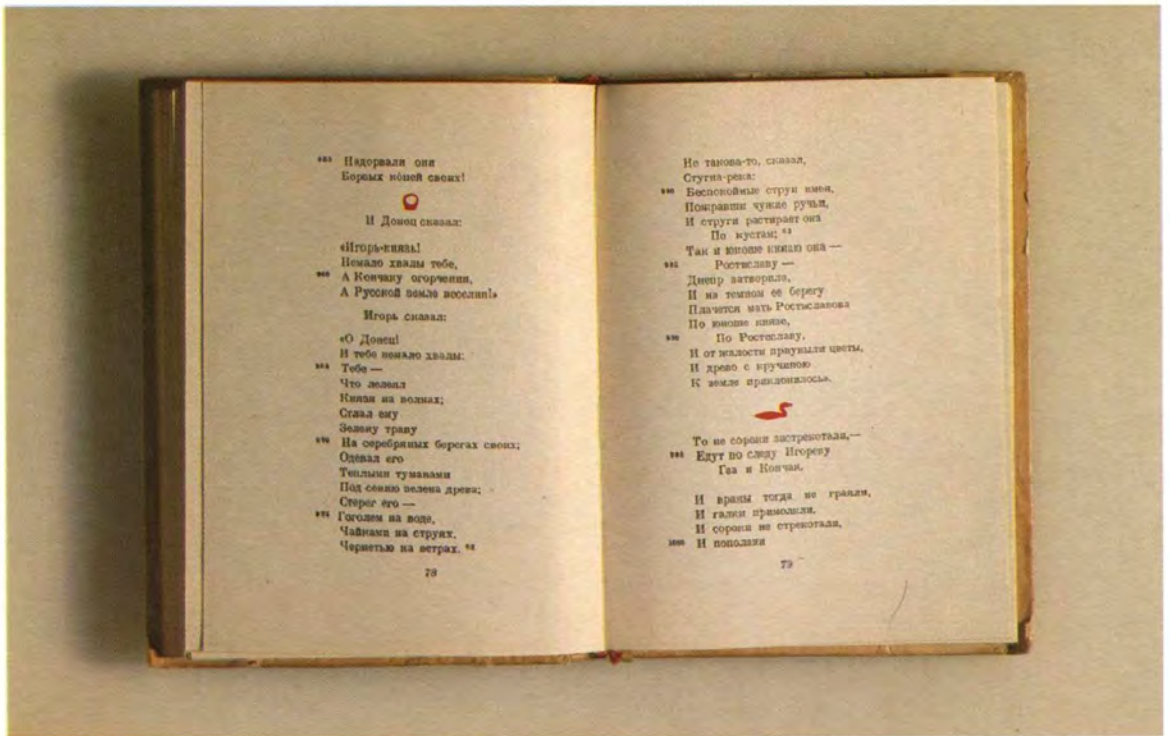
Сокол и лебеди

Заставка

162—164 Эскиз к гравюре, доска
и оттиск

Инициал В

165—166 Доска и оттиск

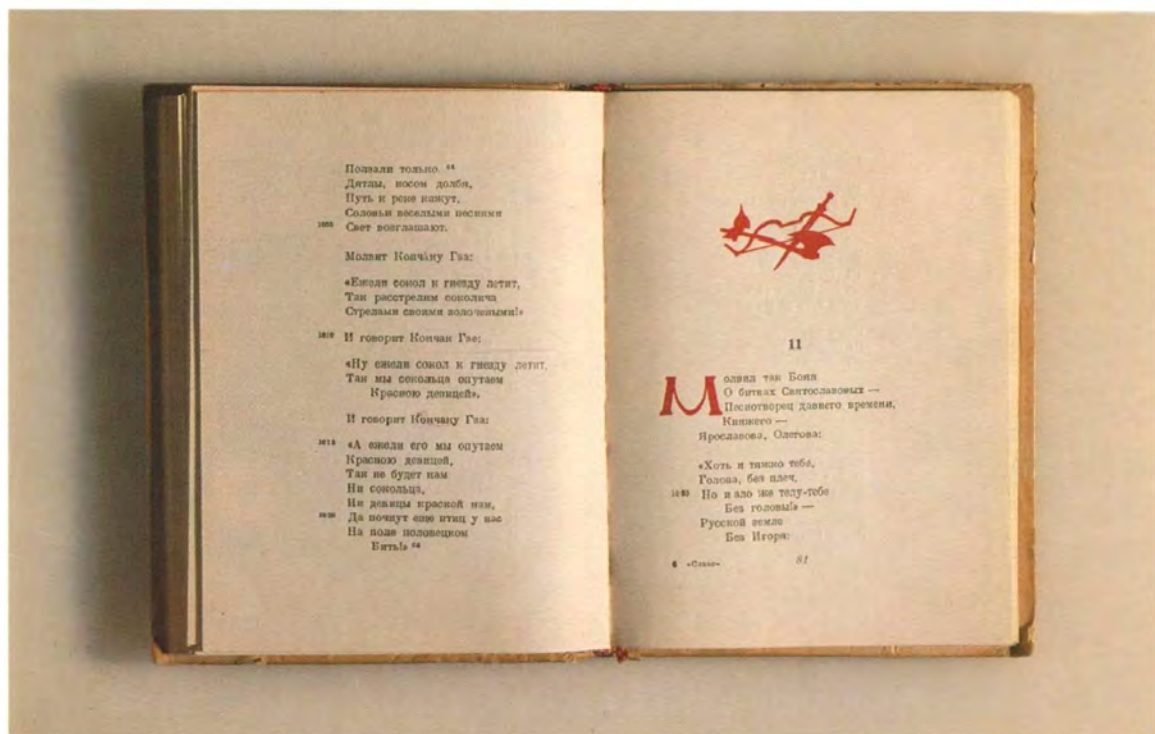
Верхний ряд:

Главы 10—11

167 Разворот книги с концовками (гл. 10) и текстом „Слова“. Страницы 78—79

Шлем, лук, меч и секира

168 Разворот книги с заставкой, инициалом (гл. 11) и текстом „Слова“. Страницы 80—81

Нижний ряд:

Главы 10—11

Утица и перстень

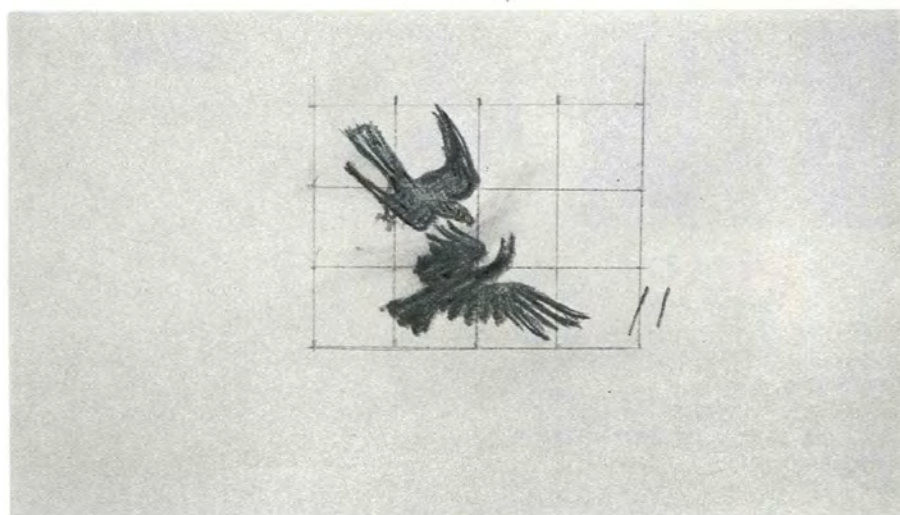
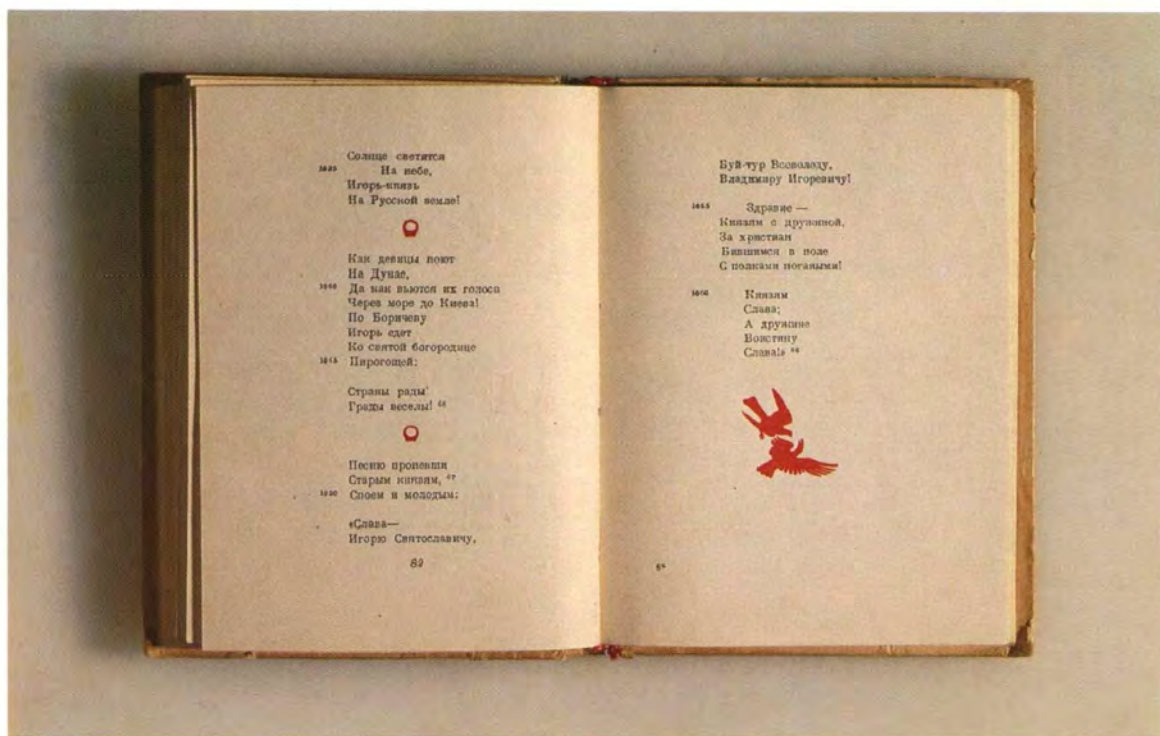
Концовки (гл. 10)

Инициал М (гл. 11)

Шлем, лук, меч и секира

Заставка (гл. 11)

169—176 Доски и оттиски

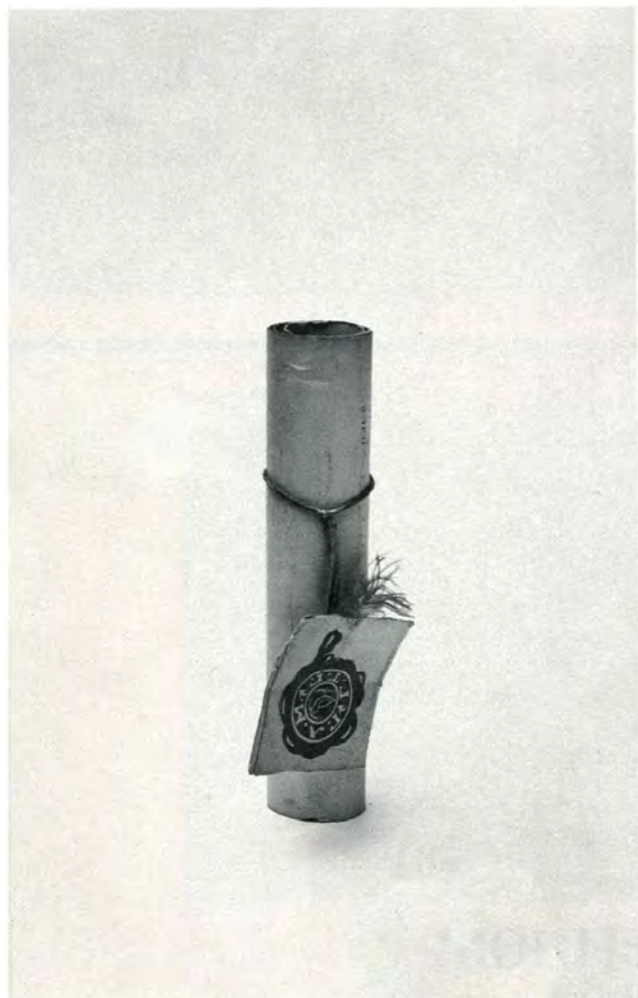
Верхний ряд:
 Глава 11
 Сокол и ворон
 177 Разворот книги с кон-
 цовками и текстом „Слова“,
 Страницы 82—83

Нижний ряд:
 Глава 11
 Сокол и ворон
 Концовка
 178—180 Эскиз к гравюре, доска и
 оттиск

Выставка
к 750-летию „Слова“
в Государственном
Литературном музее
Эскизы
к левкасам с текстом
и росписями

/1938 г./

181 — 182 Пригласительный билет на выставку к 750-летию „Слова о полку Игореве“ в Гос. Литературном музее в Москве. 1938

На шмуцтитуле:

О. Л. Розенблатт
Афиша выставки „Слово о полку Игореве“. 1938

←

НАДЪПЕ АН НАИ БРАШТА БРАТІЕ.
 НАВІАТИ СТАРАДИ СЛЫСИ
 ПРІДНАУС ПІВІСІНІ
 ПІДКУ НІГІНІ.
 НІГІНІ СВІТІСАВАНА!
 НАУАТИ ЖЕ СІВ ТІМ ПІСІНІ
 ПІ БІЛАНАМА СІВ ВІДІНІ.
 А НІ ПІ ЗАДІШІСІНІ ВІДІНІ.
 ВІДІНІ ВІ ВІДІНІ.
 АДИ КІДІУ ХІТІВІ ПІСІНА ТІВІТІНІ.
 ТІ МІТІКАШІТІВ ДІВІСІН ПІ ДІВІУ.
 СІВІНІ ВІДІКІВІ ПІ ДІВІУ.
 ШІТІВІ ВІДІКІВІ ПІ ДІВІУ.
 ПІДІВІШІТІ ВІ НІ.
 ПІДІВІШІТІ ВІДІКІВІ.
 ТІДІ ПІДІВІШІТІ ДІВІСІНІ.
 НА СТАДІ АБІДІНІ.
 КІТІВІН ДІТІВІШІ.
 ТА ПІДІ ПІСІНА ПІВІШІ
 СТАДИНІ ВІДІКІВІ.
 СІВІНІ ДІТІВІШІ.
 НІКІ ЗАРІЗА МІДІНІ.
 ПІДІ ПІДІКІВІ КАСІЖАСІВІНІ.
 КІСІНІВІ НІДІВІНІ СВІТІСАВАНАУ.
 ВІДІНІ ЖЕ БРАТІЕ.
 НІ ДІВІТІ СІВІСІВІ.
 НА СТАДІ АБІДІНІ ПІДІВІШІ.
 НІ ВІНА ВІДІНА ПІДІВІШІ.
 НА ЖІВІВІ СІВІНІ ВІДІКІВІ.
 ІНІ ЖЕ СІДІНІ КІСІЖАСІВІ.
 СІВІВІ МІКІТІВІ.

ПІВІНІ ЖЕ БРАТІЕ ПІВІСІНА СІН
 ПІТІСТАРАДІ ВІДІКІВІ.
 ДІ МІВІШІНАУ НІГІНІ.
 ІЖЕ ІСТІВІТІВІ ЧІВІ КІВІТІСІНІ СІВІНІ
 І ПІСІНІ ПІДІВІ СІВІВІ ВІДІКІВІ.
 НАПІДІВІВІ МІТІВІ ДІВІ.
 НАВІДІ СІВІ СІВІВІ ПІДІКІВІ.
 НА ДІВІВІ ПІДІВІСІВІ.
 ЗА ДІВІВІ ПІДІКІВІ.

Соколы и лебеди
 183 Доска с росписью
 и текстом „Слова“
 Дерево, левкас, темпера
 Роспись В. А. Фаворского.
 Шрифт Б. В. Грозевского,
 Д. Н. Афанасьева
 и С. С. Чуракова

ТОГДА НІГІНІ ВІДІКІВІ НА СІВІТІВІ СІВІНІ
 І ВІДІКІВІ ПІДІВІ СІВІНІ
 ВСІ СІВІВІ ВІДІКІВІ
 І НІВІ НІГІНІ КІ ДІВІКІВІ СІВІНІ
 БРАТІЕ І ДІВІКІВІ
 АДИКІВІ БІ ПІДІВІ СІВІНІ
 НІКІ ПІДІВІ СІВІНІ
 А ВІДІКІВІ БРАТІЕ НА СІВІ ВІДІКІВІ КІСІНІ
 ДІ ПІДІВІ СІВІНІ ДІВІ.
 СІВІВІ КІСІНІ ЧІВІ ПІДІВІ
 І ЖІВІВІ СІВІВІ СІВІВІВІ СІВІВІВІ
 ІСІВІВІ ДІВІ ВІДІКІВІ
 ХІВІ ВІВІ КІСІ ПІДІВІВІ
 КІСІВІ ПІДІВІ ПІДІВІВІ
 СІВІ ВІДІКІВІ
 ХІВІ ПІДІВІ СІВІ ПІДІВІВІ
 А ДІВІ ІСІВІВІ СІВІВІ ДІВІ.

О ВІВІВІ СІВІВІВІ СІВІВІВІ
 А ВІВІ ТІВІ СІВІ ПІДІКІВІ СІВІВІВІ.

КАВА СІВІВІ ПІ ВІДІКІВІ ДІВІВІ.
 ДІВІВІ СІВІВІ ПІДІВІ ВІДІКІВІ.
 СІВІВІ СІВІВІ
 ВІДІКІВІ СІВІВІВІ
 ІЩІ ВІ ТІВІВІ ТІВІВІ
 ВІСІ ПІДІВІ НА ГІВІ.
 ПІДІВІ ВІДІКІВІ СІВІВІ НІГІВІ ТІВІ ВІДІКІВІ.
 ІНІ ВІВІ СІВІВІ СІВІВІ ВІСІ ПІДІВІ ШІВІКІВІ.
 ПІДІВІ СІВІВІ ВІДІКІВІ КІ ДІВІ ВІДІКІВІ
 ВІДІКІВІ СІВІВІВІ ВІДІКІВІ ВІДІКІВІ
 ВІДІКІВІ СІВІВІВІ СІВІВІВІ
 СІВІВІВІ СІВІВІВІ СІВІВІВІ

УВІ ТІВІВІ ВІ ПІВІВІВІ
 СІВІВІ СІВІВІ ВІ ПІВІВІВІ
 НІВІ СІВІВІ МІДІ ВІДІ ВІДІКІВІ
 І НІВІ СІВІ ВІВІ ТІВІ ВІДІКІВІ
 ДІВІВІ ВІДІКІВІ СІВІВІ СІВІВІВІ ТІВІ НІГІНІ.
 ВІ СІВІ ВІДІКІВІ
 СІВІВІ ВІДІКІВІ СІВІВІ ВІДІКІВІ
 А ДІВІ ТІВІВІ
 СІВІВІВІ ВІДІКІВІ НАПІДІВІ
 А ДІВІ ТІВІВІ
 СІВІВІВІ КІСІВІВІ
 ПІДІВІ ТІВІВІВІ
 ПІДІВІ СІВІВІВІ ВІДІКІВІ
 КІСІВІ КІСІВІ ВІДІКІВІ
 ПІДІВІ ПІДІВІ ВІДІКІВІ

Боян
 184 Доска с росписью
 и текстом „Слова“
 Дерево, левкас, темпера
 Роспись В. А. Фаворского.
 Шрифт Б. В. Грозевского,
 Д. Н. Афанасьева
 и С. С. Чуракова

ВЕНЮТЪ ПЛЪТЪ ЗОУАКУНЬ,
 АУЩЕ ЧЪ НИЖЪ НАПЬАЖОУИ,
 ТЪ АУЩЕ СТВОУЮИ,
 САКАНЪ ПЪ ДЪАСТЮЩИИ,
 САДЪНЪ ПЪ КЪУНЪА,
 АКАИ СЪМЪНЪ ВЛАЦНЪ КЪ ПЕАЖЪ,
 НШУЮИ СЪКЪ УТЪИ,
 А КНИЖИ СЛАВАТЪ.

ТИДА ВЪСТУПИ НОВА КНИЖА
 ВЪ ЧЛАДЪ СЪМЪДЕНА,
 И ПОВЪА ПЪ УЧЕТЪКЪ ПЬАНЪ,
 САНЦЕ ОУНЪ ТЪДЪНЪ
 ПЪТЪ ЗАСТУПАШЕ:
 НОВА СЪМЪДЪНЪ ОУНЪ ПЪЗЪНЪ,
 ПЪТИВА СЪВЪДЪНЪ,
 СВЕТЪ ЗЪВЪНЪ ВЪСТА КАНЪТЪ,
 АНЪ ВЪ КАУМЪТЪ ВЪЗЪНЪ ДЪВЪ,
 ВЪАСТЪ ПЪСАШЪАТЪ ЗЪМЪНЪ НЪНАУДЪ,
 ВЪЗЪЗЪ И ПЪДЪНЪ И ПЪСЪМЪИ,
 И СЪЖЪ И КИЮСЪИ,
 И ТЪВЪ ТЪАУТЪАКАНАСКЪИ ВЪЗЪВЪНЪ,
 А ПЪАВЪЦНЪ НЪУТЪВЪАДЪНЪ ДЪНЪАДЪНЪ
 ПЪКЪБЪШЪА КЪ ДЪНЪ ВЪАКЪДЪНЪ,
 КЪАУАТЪ ТЪВЪАДЪНЪ ПЪАУЩЪАТЪ,
 ИЦЪ АУВЪДЪНЪ НЪПЪЖЪНЪ,
 НЪГЪА КЪ ДЪНЪ ВЪИ ВЪАТЪА,
 СЪЖЪ КЪ ВЪАДЪНЪ ПЪАСТЪ ПЪТИЦА ПЪАДЪА ВЪАКЪДЪНЪ,
 ВЪАЦНЪ ПЪЗЪ ВЪАЖЪАТЪ ПЪ ВЪАТЪАДЪА,
 АУНЪ КАКЪТЪВЪА НА КИТЪНЪ ЗЪВЪНЪ ЗЪВЪТЪА,
 АНОЩЪА ВЪАЩЪТЪА НА ВЪАУЩЪАНА ПЪАТЪА,
 Е ПЪСАВЪА ЗЪДЪАТЪ!
 СЪЖЪ ЗА ШЪАУЩЪАНА ПЪАДЪА СЪИ!

ДАВЪНЪ НОВА ДЪЖЪСЪА,
 ЗАПА ВЪВЪТЪ ЗАПААА,
 АУЩЕ ПЪАМЪ ПЪКЪААА,
 ШЪКЪТЪ СЛАВЪНЪ СЪПЪ,
 ПЪИУЪ ГААУА ВЪСЪАДЪНЪА,
 КЪАУА ВЪАКЪАВЪ ПЪАМЪ,
 ВЪАУЩЪАНА ПЪАТЪА ПЪПЪАДЪА,
 НШУЮИ СЪКЪ УТЪИ,
 А КНИЖИ СЛАВАТЪ.

СЪ ЗАМЪНЪ ВЪ ПЪТЪКЪ
 ПЪИУТЪАША ПЪАНАНА ПЪАКЪ ПЪАВЪЦЪСЪА,
 И ПЪАУЩЪАКЪ СЪМЪАДЪНЪ ПЪ ПЪАУЩЪА,
 ПЪЦЪАУЩЪА КЪАУАНА ДЪВЪКЪ ПЪАВЪЦЪСЪА,
 А СЪ ПЪИДЪНЪ ЗЪАТЪ И ПЪАВЪАКЪА,
 И ДЪАГЪАНА ПЪСАДЪНЪА,
 ВЪАТЪАДЪАДЪНЪ И ПЪАУЩЪАНА ПЪАТЪА И КЪАУАУА,
 НАУААША ВЪСЪМЪА ДЪСЪТЪИ,
 ПЪКЪАУЩЪА И ПЪАУЩЪАНА ПЪАТЪА ВЪАТЪАДЪА,

185 Доска с текстом „Слова“
 Дерево, левкас, темпера
 Шрифт Б. В. Грозевского,
 Д. Н. Афанасьева
 и С. С. Чуракова

И КОАКЪВЪНЪ ВЪЗЪВЪА ПЪАВЪЦЪСЪА,
 СЪАУЩЪА СЪАТЪА ВЪАА ХЪАУЩЪА,
 СЪАУЩЪА УААКА СЪМЪНЪ СЪМЪЖЪИ
 СЪАУЩЪА СЪАТЪА СЪАУЩЪА

ДЕАУТЪА ВЪ ПЕАЖЪ СЛАВЪА КИЮСЪИ ПЪСЪАДЪ,
 ДЪАУА ВЪАУЩЪА СЪАУЩЪА,
 И ПЪАМЪ ВЪА СЪМЪДЪА ПЪАУЩЪАДЪИ,
 ИИ СЪКЪАУА ИИ КЪАУЩЪА,
 ИИ ТЪВЪА ВЪАУЩЪА ВЪАЖЪА,
 ПЪАНАИ ПЪАУЩЪАИ,
 ПЪА СЪЖЪНЪА СЪМЪЖЪА ВЪАКЪДЪА,
 КЪАУАКЪА СЪМЪА СЪАУЩЪА ПЪАИТЪА,
 КЪА ДЪНЪ ВЪАКЪДЪА.

ДУГАГО ДНИ ВЪАДИ АУНЪ
 КЪАВЪАНА ЗЪИ СЪВЪТЪА ПЪАВЪАДЪАТЪА,
 ВЪАУЩЪА ПЪАУЩЪА СЪА ДЪАА НАУЩЪА,
 ХЪАУЩЪА ПЪАУЩЪА ИИ ВЪАУЩЪА СЪАУЩЪА,
 А ВЪА НЪАУЩЪА ТЪАУЩЪА СЪМЪНЪ ВЪАУЩЪА,
 ВЪАТЪА ПЪАУЩЪА ВЪАКЪДЪА,
 ИИТЪА ДЪАДЪА СЪАУЩЪАДЪИ
 СЪА ДЪНЪ ВЪАКЪАТЪА,
 ТЪА ВЪАУЩЪА ПЪАУЩЪАИ И ПЪАУЩЪА ПЪАВЪЦЪСЪА,
 НА ШЪЦЪА НА КАААТЪА,
 У ДЪНЪ ВЪАКЪАТЪА
 Е ПЪСАВЪА ЗЪДЪАТЪ!
 СЪЖЪ ЗА ШЪАУЩЪАНА ПЪАДЪА СЪИ!

СЪ ВЪАТЪА СЪАУЩЪА ИИ ВЪАУЩЪА,
 СЪАУЩЪА СЪА ДЪАА СЪАУЩЪАДЪИ
 НА ХЪАУЩЪА ПЪАКЪА ИИ ПЪАУЩЪА,
 ЗЪАУЩЪА ПЪАУЩЪА СЪАУЩЪА ДЪАТЪА ТЪАУЩЪА,
 ПЪАУЩЪА ПЪАУЩЪА ПЪАУЩЪАВЪАТЪА,
 СЪАУЩЪА СЛАВЪАДЪА,
 ПЪАУЩЪА НАУЩЪА СЪА ДЪАА И СЪА ДЪАА,
 И СЪА ВЪАУЩЪА СЪАУЩЪА ПЪАУЩЪА ПЪАУЩЪА,
 ДЪАТЪА ВЪАУЩЪА

186 Выступление Игоря
 в поход
 Доска с росписью
 и текстом „Слова“
 Дерево, левкас, темпера
 Роспись В. А. Фаворского,
 Шрифт Б. В. Грозевского,
 Д. Н. Афанасьева
 и С. С. Чуракова

КАНИКОРА ПЕЛАЯ ПРИУРАДИША.
А ХРАБРІИ РУСИЦИ
ПРЕГРАДИША УРЪЛНИКИМЪ ШИТИМЪ.

ЯРА ТУРЕ ВСЕВЛАДЪ!
СТУИШИ НА БЮРИИ,
ПРВИШИ НА ВИН СТРЪЛАМЪ.
ГРОМАШИ І ШЕЛІМЪ МЪНІ ХАРАЛЪЖНИМЪ,
КАКИ ТУРЪ ПЕСКОУАШЕ.
СВИМЪ ЗЛАТІМЪ ШАНІМЪ ПСЕВЪУИВАІ,
ТАМЪ ДЖАТЪ ПОГОНАІА,
ГЛАВЪ ПЛАВЕЦКАІА.
ПЕСКОПАІА СЕБЛАІАІА І КАДІМІМЪ
ШЕЛІМЪ ОБРАСКІАІА,
ОТЪ ТУКО ІРА ТУРЕ ВСЕВЛАДЪ!
КАІА ІАНА ДИГА БРАТІЕ,
ЗАКІВЪ УТИ І ЖИВОТА,
И ГРАДА УРЪНИГЪВА,
ІТНІА ЗЛАТА СТЛА І ПІВА КІЛАІА ХІТІ,
КРАІНАІА ПЪСКІВІНАІА СВАУАІА І БМУАІА!

БАІА І СЪУИ ТРОІАІА,
МІНУЛА ДЪТЪ ГРАСЛАВАІА,
КАІА ПЛЪЦИ ЛАГІВІА,
ЛАГА СІАТІСЛАВІАІА,
ТЪІА КЛАІГЪ МІУІА
КРАІЛАУ КОВАШЕ
НОТРАІА ПІ ЗЕМЛІ СЪІШЕ,
СТУНАІГЪ ВЪ ЗЛАТЪ СТІМІА,
ВА ГРАДЪ ТАВЪТРОІКАНЪ,
ТЪІА ЖЕ ЗВІНЪ СЛАША ДАБНІА,
ВЕЛІКАІА ІАРА ДАВА СІНЪ ВСЕВЛАДЪ,
А ВЛАДІМІРЪ ПІ ВОІА УТРА
УШЕ ЗАКЛАДАШЕ ВЪ УРЪНІГЪВЪ,
КОІА ЖЕ ВІАУСЛАВІА ІУА
СЛАВА НА СЪДЪ ПРІВЪІ,
И НА КАІАМЪ ЗЕІАНУ
ПАПЛАМЪ ПІСТЛА,
ЗА КІІАУ СІАТІВЪ,
ХРАВА І ВЛАДА КІНІАІА,
СЪ ТЪІА ЖЕ КАІА ДІ
СІАТІПАВЪ К ПЛАХАІА ОТЪ СІКЕТІ
МЕЖАІА УГІРАСКІМЪ ПІНХІАІА,
КЪ СІАТІВІАІА ОФІН КЪ КІЕВЪ.

ТИІА ПІІА СЪЗЪ ГРОСЛАВ СІУИ
СІАШЕТІА І РАСІАШЕТІА УСОІІАІА,
ПІГІБАШЕТІА ЖІТІА,
ДАЖДАЖА ВІУКА ВЪ КІАІА ХАКІМІА КАСА
КЪЦІА УЕЛІВЪКІА І СІАТІШІАІА,
ОТЪДА ПІ РЪСКІАІА ЗЕМЛІА.

РЪТІА ІАТАВЪ КІІАХУТЪ,
НЪ ЧАСТІ ВІАІАІА ГРАВЪУТЪ,
ТРУПІА СЕБЪ ДЪЛАВЪ,
А ГЛАІЦІ СІВІ РЪУЪ ПІВІРАХУТЪ,
ХІТІАТЪ ПЛАТІШІА НА ЧЕДІЕ,
ТІ ВІАІА ВЪ ТЪІА ІАТІ,
И ВЪ ТЪІА ПЛАКІА,
А СІЦІА ІАТІ ІІ СІАШАІА.

СЪ ЗАРАІА ДЪ ВІУРА,
СЪ ВІУРА ДЪ СВЪТА,
ЛЕІІАТЪ СТРАІАІА КАДІМІА,
ПІКЛАІАТЪ СЕБІ І ШЕЛІВІА,
ТРОІАТЪ КІІА ХАРАЛЪЖНІА
ВЪ ПЛАЪ НЕЗНАІІТЪ,
ІІДІ ЗЕМЛІ ПЛАВЕЦКІА,
УРЪНА ЗЕМЛІ ПІДЪ КОПІТІА
КІСТАІАІА БІАА ПІСТІАІА,
А КІВІН ПЛАВІАІА,
ТУРІАІА ВЪЗАДІА ПІ РЪСКІАІА ЗЕМЛІА.

УТИ ДІІА ШУРІМІТЪ УТО ДІІА ЗВІНІТЪ
І ДЛАІІА ІАІА ПІДЪ ЗЕМЛІАІА?
ІГІРА ПЛАКІА ЗАВІУАІТЪ,
ЖАХЪ ВІ ІІАУ МІАА БРАТА ВСЕВЛАДЪ,
БІШАІА ДІА БІШАІА ДУГІВІА,
ТРОІТЪ ДІІА КЪ ПЛАДІАІА
ПЛАДІА СТІВЪ І ГІРІВІА,
ТУ ІА БРАТА ІАДІА СІСТА
НА БІТЪ БІІТІІАІА КІАІА,
ТУ КІВІВАГЪ ВІАА ІІ ДІСТА,
ТУ ГІІРЪ ДІКІІАІА
ХРАВІАІА РУСІАІА,
СІАТІАІА ПІПІІАІА,
А СІДІА ПЛАГІША ЗА ЗЕМЛІ РЪСКІАІА,
НІУІТЪ ТРАВА ЖАІІАІА,
А ДІВІ СЪ ТУРІА
КЪ ЗЕМЛІА ПІКЛАІАІА СЪ.

ЖЕ БІ БРАТІЕ,
ІІ ВЕСЕЛАІА ДІА ВЪСТАЛА,
УЖЕ ПІЦІТІІАІА СІАУ ПІКІВІАІА,
ВЪСТАЛА ІВІА ВЪ ОІАХЪ ДАЖЕЖА ВІУКА,
ВЕТУПІАА ДІВІВІА НА ЗЕМЛІАІА ТРОІАІА,
ВЪСТАІА СІАА ДІВІДІВІАІА КІАІАІА
НА СІНІВІДЪ ДІВІА У ДІНУ
ПЛАЩУХІА УЕУАІА ЖІІІА ВІДІІА,
УСОІІА КІАІАІА НА ПІАІАІА ПІРІВІА,
РІКОІА ВІ БРАТІАІА БРАТУ,
«СЕ ДІВІА ТЪ ДІВІА ЖЕУ,
И НАУАІА КІАІАІА ПІ КЛАІА
ІІ ВЕЛІКАІА ДІВІВІТІА»

Затмение

187 Доска с росписью
и текстом „Слова“

Дерево, левкас, темпера
Роспись В. А. Фаворского,
Шрифт Б. В. Грозевского,
Д. Н. Афанасьева
и С. С. Чуракова

188

Доска с текстом „Слова“

Дерево, левкас, темпера
Шрифт Б. В. Грозевского,
Д. Н. Афанасьева
и С. С. Чуракова

А СЛДИ НА ОБЕ КРАДЛАУ КОВАТИ.
 А ПИГАНІ СЪ ВОФХЪ СТИАНЪ
 ПРИХЪДАНУ СЪ ПИВЪДАДИ
 НА ЗЪДАН РЪСКУИ.
 И ДАДЛУ ЗАЙДЕ СКАЛА.
 ПТИЦЕ БЫА КЪ ДИНИ

АИГРИВА ХВАРАГІ ПЛЪКУ И КРЪСІТНІ
 А ЗА НРИДА КЛИКНУ КАНА.
 И ЖЛА ПИСКУИ ПІ РЪСКІИ ЗЪДАНІ.
 СЛАГУ ДМУНУИ ВЪ ПЛАДАНЕ И ЗЪ.
 ЖИНА РЪСКІА ВЪСПАКАШАСЪ.
 АРКУИ.
 "УЖЕ НАДЪ ТОНХЪ ДИНАВІХЪ ДАДА
 НИ ДИСАІН СІАІАНТИ.
 НИ ДУДИН СДУДІАТИ.
 НИ ЮНІА СЪЛАДАТИ.
 А ЗЛАТА И ОБІА НИ ДІАА ТЪХ ПІРІАТИ.
 А ВЪСТІНА БІ ВІАТИ.
 КІИХЪ ТУТІИ.
 А ХІРНИГЪВЪ НАПАСТАДИ.
 ТИСКА МЪЛАІА.
 ПІ РЪСКІИ ЗЪДАНІ.
 ПІУДАБ ЖІІНА
 ТИУЕ СІДА ЗЪДАН РЪСКІИ.
 А КНИАТИ СЛДИ НА ОБЕ КРАДЛАУ КОВАХУ.
 А ПИГАНІ СЛДИ ПІВЪДАДИ
 НАРИЩУЩИ НА РЪСКУИ ЗЪДАНІ.
 И ДАВХУ ДАНЪ ПІВЪХЪ РЪ ДВОА.

ТИИ БЪ ДВА ХВАРАГА СВІАТЪСАВАІА.
 ИГРЪ И ВОСЛАДА
 УЖЕ АЖУ СЪВАНСТА КИРІИ.
 ТУ БІАШЕ УСПЕЛА
 ПТИЦА ІХЪ СВІТЪСАВА ГРОЗНИИ
 ВЕЛИКІИ КІЕВСКІИ ПІУЗИИ.
 А БІАШЕТА ПІРІПІТАЛА

СВИДИ СІАДНИКИ ПЛЪКМ
 И ХАМАУЖНИКИ ДЛУИ.
 НАСТУПИ НА ЗЪДАН ПЛАВЦКАИ.
 ПІРІПІТА ХЪДАНІ И ІАУГЪІ.
 ВЪДАНТИ РЪКІИ И ІЗІІІ.
 ПІСЪШИ ПІТІКІИ И БІАІТА.
 А ПИГАНАГІ КІЕВКА
 И ЗЪ АУКУ КІІІА
 РЪЖАДЪНІХЪ ВЕЛИКІХЪ ПАКІА ПЛАВЦКІХЪ.
 ІАКІ ВІХЪ БІТІРЖЕ.
 И ПАДІСА КАВІАКЪ ВЪ ГРАДЪ КІЕВЪ.
 ВЪ ПІДНИЦЕ СВІАТЪСАВАНІ.
 ТУ ИГЪМЦИ И ВІНДІЦИ.
 ТУ ГРЕЦИ И КІІАВА
 ПІНТЪ СЛАВУ СВІАТЪСАВАНІ.
 КАНТЪ КНИАЗІА ИГРЪ.
 ИЖЕ ПІГРЪЗИ ЖІІІ
 ВІ ДНЪ КАЛАІ.
 РЪКІА ПЛАВЦКІА.
 РЪСКАГІ ЗЛАТА НАСІПАША.
 ТУ ИГРЪ КНИАЗЪ
 ВІСЪДЪ И ЗЪ СЪДАА ЗЛАТА
 А ВЪ СЪДАА КІЩІВІ.
 УНАША БІ ГРАДЪМЪ ЗАБРАЛАІ.
 А ВІСАІІ ПІНІУ.

АСВІАТЪСАВА ІУТІНА СІНЪ ВІДЪ.
 "ВЪ КІЕВЪ НА ГРАХЪ.
 "СИ НІУА СЪ ВЕУРА
 ІДЪВАХЪТЕ ІАГА РЕУ.
 УРЪНІИ ПАПАІІІИ
 НА КІЕВАТИ ТІСІВЪ.
 УІАПАХУТА КІИ СІНІЕ ВІНІ
 СЪ ТІУ ДІАІА СІДІШІІ.
 СІАПАХУТЕ МІІТІЦІІІІ ТУАІ
 ПІГАНІХЪ ТАКІВІІІ ВЕЛИКІИ ЖІІІІІА АІІ.
 И НІГЪІІТЪ ІА.
 УЖЕ ДІСІА БІСЪ КНІСА
 ВЪ КІІІІ ТІІІІЪ ЗЛАТІВЪСЪМЪ.
 ВСІ НІЩЕ СЪ ВІУРА
 БУ СІВІ ВІАІІ ВЪ ЗІРАХУ
 У ПА СІІІІА НА БІАІІ.
 БЪША ДІБІІ КІІАІІ
 И НЕСІАСТА КЪ СІІІІІІ МІІІІІ

ИКІІША БІАІІ КНІАЗІІ.
 "УЖЕ КНІАЖЕ ТУТА
 УМІА ПІАІІІА.
 И БЪ ДВА СКАЛА
 СІАТЪСТА СЪ ІТІІА СІІАА ЗЛАТА
 ПІІІКАТИ ГРАДА ТАВЛУТІІКАІІА.
 А АНІІ ІСПІІІІ
 ШЕАІІІІІ ДІІІІ.

Первое сражение с половцами

189 Доска с росписью и текстом „Слова“
 Дерево, левкас, темпера
 Роспись В. А. Фаворского.
 Шрифт Б. В. Грозевского,
 Д. Н. Афанасьева
 и С. С. Чуракова

190 Доска с текстом „Слова“
 Дерево, левкас, темпера
 Шрифт Б. В. Грозевского,
 Д. Н. Афанасьева
 и С. С. Чуракова

УЖЕ СКАСАША
КОНЦАЦА ПРИПЕШАЛИ
ПИГАНЦА СКАСАША
А САДИ СПУТАША
ВЪ ПУТНИХЪ ХЛАБЪЗНАИ
ТРИДИ БУ БЪ ВЪ ТЪ ДИНА
ДВА ПАНЦА ПИДЪЖЕСТА
СВА БАГНАВА ПЛАПА ПИГАСТА
И СЪ НИМА ВЛАДАВА ДИВУЦА
САГЪ И СВЪТЪСАВА
ТЪДИН СЪ ПИДАКСТА
И ВЪ КИРЪ ПИГЪЗИСТА
И ВЛАККИ БУИСТА ПАДАСТА ХИНОИ
НА РЪЦЪ НА КАКАТЪ
ТЪДИН СВЪТЪ ПИКРИЛА
ПЪ РЪККИ ЗИКАИ
ПРИТРАСА ПЛАВЦИ
АКИ ПАДАЖЕ ГРЪЗА
УЖЕ СНИСА ХУЛА НА ХВАЛА
УЖЕ ТРИНУ НУЖДА НА ВОЛА
УЖЕ ВЪЖСА ДИНА НА ЗИКАИ
СЪ БЪ ГИТИКА КАСНИКА ДЪВА
КАПЕША НА БИЗЪ СНИСА КИИ
ЗВОНЪ РЪКНИГА ЗЛАТАТА
ПОНЪ ВЪКНА БУСЪ
А СЪВЪТЪ КИСТА ШАРКАНИ
А КИМ УЖЕ ДУЖИНА
ЖАДНИ ВЛАИ

ТИДА ВЛАККИ СВЪТЪСАВА
ДИНИ ЗЛАТА СКАИ
СЪ СЪЗВАИ СМЪШНО
И РИУИ ВЕИ СМЪШНО
ИГРОИ И ВЕИЛАДИ
РАНО СЪ НАВАЛА
ПЛАВЦКУИ ЗИКАИ КИИ ПИКАИ
А СЪВЪ СЛАВЫ ИСКАТИ
НА НИУСТНО СЛАВЪ
НИУСТНО ВЪ КИВА ПОЖИНО ПИКАИ
ВАН КАВРАМ СКАДА

Битва с половцами
Поле битвы после
сражения

191 Доска с росписью
и текстом „Слова“

Дерево, левкас, темпера
Роспись В. А. Фаворского.
Шрифт Б. В. Грозевского.
Д. Н. Афанасьева
и С. С. Чуракова

ВЪ ЖЕСТОЦИХЪ ХЛАЛУЗЪ СКИБАНА
А ВЪ БУСТИ ЗАКАЛНА
СЕ ЛИ СТВАРИТЕ
КИИ СРЕБРИИ СЪДИНОИ
А УЖЕ НЕ ВИЖДУ
ВЛАСТИ СЛАВАИ И БИГАТА
И КИНОВИ БРАТА КИИ ПАСЛАВА
СЪ УРНИГВАККИ БИЛАМИ
СЪ КИГУТЫ И СЪ ТАТРАНИ
И СЪ ШЕЛБИРИ И СЪ ТИПУАКИ
И СЪ РЕВУТИ И СЪ СЛАВЕРИ
ТИИ БИ ВЕС ШИТИВА
СЪ ЗАСАПИЖНИКИ
КАНИКАИ ПЛОКИ ПОВЕЖДАНОТЪ
ЗВОНАИ ВЪ ПРАДЪДИНО СЛАВУ
И СЪ РИКАТЕ
ИУЖАИ СЪ САДИ
ПРИДИН СЛАВУ САДИ ПОЖИТИЛЪ
А ЗЛАДИН СЪ САДИ ПИДЪЛИМЪ
А УИ ДИВА СЪ БРАТИ
СТАРУ ПИДАДИТИ?
КАЛИ СКАЛЪ ВЪ ДИТЕХЪ БИВАТЪ
ВАСИКО ПТИЦЪ ВЪЗБИВАТЪ
НЕ ДАСЪ ГИГЪДА СВОГО ВЪ ВЕНДУ
И СЪ ЗЛАИ КИИЖЕ ИИ НЕПОВИ
НА НИУ СЪ РИДИИ БРАТИША
СЪ УРИМЪ КИИКАТЪ
ПИДЪ СЕВАМИ ПЛАВЦКУИИ
А ВЛАДИМИРЪ ПИДЪ РАНАМИ
ТУГА И ТИСКА СИНУ ГЛАБЕВУ

Великий княже всеволоде!
Не дивелъ ти
прилетѣти издалече
отна злата стела повласти?
Ты бо лежиши вьлгу
всѣмъ раскрѣтити
а динъ шелды вьлабати!
Аже бы ты былъ ты была бы
чага по негати?
а кощи по резанѣ
ты бы лежиши поуху
живьди шершри стравати
удалымъ сыны глѣбѣвы

Ты буй рину и даведе!
Не ван ли злауници шовди ти кривъ плаваши?
не ван ли хабрам дужина
рыкантѣ акы турн
ранены саваими калныиди
на плаѣ негнаедѣ?
вступитѣ гспѣдина
вѣ злата стравена

192 Доска с текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Шрифт Б. В. Грозевского.
Д. Н. Афанасьева
и С. С. Чуракова

ЗА ОБИДУ СЕГО ВЪДИШИ.
ЗА ЗЕЦЛАН РЪСКУЮ.
ЗА ЯНЫ ИГРЪВЪИ.
БЪЧЕГО СВЯТЪСЛАВЛИУА!

ПАЛНУКИ ОВДОУМЕЛЪ РАДОСЛАВЕ!
ВЫСОКО СЪДИШИ
НА СВОЕЛЪ ЗЛАГОКОВАНИФЪДЪ СТОЛЪ.
ПОДПЕЛЪ ГРОБИ ЧТОСКОМИ
СВИЦИ ЖЕЛЪЗНАИДИ ПЛАЖИ.
ЗАСТУПИВЪ КОРОЛВИ ПУТЪ.
ЗАТВОРИВЪ ДУНАЮ ВОРЪТА.
ДИУА БРОКЕНЪИ УРОЗЪ ОБЛАКИ.
СЪДЪИ РАДЪА ДО ДУНАТА.
ГРОЗЪИ ТВОЯ ПЪ ЗЕЦЛАВЪДЪ ТРОКУТЪ.
ОТВОРИШИ КИЕВУ БРАТА:
ОТЪБЛАЕШИ СЪ ОТНЪА ЗЛАТА СТОЛА
САЛТАНИ ЗА ЗЕЦЛАВЪДИ.
ОТЪБЛАИ РИПЪДИНЕ-КИНУАКА.
ПОГАНАГО КИЩА.
ЗА ЗЕЦЛАН РЪСКУЮ.
ЗА ЯНЫ ИГРЪВЪИ.
БЪЧЕГО СВЯТЪСЛАВЛИУА!

ЛТЫ БЪЧЪИ РИЦАНЕ И ДЕСТИСЛАВЕ!
ХРАБРАТА КИЕСАЛ НРИТЪ
ВАСЪ УРЪА НА ДЪЛА.
ВЫСОКЕ ПЛАВАШИ
НА ДЪЛА ВЪ БЪЧЕТИ.
ЯКЪ ОКЛАЪ НА ВЪТЪХЪ ШИРАТАСА.
УРЪА ПТИЦИ ВЪ БЪЧЕТИВЪ АДАЛЪТИ.
СЪТЪ БЪ ЧЪ ВАН ЖЕЛЪЗЪИВЕ ПАГОРЪИ

ПЪДЪ ШЕЛЪДИ ЛАТИНСКИДИ.
ТЪДИ ТРОКУ ЗЕЦЛА
И ДИНОГИ СТЪАНЪ:
КИНОВА-АНТЪВА-ПАТЪВЪДИ-ДЕВЕЦЕЛА
И ПЛАВЦИ СЪЛЦИ СВОА ПОВЪРАГОША.
А ПЛАВЪИ СВА ПЪКЛАНИША
ПЪДЪ ТЪИ ДИУИ ХАЛАУЖИНИ.

Плачущие жены
193 Доска с росписью
и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись В. А. Фаворского.
Шрифт Б. В. Грозевского,
Д. Н. Афанасьева
и С. С. Чуракова

НЪ УЖЕ КНИАЖЕ-ИГОРО
ЧТОРЪСЪ СЪЛЦЮ СВЪТЪА.
А ДРЕВО НЕ БОЛГОДЪ ЛИСТЪИ СРОНИ!
ПО РЪИ И ПО СУЛИ
ГРАДИ ПЪДЪБАНША.
А ИГРЪВА ХРАБРАГО ПАЖКУ
НЕ КРЪЧИТИ!
ДЕНЪ ТРИ КНИАЖЕ-КАЛИЧЕТЪ.
И ЗОВЕТЪ КНИАЗИ НА ПОВЪДЪ.
КАГЪВИНИ-ХРАБРИИ КНИАЗИ.
ДОПЪБАН НА БРАНА.

ИНЪЗГВАРА И ВСЕВЛАДЪ.
И ВОИ ТРИ ДЕСТИСЛАВИНИ.
НЕ ХУДА ГНЪЗДА ШЕСТЪКРИАЦИ!
НЕ ПОВЪДНИВЪИ ЖЕКЪИ
СВЪБЪ ВЛАСТИ РАСХЪТИСТЕ?
КОЕ ВАШИ ЗЛАТЪИ ШЕЛЪДИ
И СЪЛЦИ ЛЪЦКИ И ШИТЪИ?
ЗАГРЪДИТЕ ПЪЛЪ ВЪНТА
СВИЦИ ИСТЪИДИ ОТЪБЛАЦИ
ЗА ЗЕЦЛАН РЪСКУЮ.
ЗА ЯНЫ ИГРЪВЪИ.
БЪЧЕГО СВЯТЪСЛАВЛИУА!

КЖЕ БЪ СЪЛА НЕ ТЕЧЕТЪ
ОБЪРЪИДИИ СТЪИДИ
КЪ ГРАДУ ПЕРНАСЛАВАН.
И ДВИНА БЕЛОТЪЦЪ ТЕЧЕТЪ
ИНАЦЪ ГРОЗЪИЦЪ ПЪЛЪВАНЦЪ
ПЪДЪ КАМЪИЦЪ ПОГАНИХЪ.
ЕДИНЪ ЖЕ И ЗЕЦЛАВЪ СМЪНЪ ВАСЕЛАКЪВЪ
ПЪЗВИИ СВИЦИ ИСТЪИДИ ДИУИ
И ШЕЛЪДИ ЛИТЪВСКЪА.
ПРИТЪПА СЛАВУ
ДЪДУ СВИЦУ ВСЕЛАВУ.
А САДЪ ПЪДЪ УРЪЛЪИДИИ ШИТЪИ
НА КРЪВАВЪ ТРАВЪ
ПРИТЪПАНЪ ЛИТЪВСКЪИДИ ДИУИ.
И С ХЪТИИ НА КРЪВАТИ РЪКЪ:

Степь
194 Доска с росписью
и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись Л. Р. Мюльгаупта.
Шрифт Б. В. Грозевского,
Д. Н. Афанасьева
и С. С. Чуракова

ДЛУЖИТЕ ТРИ КНЯЖА
 ПУТИЦА КРАСНІ ГОДА
 А ЗВЪРИ КРАСНІ ПАРУША
 НЕ МІСЯ ТУ КРАТІ КОМУСАВА
 НИ ДУГАТЕ ВЕРБАДА
 ІДИНА ЖЕ ИГОНИ ЖИВИЖНУ ДУШУ
 ИТУ ХРАВА ТРАДА
 УСТА ЗЛАТА ВЖИВА
 УНИМА ПАДИ
 ПИНИУ ВЕСЛАІ
 ТРАВА НЕ ТРАВАТА ГОДИНСКИ

ПА ВЛАДИ И ВСИ КНИЦІ ВЕСЛАВАМИ
 КНИЖЕ ПИНИУТИ СТИЦІ СВІИ
 КНИЖИТЕ СВІИ ДЛУЖІ КОЖЕНІ
 ИЖЕ БІ КНИКУЮТИ
 ИТУ ДЪДНИ СЛАВІ
 НИ ВО СВІТІ КРАСНАДИ
 НАУАТЕ НАВАДИТИ ПИГАМА
 НА ЗІДАН РУСКИ

НА ЖИЗНЬ ВЕСЛАВАМИ
 КНИЖИ БІ ВЪШІ НАСЛІ
 ИТУ ЗІДАН ПЛАВІКМИ

НА СЕДЪИЦІ ВЪЩІ ТРИАНИ
 ВЪЩЕ ВЕСЛАВА ЖБИИ
 І ДЪВИЦІ СЕБЪ АНЪ
 ТРАИ КАНКАДИ ПІДПРАСА І КНИ
 И КЪНИ КЪ ГРАДУ КМЪВУ
 И ДЪТКЕСА СТЪЖИЦА
 ЗЛАТА СТИЛА КІВСКАІ
 КЪНИ ИТАЙ АНТИЦА ЗЪВНІЦЪ
 ВЪ ПЛАНУИ ИТУ БЛАГАДА
 ВЪНИСА ОНЪ ДРАДЪ
 УТРА ЖЕ ВЪЗНІЗІ СТИКЪСІ
 ИТЪВНИ ВЪТА НОВУРАДУ
 ІЗШИСІ СЛАВУ ІРСЛАВУ
 КЪНИ КЛЪКІЦА ДІ НІДИТИ СЪ ДУАТИКЪ
 НА НІДИЦЪ СТИПА СТИАНЪ ПЛАВАДИ
 ДІЛАТИЦА УПИ ХАРАМУЖНИАДИ
 НА ТИЦЪ ЖИВІЦА КЛАДУЦА
 ВЪНІЦЪ ДУШУ ИТУ ТРАДА
 НЕДИЦЪ КІВАВИ КІЗЪ
 НЕ ВЛАГОЦА ВЛАХУТЪ ПОВІАНИ
 ПОВІАНИ КСТАДИ РУСКИХЪ СВІВЪ
 ВЕСЛАВА КНАІЦЪ АНДЕЦА СЪДАШЕ
 КНАІЦІЦА ГРАДИ РАДАШЕ
 А СЛАДЪ ВЪ НОВА ВЛАГОЦА РУСКАШЕ
 ИТУ КМЕВА ДРИКАШЕ

ДО КМУЦА ТРИТОРКАНА
 ВЛАКІДИХЪ ХРАВИ ВЛАКІДИ
 ПУТЪ ПЕРИКАШЕ ТИДУ ВЪ ПЛАТОСКЪ
 ПОВІНИША ЗАПРИНИ ІАНИ У СВІТІА ОФІ
 ВЪ КЛАКІЦА ІНЪ ВЪ КМЪВЪ ЗЪВНЪ СЛЫША
 АЩЕ И ВЪЩА ДУША ВЪ ДЪЗЪ ТРАДЪ
 НЪ УАСТІ ВЪДА СТИДАШЕ
 ТИДУ ВЪЩІ БІАИ
 И ПРЪВІ ПИПЪВКУ
 СЛАСАНИИ РЪВІ
 ОНИ ХВІТУНИ ПРАДУ
 НИ ПТИЦІ ПРАДУ
 СЪДА ВОЖІА НЕ ДИНИТИ

О ІСТНАТИ РУСКИ ЗІДАН
 ПОДИАНУШЕ ПРЪВІ ПДИНУ
 И ПРЪВІХЪ КНАІЦИ
 ТИЦЕ СТАРА ПЛАДИРА
 НЕ ДЪЦЪ БЪ ПИГВОДИТИ
 КЪ ПРАДЪ КІВСКАІ
 СЕГО ВО НІВІ СТИА СТИЦІ ІРСКАВИ
 А ДЛУЖІ ДАVIDAVИ
 НЪ ІІЗЪНО ІА НІЦЪ ХВОТЪ ПАШУТЪ
 КІПІА ПІОТЪ

ДА ДУНАИ ІАРСЛАВНИЦА ГЛАСЪ СЛЫШИТЬ
 ЗЪВНІЦІ НІЗНАЦЪ ІАНО КМЪУТЬ
 ПОЛУЧІ РЪВІ ЗЪВНІЦІ ПО ДУНАВИ
 ОДЛУЧІ СВІРАИ РУКАВЪ ВЪ КЛАДЪ РЪВІ
 УТРА КНАІЦИ КРОВАВИА ЕГЪ ІАНИ
 НА ЖЕТИЦІЦА ЕГЪ ТРАДЪ
 ІАРСЛАВНА ІАНО ПЛАУЕТЪ
 ВЪ ПУТИВЪ НА ЗАВАДЪ ДРИКЪНИ
 ВЪВЪТЪ ВЪТРАІ
 УДИ ПОВІДИНО НАСЛАВНО ВЪШІ?
 УДИ ДІАУШИ ХІНІВАКМИ СТИВАКМИ
 НА СВЕНО НЕ ТРАДІНО КРИЦИ
 НА ДІВІА ДАДИ ВОІ?
 КЛАДЪ АН ТИ ВІШЕТЪ
 ГРЪ ПІДЪ ВЕЛАКМИ ВЪІАТИ
 АЛЪВУИ КОРАВИ

„Златое слово“
 Святослава

195 Доска с росписью
 и текстом „Слова“
 Дерево, левкас, темпера
 Роспись Л. Р. Мюльгаупта.
 Шрифт Б. В. Грозевского,
 Д. Н. Афанасьева
 и С. С. Чуракова

Половецкий стан

196 Доска с росписью
 и текстом „Слова“
 Дерево, левкас, темпера
 Роспись Л. Р. Мюльгаупта.
 Шрифт Б. В. Грозевского,
 Д. Н. Афанасьева
 и С. С. Чуракова

НА СИНѢ ДИВѢ?
 УВЕРУ ГРИПДИНЕ ДИВЕ ВЕСЕЛІЕ
 ПЕ КИВЛАІН ІАЗВѢІА?
 ІАРИЛАВНА ІАНИ ПЛАУЕТЪ
 ПУТИВАІН ГИРАУ НА ЗАВРАЛЕ ДЖУУНИ:
 „І ДИВЕ СІВУТИЦІН!
 ТЪІ ПИВЕІАЪ ІСН КАДІЕННАІА ГИРІ
 СКВОЗѢ ЗЕЦІАН ПЛАВЕЦІУНІ
 ТЪІ ДЛАДІАЪ ІСН НА СЕВѢ СВІАТІСЛАВІН НАСАДІ
 ДІ ПЛАКУ КІВІАКІВА
 ВЪЗЛАДІІ ГРИПДИНЕ
 ДИІ ЛАДУ КІ ДИІ
 АВІКЪ НЕ САЛА КЪ НИЦУ
 СЛУЗЪ НА ДИІ ІАНИ?
 ІАРИЛАВНА ІАНИ ПЛАУЕТЪ
 ВЪ ПУТИВАІѢ НА ЗАВРАЛЕ ДЖУУНИ:
 „СВѢТІАН И ТРИСВѢТІАН СІВНЦІ!
 ВЪДІВЪ ТІПІАН И КРАСНІ ІСН
 УВЕРУ ГРИПДИНЕ ГИРІ
 ГИРАУНІ СВІН ЛУУН
 НА ЛАДІІ ВІІ?
 ВЪ ПЛАѢ БІЗВІАНІѢ
 ЖАЖДІН ІІВЪ ЛУЦІН СЪПІАЖІ
 ТУГІНІ ІІВЪ ТУІАН ЗАТІУЕ“

ПРИМНУ ДИВЕ ПЛАУНОЩІ;
 ІІДІТЪ СІВІІНІ ДІАГЛАДІНІ
 ІІГІРІВІ КНІАЗН БІГЪ ПУТЪ КАЖЕТЪ
 ІІЗЪ ЗІЦІАН ПІАВЕЦІКІНІ
 НА ЗІЦІАН ІІСІУНІ
 КЪ ІТНІ ЗЛАТУ СІВАУ
 ПІАГОША ВЕУІУ ЗІДІ
 ІІГІРА СІПІТЪ ІІГІРА БДІТЪ
 ІІГІРА ДІВІСІІН ПІАВІДІВІТЪ
 ІІГЪ ВІАНКАРІ ДІНУ
 ДІ ДІАЛАГЪ ДІНЦА
 КІДІНА ВЪ ПІАУНОУІ
 ІІЛУУЪ СВІІНУ ЗА ІІКІНІ
 ВІАІТЪ КНІАЗН ІІЗУІІБІТІ
 КНІАЗН ІІГІРНІ НЕ БІГІТІ КАНІКНУ
 СІУКНУ ЗІЦІАІА:

197 Разговор Игоря с Донцом
 Доска с росписью
 и текстом „Слова“
 Дерево, левкас, темпера
 Роспись В. А. Фаворского.
 Шрифт Б. В. Грозевского,
 Д. Н. Афанасьева
 и С. С. Чуракова

ВІАНУІІѢ ТРАВА
 КЕЖІ СІА ПІАВЕЦІКІНІ ПІАДІВІЗАШАІА
 А ІІГІРЪ КНІАЗН ПІСІКІУІ
 ГИРАСТАВІІЪ КЪ ТРИСІІН
 И БѢЛІІІЪ ГІГІЛАІІЪ НА ВІАУ
 ВЪВРЪЖІСІА НА БІВЪЗЪ КІДІНА
 И СІКІУНІ СЪ НІВЪ КІСІІІЪ ВЪЗІКІІЪ
 И ПІОУЕ КЪ ЛУУ ДІНЦА
 И ПІАУТЪ СІКІЛАІІЪ ПІДЪ ДІВІЛАДІНІ
 И ЗІВІТІАІА ГУСІН ІІ АВІДІ
 ЗАВТІРІКІУ ІІ ВЪДІУ ІІ УЖІНІѢ
 КІЛІ ІІГІРЪ СІКІЛАІІЪ ПІАУТЪ
 ТІРА ВЛУУЪ ВЪЗІКІІѢ ПІОУЕ
 ТІУСІА СВІІН СІУДІНУНІ ІІСІУ
 ПІРІТІРАСТА БІ СВІІА БІВЪЗІА КІДІНА

ДІНЦА РЕУЕ КНІАЗЕ ІІГІРНІ
 НЕ ДІАЛІ ТІІ ВІАНУІІА
 А КІВІАКУ ІІАІІІІА
 А РІСІКІНІ ЗІЦІАН ВЕСЕЛІА ІУ

ІІГІРА РЕУЕ „І ДІНУЕІ
 НЕ ДІАЛІ ТІІ ВІАНУІІА
 „СІВІАКІШУ КНІАЗІА НА ВЪІНАХЪ
 СІЛАВІШУ БІІУ ЗЕЛѢНУ ТРАВУ
 НА СВІІНХЪ СРЕВІЕНІХЪ БІЗЪІХЪ
 ДІВІВАШУ ІІІ ТІПІАВІНІ ДІВІЛАДІНІ
 ПІДЪ СІНІН ЗЕЛЕНУ ДІВУ
 СІРІЖАШЕ СІІ ГІГІЛАІІЪ НА ВІДІ
 ІІАІЦАДІНІ НА СІРІАХЪ
 ІІРІНА ДІВІНІ НА ВІТІРІХЪ
 „НЕ ТІАКІ ДІ РЕУЕ ІІКА СІУТІНА
 ХУУ СІРІН ІІДІІА
 ПІОЖІАШІ УЖІ ІІУВІНІ ІІ СІРІГІ
 ВІСТІНА КЪ УІТІУ
 УІНОШУ КНІАЗНІ РІСТІСЛАВУ
 ЗАТІВІНІ ДІІІГІРЪ ТІКІНІѢ ВІЕЗЪІѢ
 ПІАУУЕТІА ДІАТІ РІСТІСЛАВІА
 ПІ УІНОШІ КНІАЗНІ РІСТІСЛАВІѢ
 УІНАША ЦІКІТІІ ЖАДІВІНІ
 И ДІВЕ СЪ ТУГІВІНІ КЪ ЗІЦІАН ПІВІКІНІІІА

ДНЕ СІРІКІНІ ВІТІСІКОТАША
 НА СІВІДІУ ІІГІРІВІѢ
 БІЗІДІТЪ ПІДЪ СІА КІВІАКІКІѢ
 ПІВІДІ ІІАНИ НЕ ПІААХУТЪ
 ПІАІІЦІ ПІВІДІАКІША
 СІРІКІНІ НЕ ТІСІКОТАША
 ПІО ДІЗІІ ПІАДІОША ТІЛАКІ
 ДІАТІАВІ ТІКІТІІА

198 Плач Ярославны
 Доска с росписью
 и текстом „Слова“
 Дерево, левкас, темпера
 Роспись В. А. Фаворского.
 Шрифт Б. В. Грозевского,
 Д. Н. Афанасьева
 и С. С. Чуракова

ПУТА КЪ РЪЦЕ КАЗУТЪ
 ОЛБИ ВЕСЛАБИ ПЪСБИ
 СВѢТЪ ПЕВѢДАНТЪ.
 ДЛАВИТЪ ГЪДЪ КЪ КИВУКОВИ.
 «АЖИ ОКЛАЪ КЪ ГИВЪЗДУ ЛИТИТЪ.
 ОКЛАИВА ИСТРѢЛАНЪ
 СВИДЪИ ЗЛАВЕНЪИДИ (ТЪВЛАДИИ)
 ИВЪ КИВУКЪ КИ ГЪДЪ.
 «АЖИ ОКЛАЪ КЪ ГИВЪЗДУ ЛИТИТЪ.
 А ВЪ ОКЛАЦА ИПЪТАВЪ КАСНОИ ДЪВИЦИ
 И ИВЪ ГЪДЪ КЪ КИВУКОВИ
 «АЩЕ ИВЪ ИПЪТАВЪ КАСНОИ ДЪВИЦИ
 НИ НАЦА БУДЪТЪ ОКЛАЦА.
 НИ НАЦА КАСНИ ДЪВИЦИ.
 ТЪ ПУЧУТЪ НАИ ПЪИЦИ БИТИ
 ВЪ ПЛАВЪ ПЛАВЕЦКАИЪ»

ПЕКЪ БИАНЪ ИХОДИ НА СВЕТЪСЛАВАН.
 ПЪСНОТЪВЕЦЪ СТАРИЪ ВРЕДИИ
 ПАСЛАВАНЪ СЛАВНА КОГАНИ
 «ХОТЪ И ТЪЖКА ТИ.
 ПЛАВЪ КИДЪ ПЛАВЪ
 ГЪДЪ ТИ ТЪВУ.
 КИДЪ ПЛАВЪ
 РУСКИ ЗЕМЛИ ВОЗЪ ИГРИ.
 ПЛНИ СВѢТИТЪ НА НЕВО.
 ИГРИ КИДЪ ВЪ РУСКИ ЗЕМЛИ.
 ДЪВИЦИ ПИТЪ НА ДУНАИ.
 БИТЪ ПЛКИ УРЪЪ ДИЕ ДИ КИВА.
 ИГРИ ФАДЪТЪ ГИ БИВУВУ.
 КЪ СВЯТЪИ БИГРЕДИЦИ ПИРЪЩИИ.
 СТРАНИ РАДИ.
 РАДИ ВЕСЛИ.

ПѢШИ ПѢНЬ СТАРИЦЪ КИВУКОВЪ.
 А ПИТЪЦЪ ВЛАДИЦЪ ПѢТИ.
 «САВА ИГРИ СВЯТЪСАВАНУ.
 БУИ ТУРЪ ВОВЛАДЪ.
 ВЛАДИЦЪ ИГРИВУ.
 ЗАВЪИ КИВЪИ И ДУЖИНА.
 ПЕВАИЪ ЗА ХРИСТЪИНИ
 НА ПИГАННА ПЛАКИ.
 КИВУКОВЪ САВА А ДУЖИНЪ ВАДИНА.

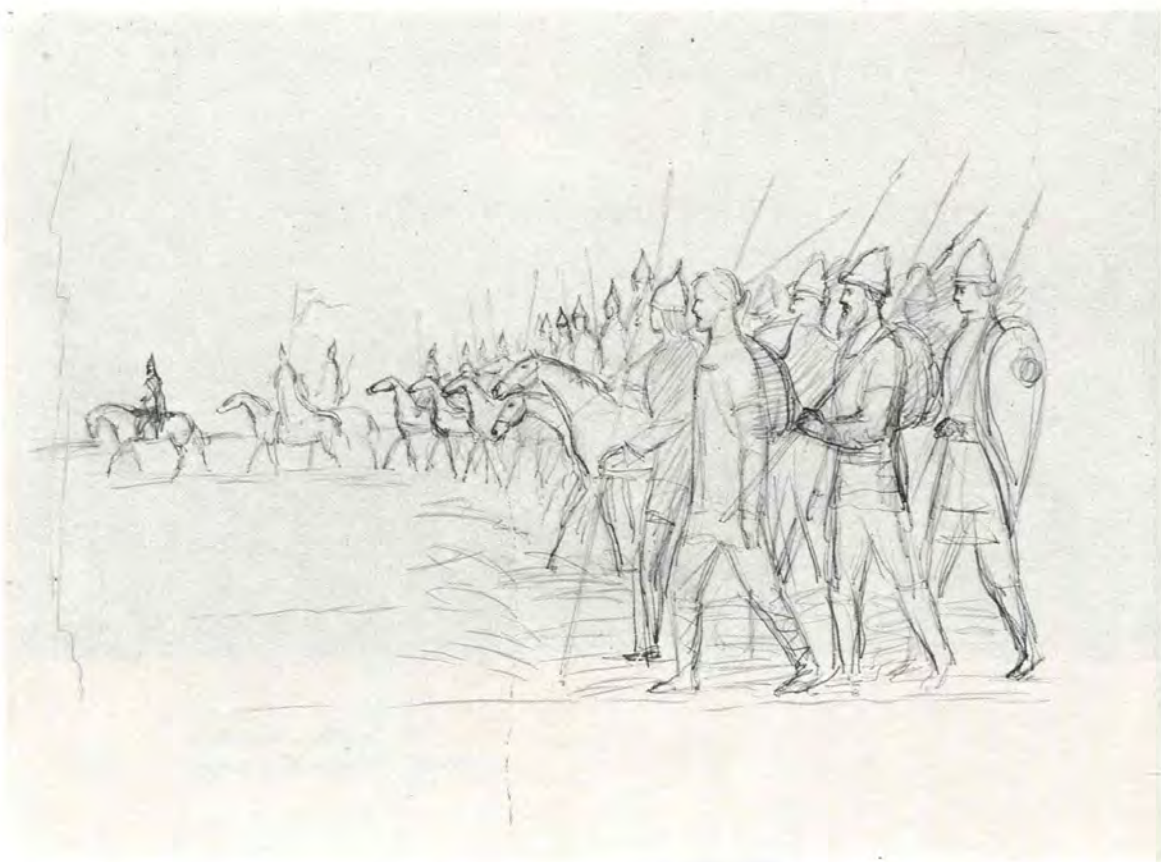
199 Доска с текстом „Слова“
 Дерево, левкас, темпера
 Шрифт Б. В. Грозевского,
 Д. Н. Афанасьева
 и С. С. Чуракова

200

Соколы и лебеди
Эскиз к левкасной доске

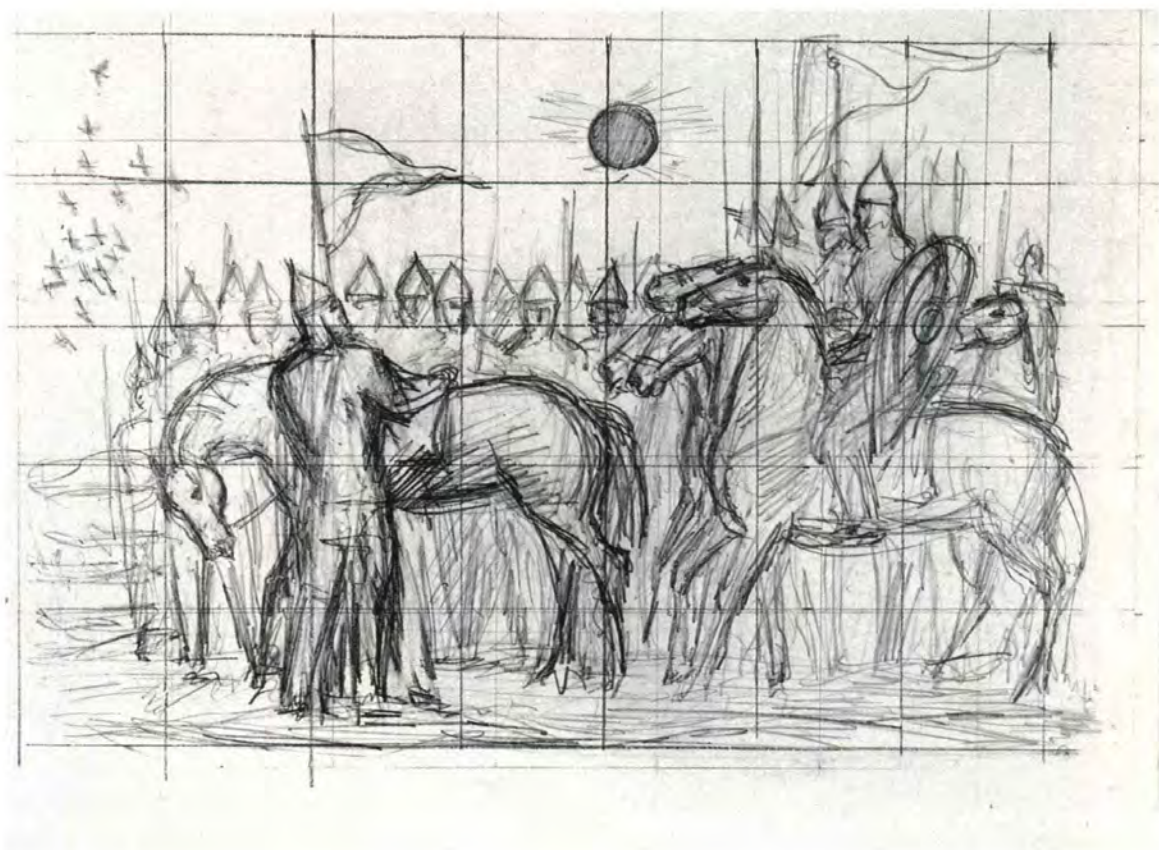

Верхний ряд:

Боян
Затмение

201 — 202 Эскизы к левкасным
доскам

Нижний ряд:
Выступление Игоря
в поход

203—204 Эскизы к левкасной
доске

205 Боян
Эскиз к левкасной доске

206 Затмение
Эскиз к левкасной доске

Первое сражение
с половцами
Эскиз к левкасной доске

207

Верхний ряд:
Битва с половцами
208—209 Эскизы к левкасной доске

Нижний ряд:
Поле битвы после
сражения

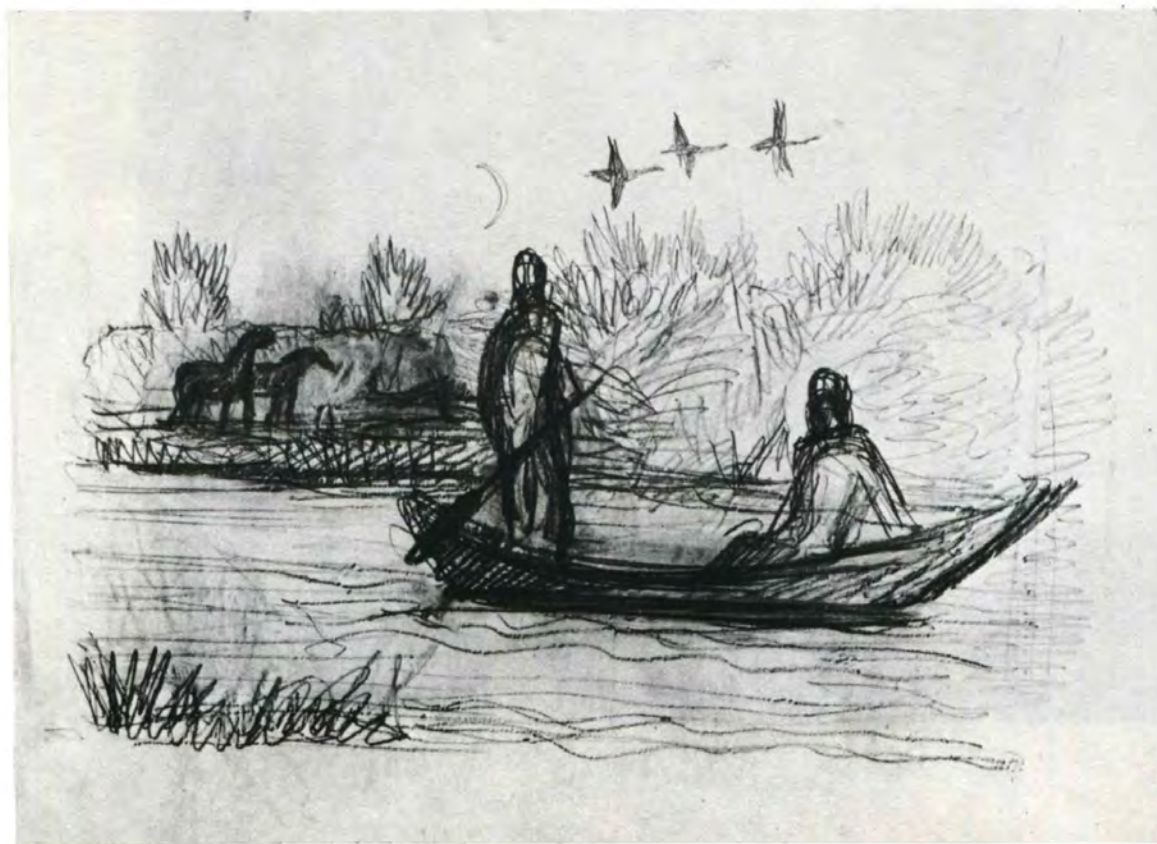
210—211 Эскизы к левкасной доске

212

Битва с половцами
Эскиз к левкасной доске

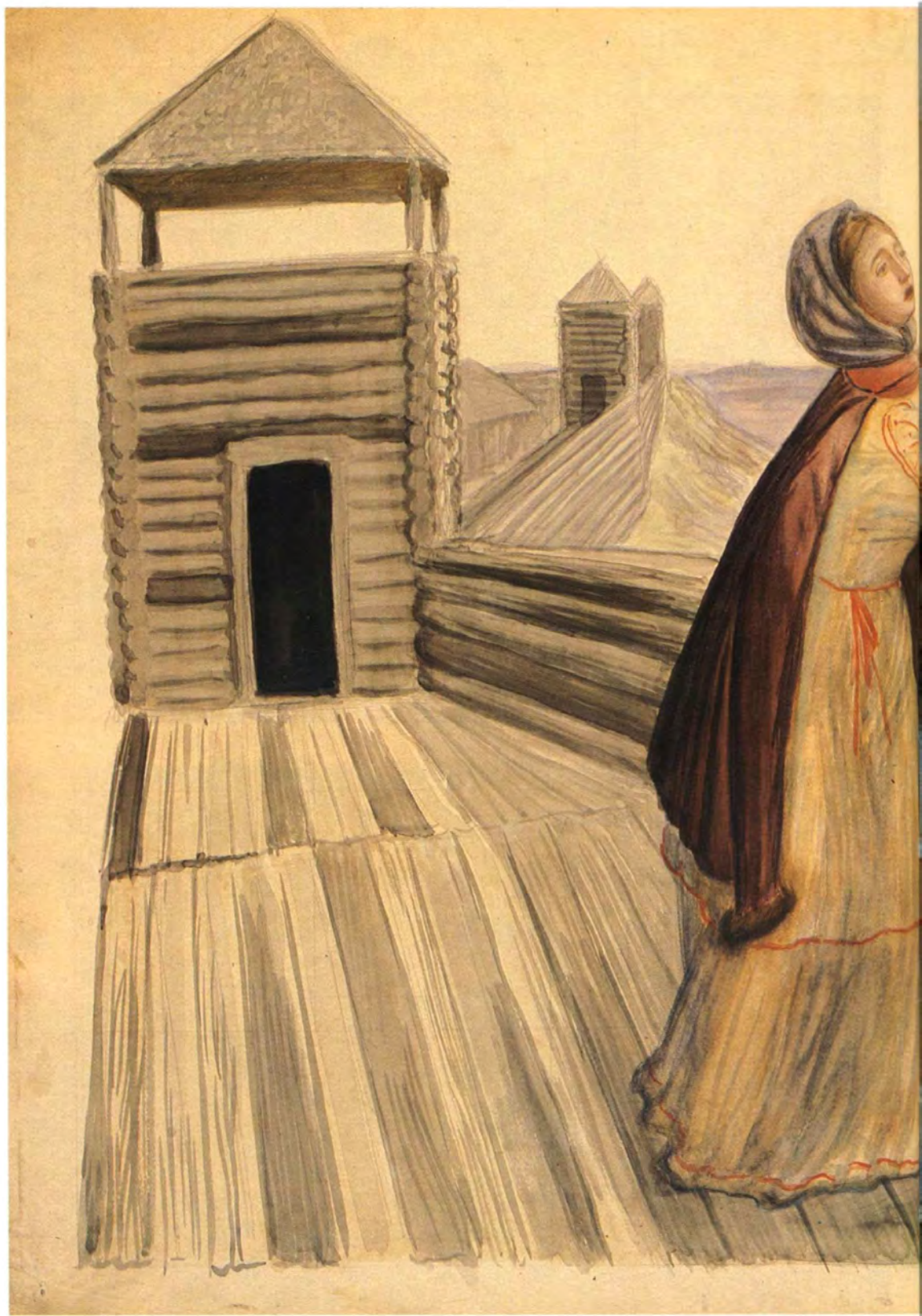
Верхний ряд:
Плачущие жены
213—214 Эскизы к левкасной доске

Нижний ряд:

Разговор Игоря с Донцом

215—216 Эскизы к варианту левкасной доски

217

Плач Ярославны
Эскиз к левкасной доске

Верхний ряд:

Плач Ярославны

218

Эскиз к левкасной доске 219

Нижний ряд:

Разговор Игоря с Донцом

Эскиз к левкасной доске

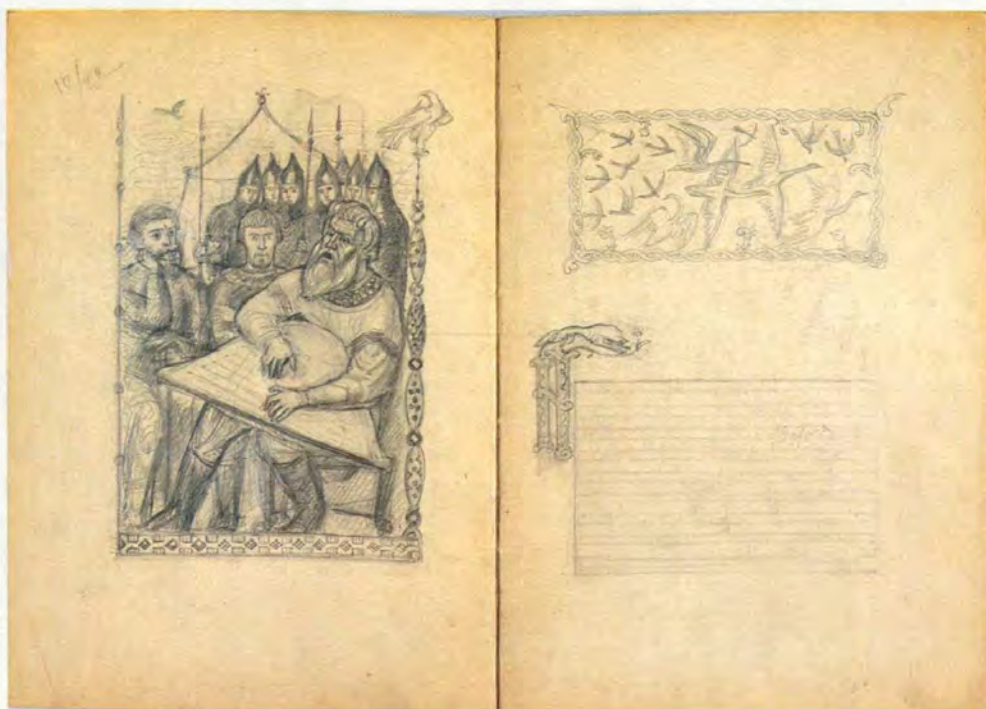
Макет
к неосуществленному
изданию
Эскизы
Гравюрные доски
Оттиски
/1948г./

На шмуцтителе:
Макет книги „Слово о полку
Игореве“. 1948

Верхний ряд:
Боян
Соколы и лебеди
Инициал Н
220 Разворот макета
Нижний ряд:
Боян
221 Подготовительный
рисунок для гравюры
222 Эскиз к гравюре

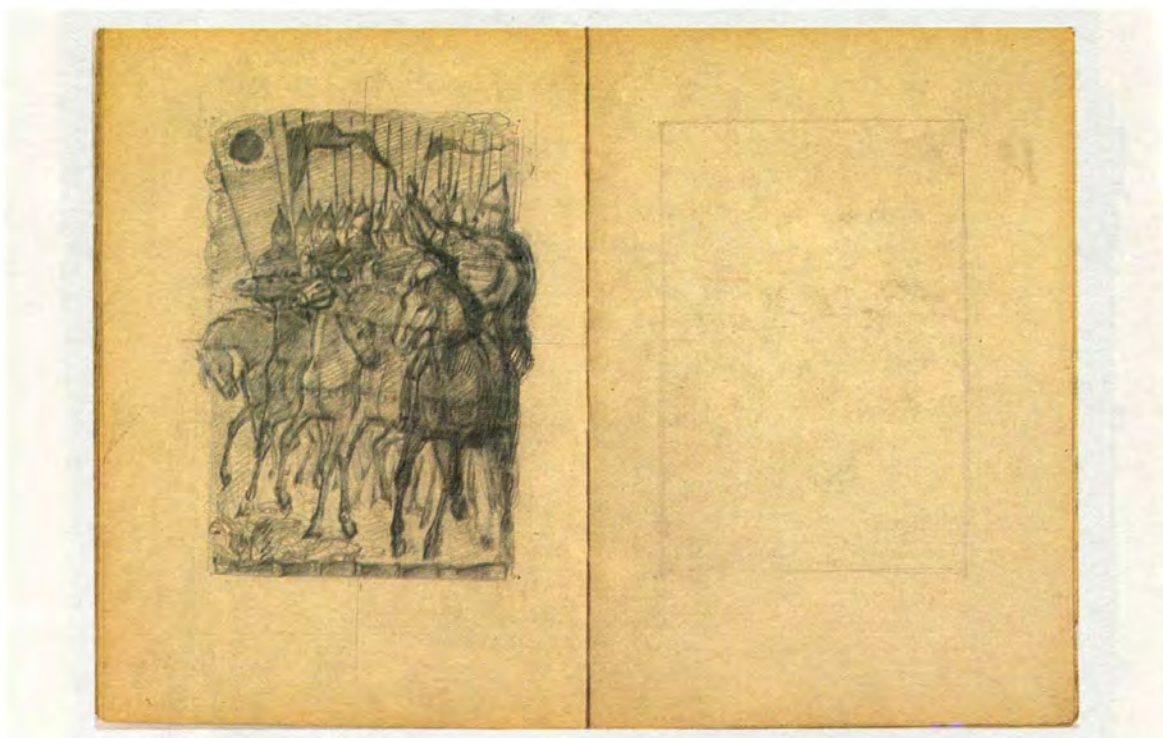

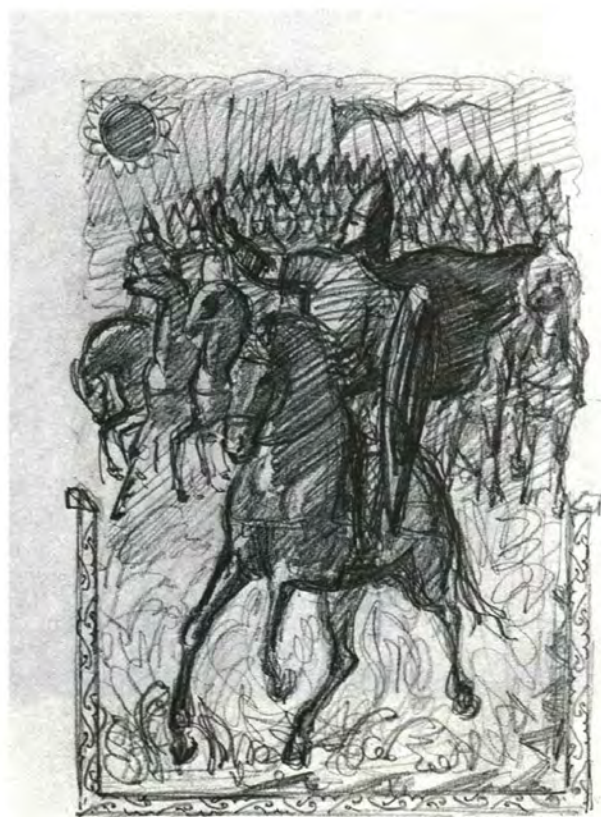
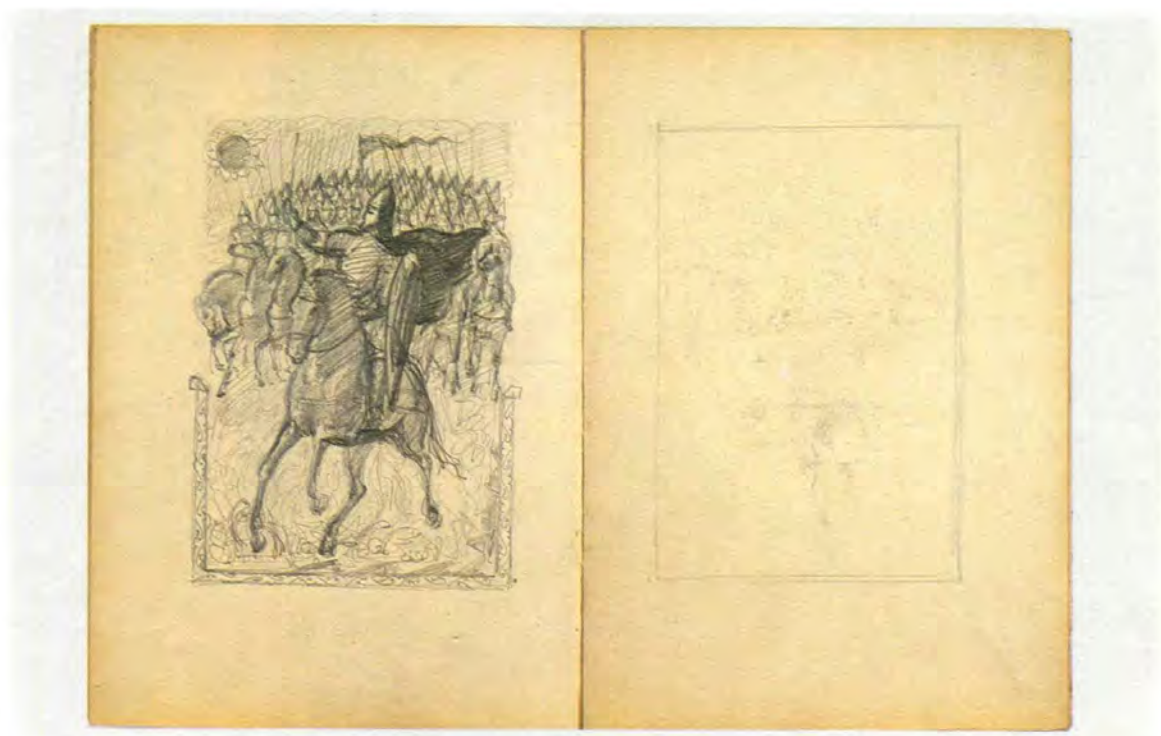

223 Боян
Доска (уменьшено)

- Верхний ряд:*
Затмение
225 Разворот макета
Выступление Игоря
в поход
226 Разворот макета

Нижний ряд:

Затмение

227

Эскиз к гравюре

Выступление Игоря

в поход

228

Лист макета

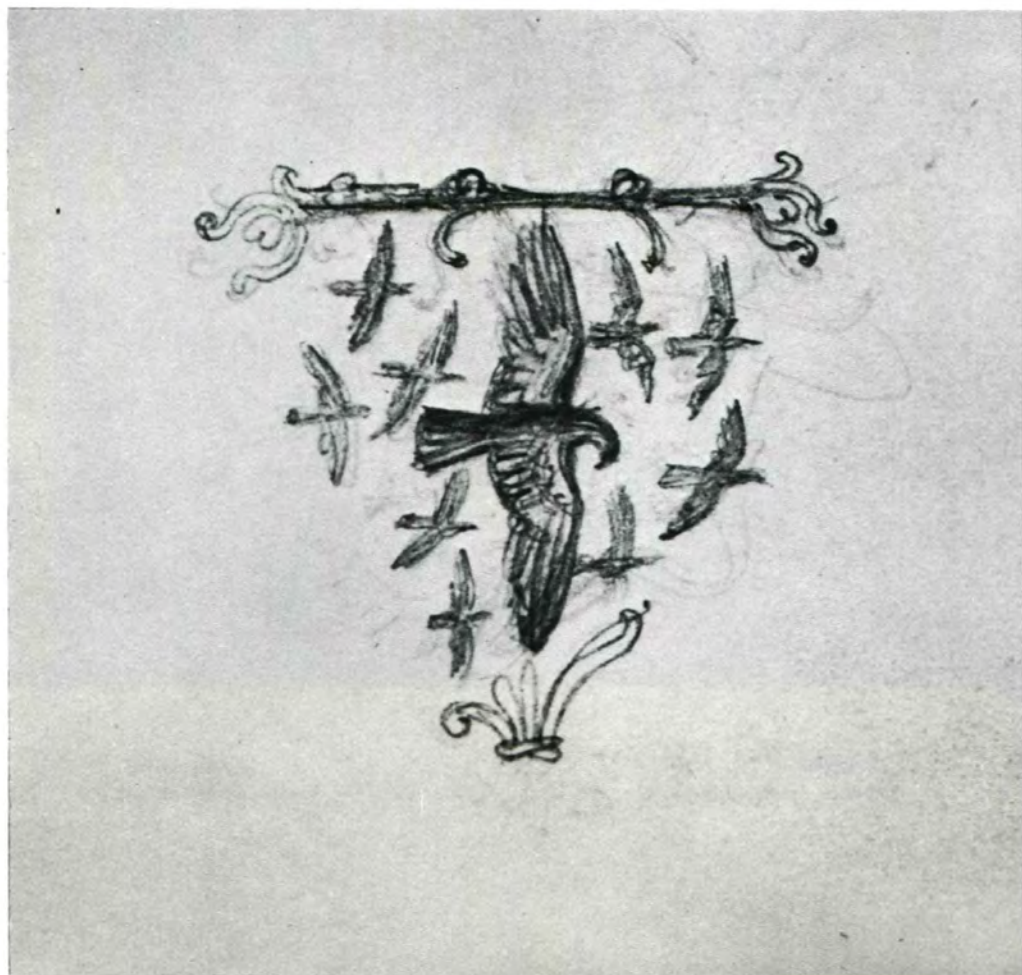
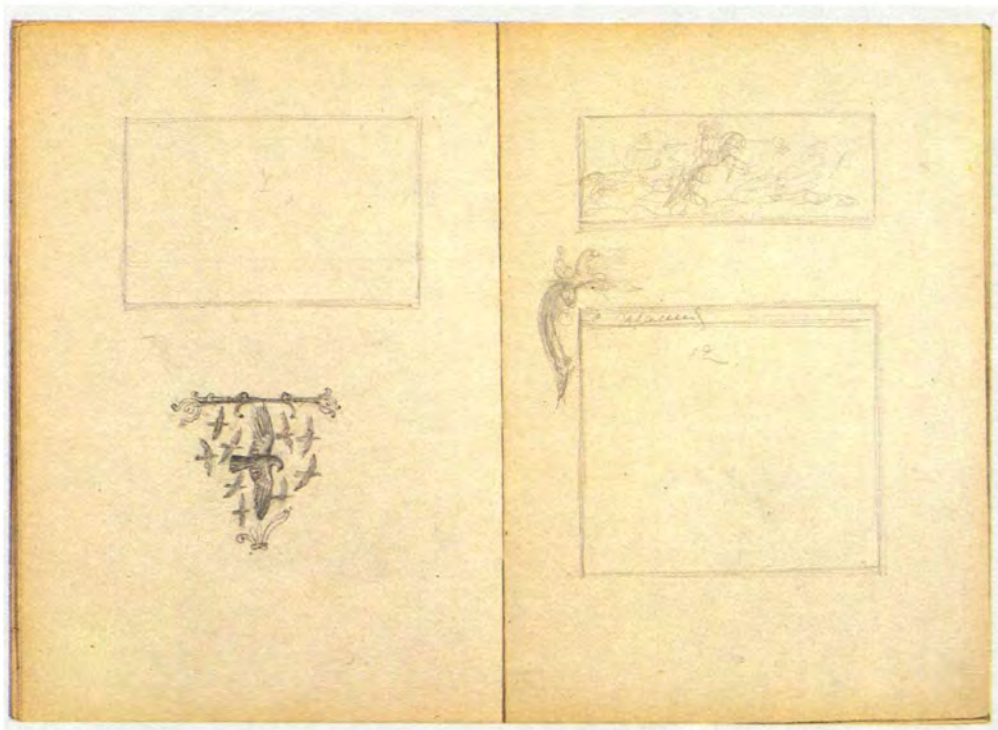

229

Затмение
Доска (уменьшено)

230 Затмение
Оттиск (уменьшено)

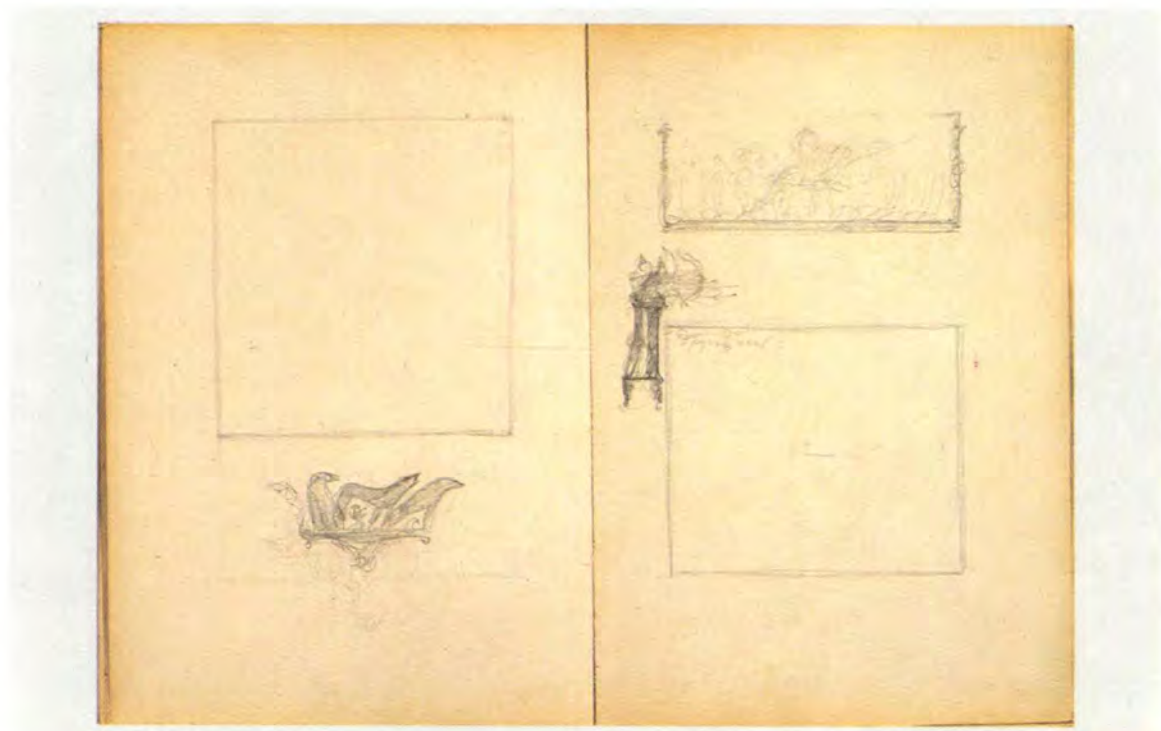

Верхний ряд:
Орел и соколы
Инициал С
Разворот макета

231

Волки
Инициал Д
Разворот макета

231

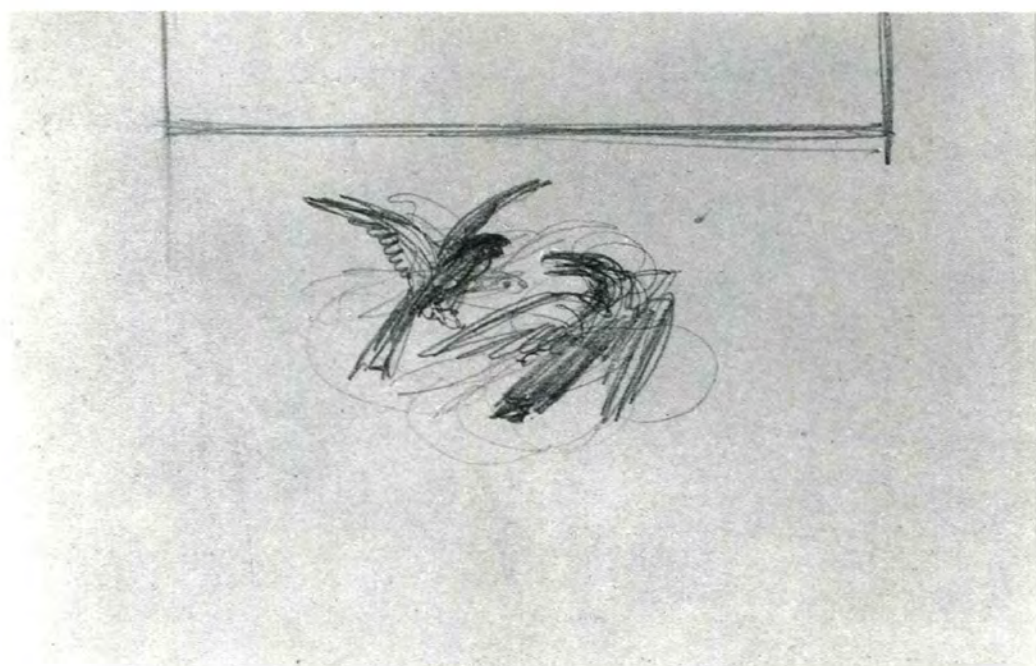
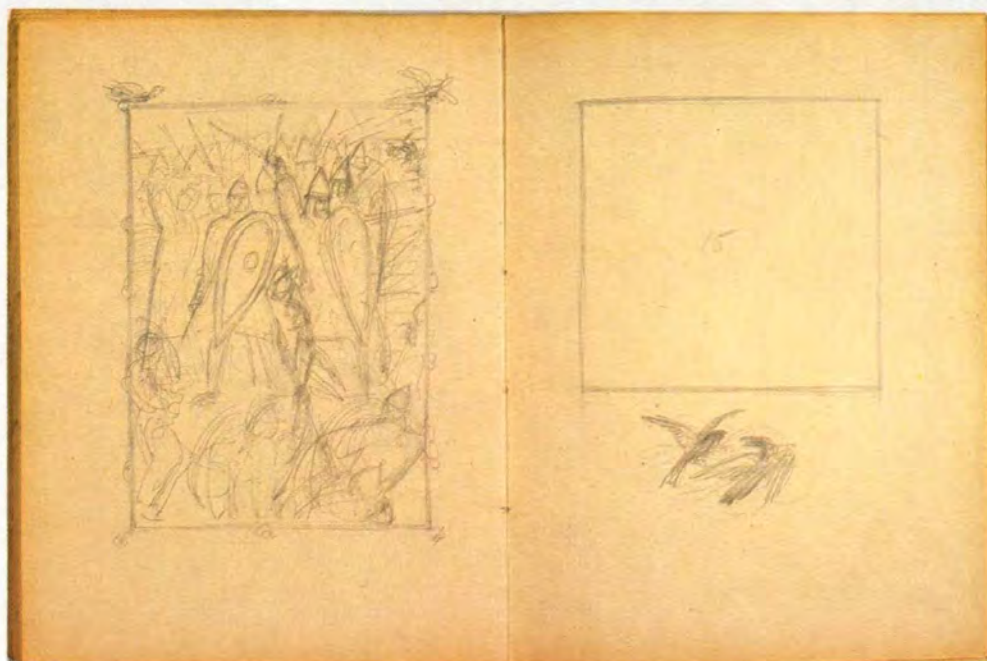

233

Нижний ряд:
Орел и соколы
Лист макета. Концовка

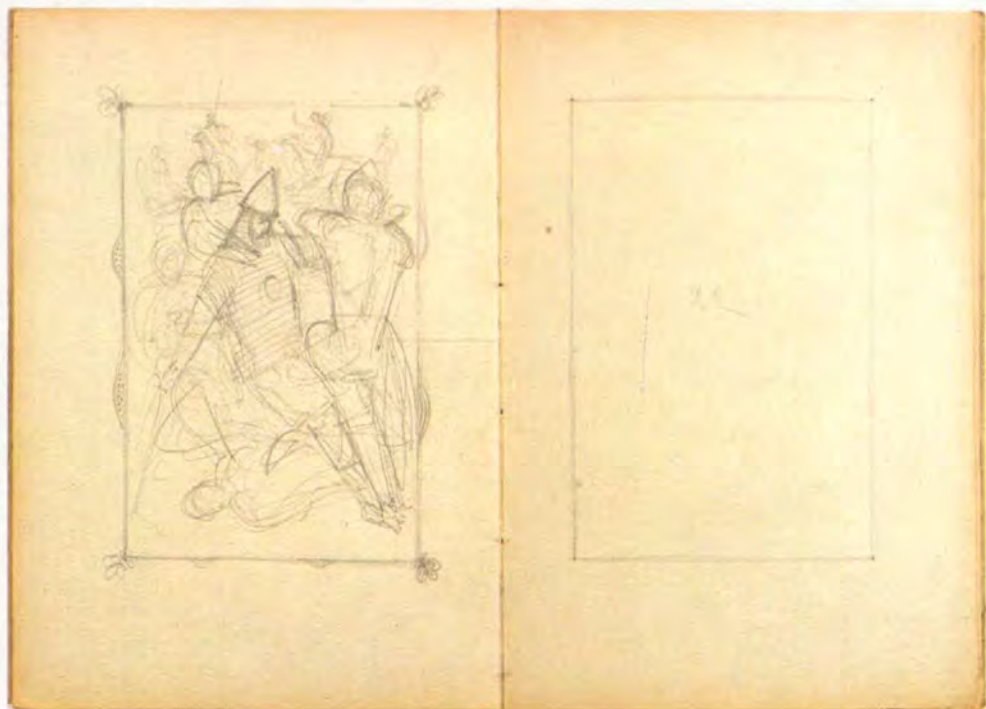
234

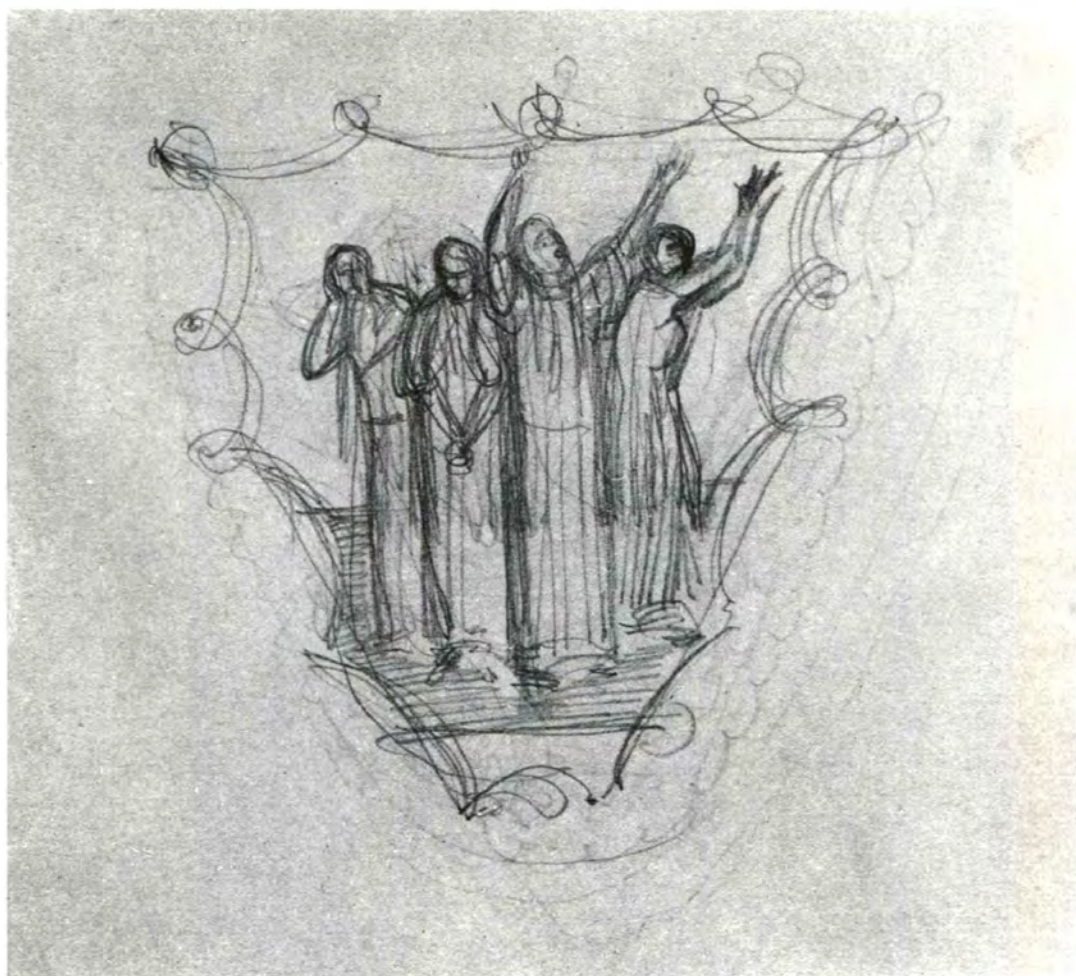
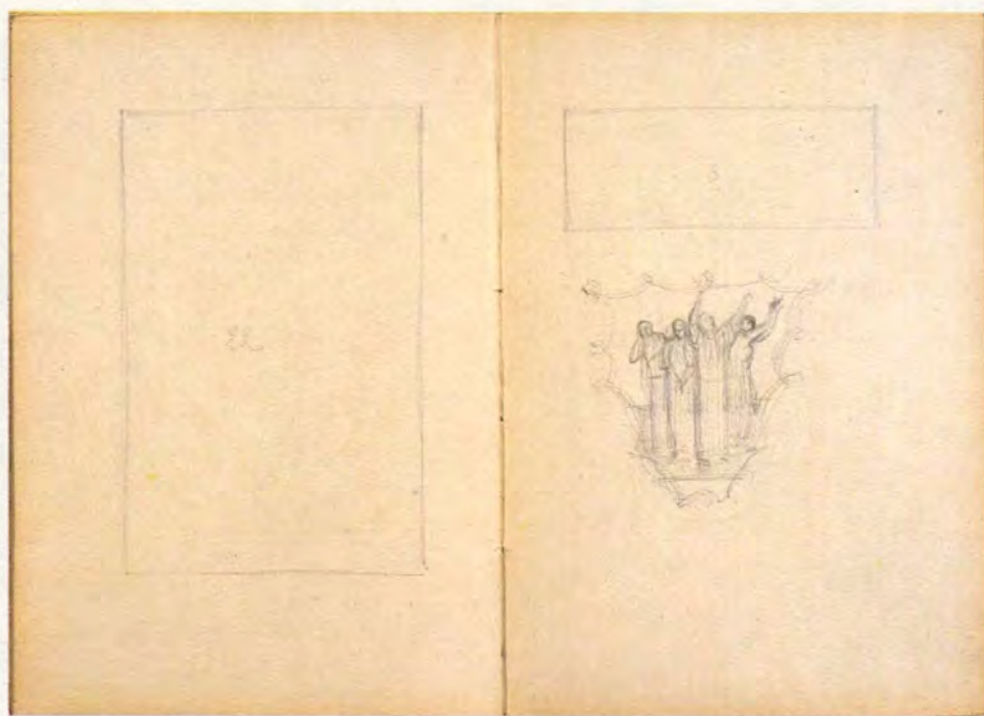
Волки
Лист макета. Концовка

Верхний ряд:
 Битва с половцами
 Сокол и ворон 237
 Разворот макета
 Раненый Игорь
 среди воинов 238
 Разворот макета

Нижний ряд:
 Сокол и ворон
 Лист макета. Концовка
 Раненый Игорь
 среди воинов
 Лист макета

239 *Верхний ряд:*
Плачущие жены
Разворот макета

240

Нижний ряд:
Плачущие жены
Лист макета. Концовка

Эскизы
Гравюрные доски
Оттиски

/К изданию 1952 г./

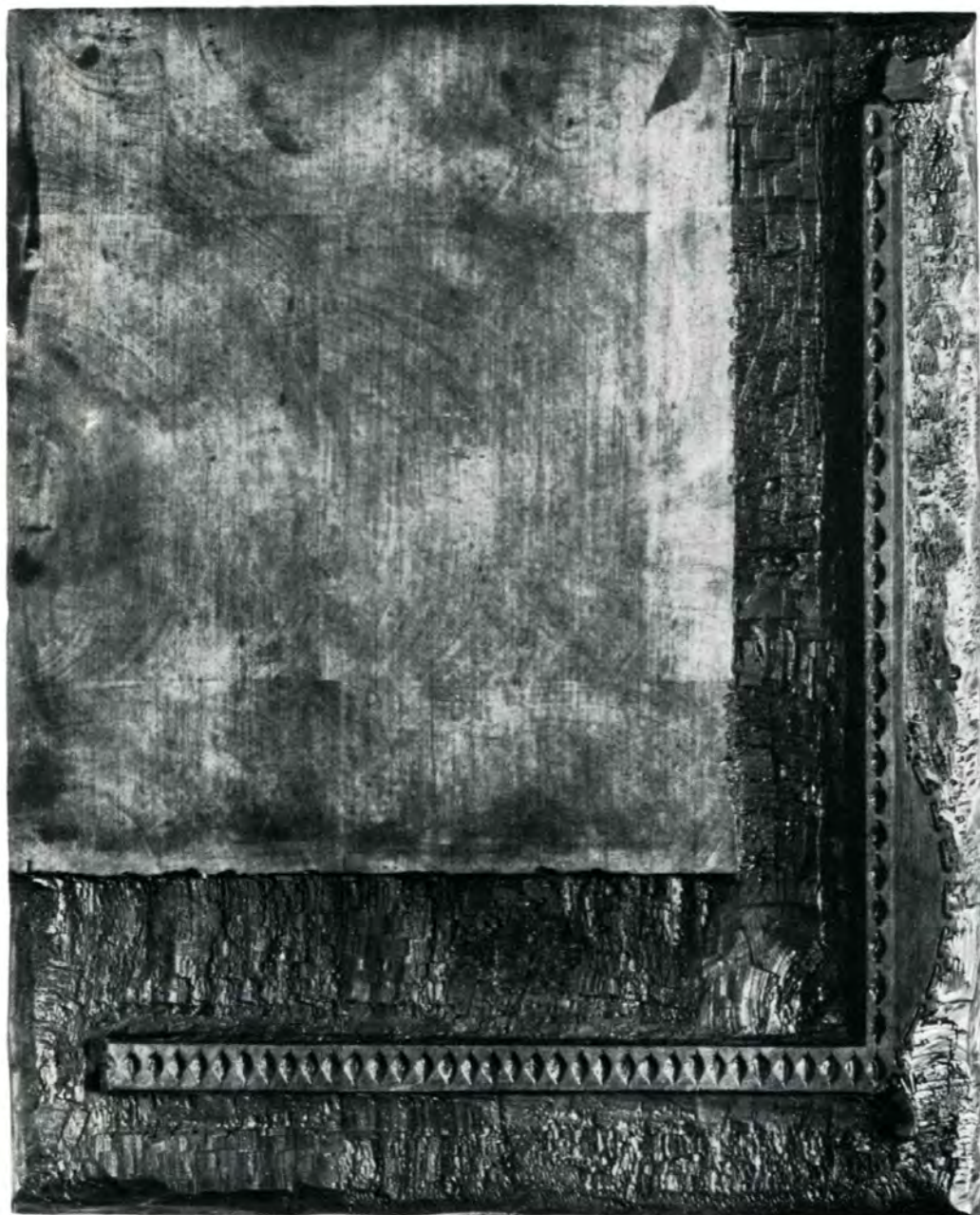
Автор „Слова“ среди князей и дружинников
241 Гравюра в две доски
для фронтисписа. Первая доска

На шмуцтителе:
Переплет книги „Слово о полку
Игореве“. 1952

Плачущие жены,
стяги, щиты и копья
242 Гравюра в две доски
для титульного листа.
Первая доска

243 Гравюра в две доски
для титульного листа.
Вторая доска

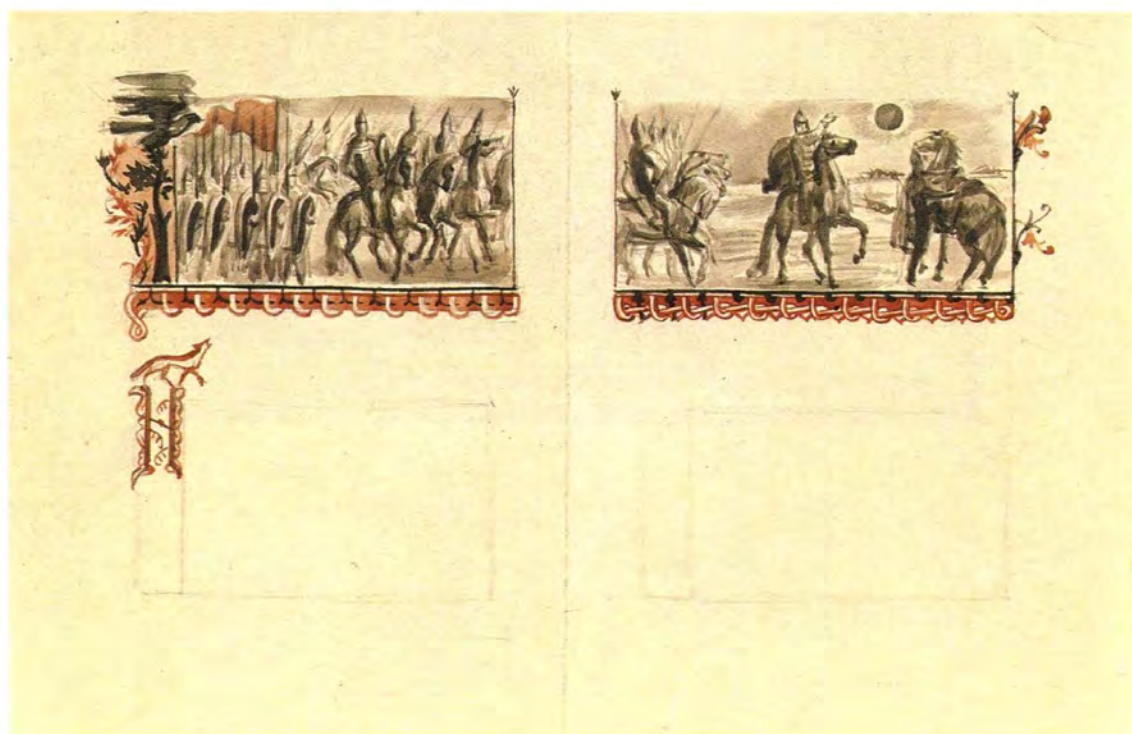
244 Гравюра в две доски
для титульного листа.
Вторая доска

Автор „Слова“ среди
князей и дружинников
Фронтиспис
245 Гравюра в две доски.
Оттиск
Плачущие жены,
стяги, щиты и копья
Титульный лист
246 Гравюра в две доски.
Оттиск

→

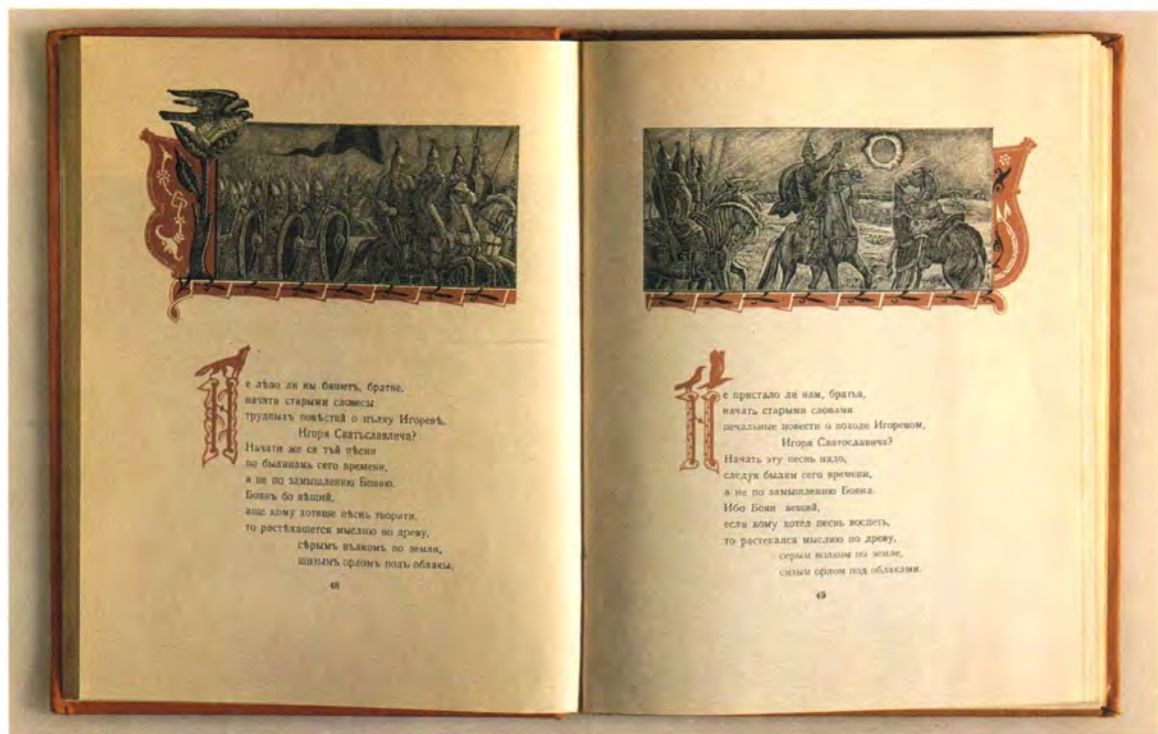

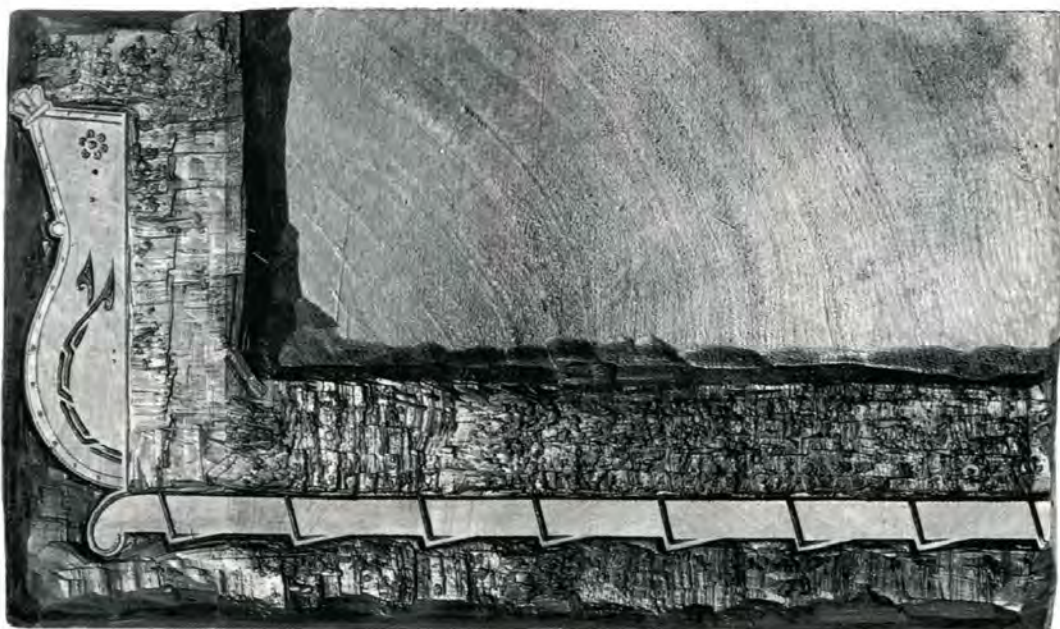

Верхний ряд:
 Автор „Слова“ среди
 князей и дружинников
 Плачущие жены, стяги,
 щиты и копья
 247 Титульный разворот

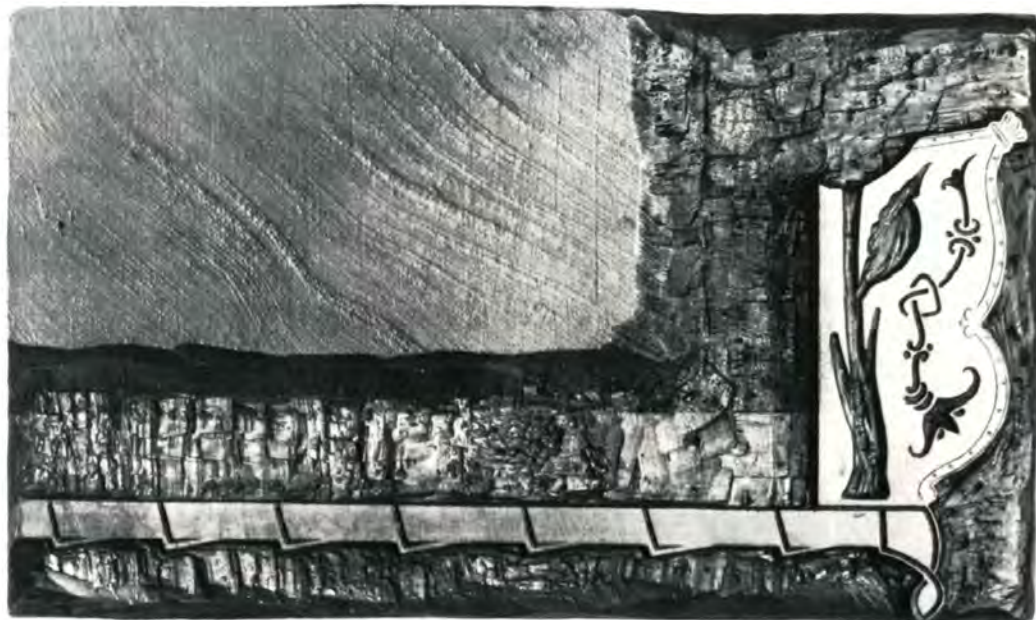
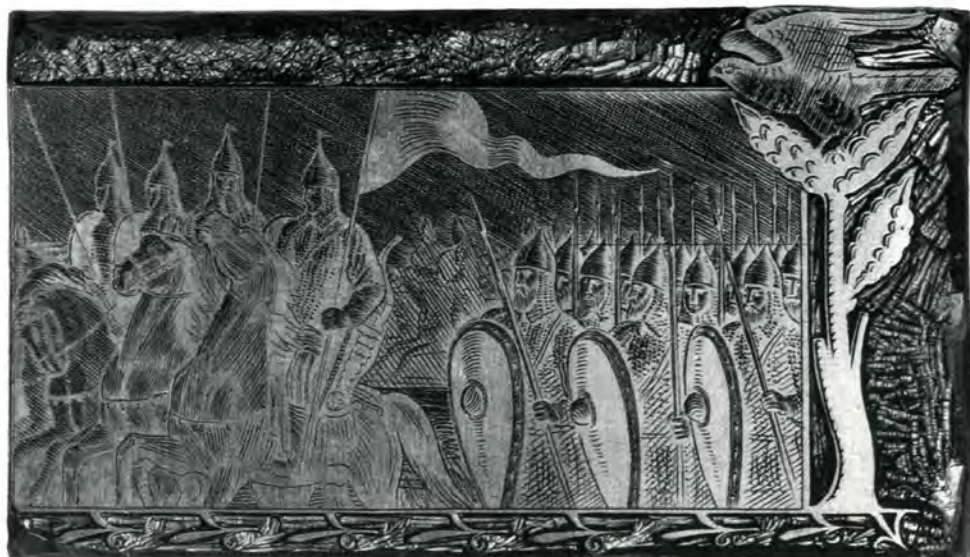
Выступление Игоря
 в поход
 Затмение
 Инициалы Н, Н
 248 Разворот книги с иллю-
 страциями, инициалами и текстом
 „Слова“. Страницы 48—49

Нижний ряд:
 Выступление Игоря
 в поход
 Затмение
 Инициал Н
 249 Эскиз разворота
 Инициалы Н, Н
 250—253 Доски и оттиски

Верхний ряд:
Затмение
Выступление Игоря
в поход
254 — 255 Гравюры в две доски.
Первые доски

Нижний ряд:

Затмение

Выступление Игоря

в поход

256—257 Гравюры в две доски.

Вторые доски

Выступление Игоря

в поход

Затмение

Разворотная иллюстрация

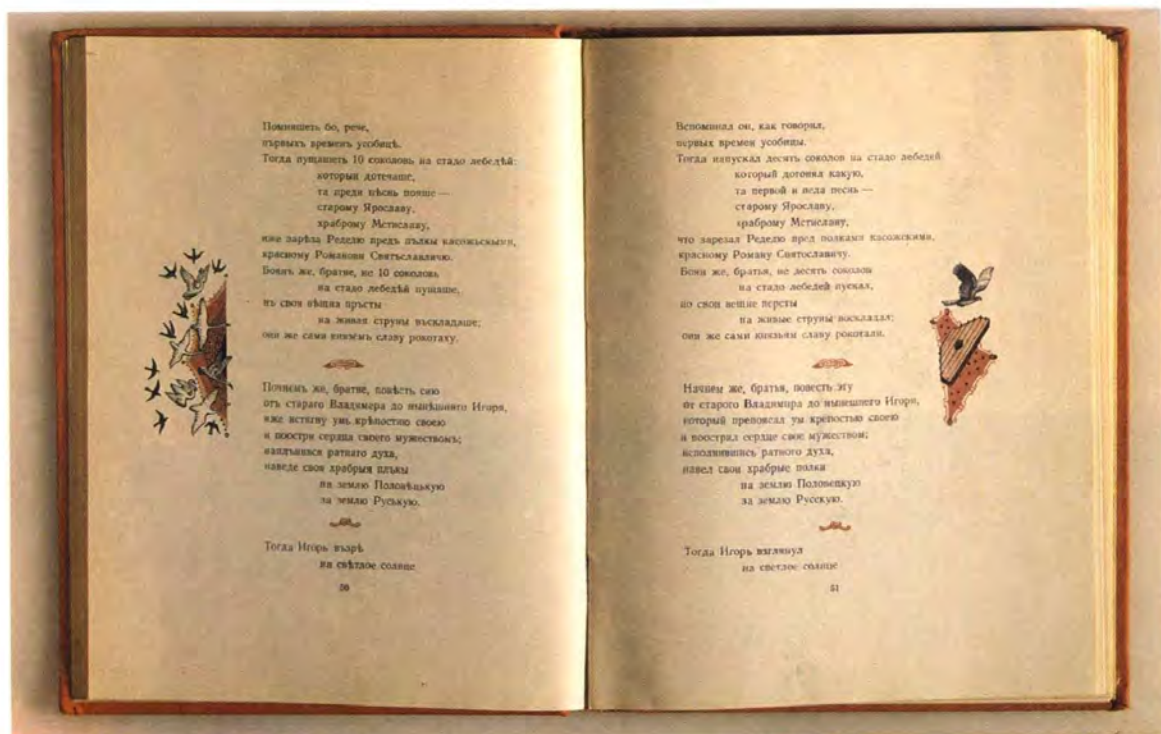
258—259 Гравюры в две доски.

Оттиски

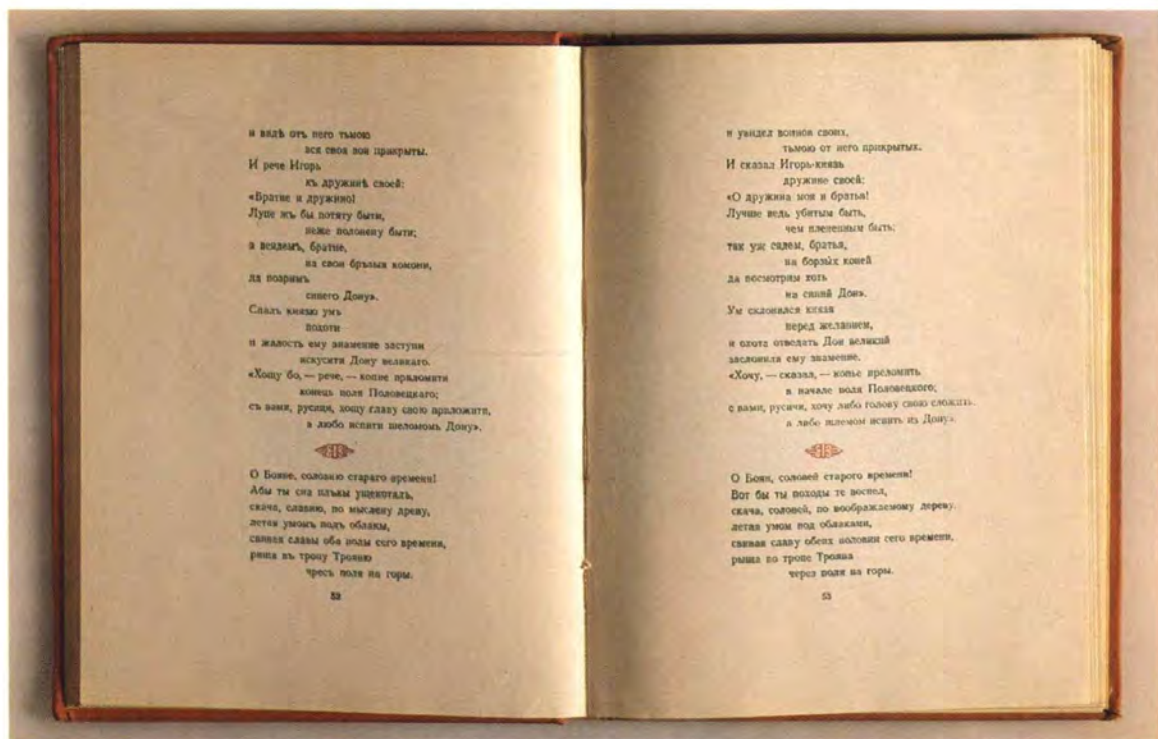

Верхний ряд:
Соколы и лебеди
Орел и гусли

- 260 Разворот книги с гравюрами на полях, концовками и текстом „Слова“.
Страницы 50—51
261 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“.
Страницы 52—53

Нижний ряд:

Соколы и лебеди

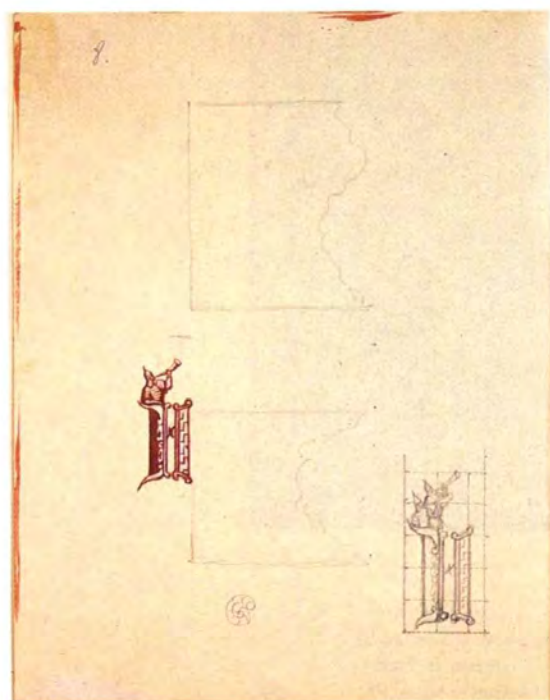
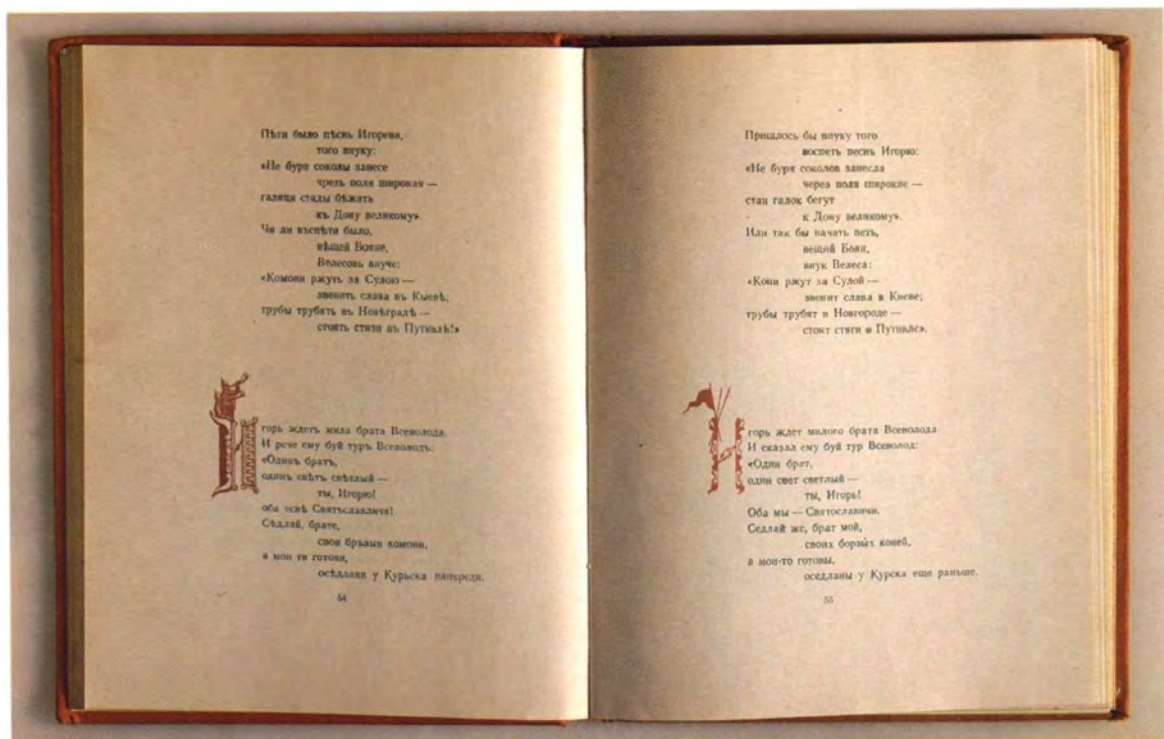
Гравюра в две доски на полях

262—264 Доски и оттиск

Орел и гусли

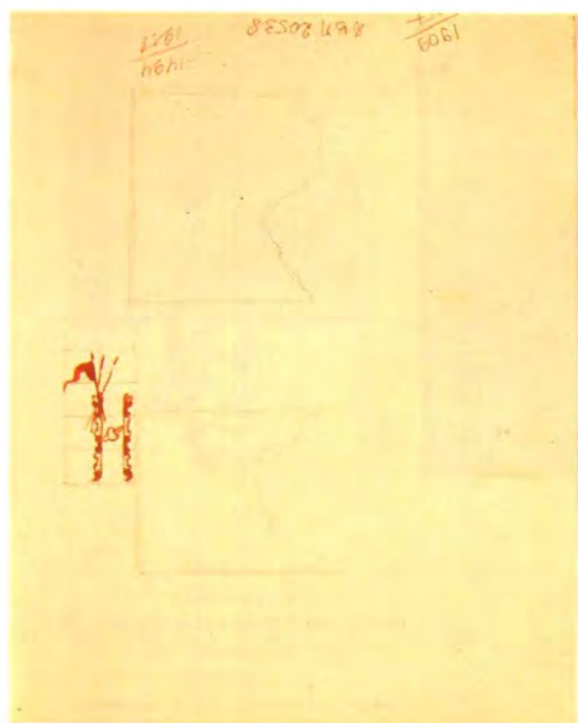
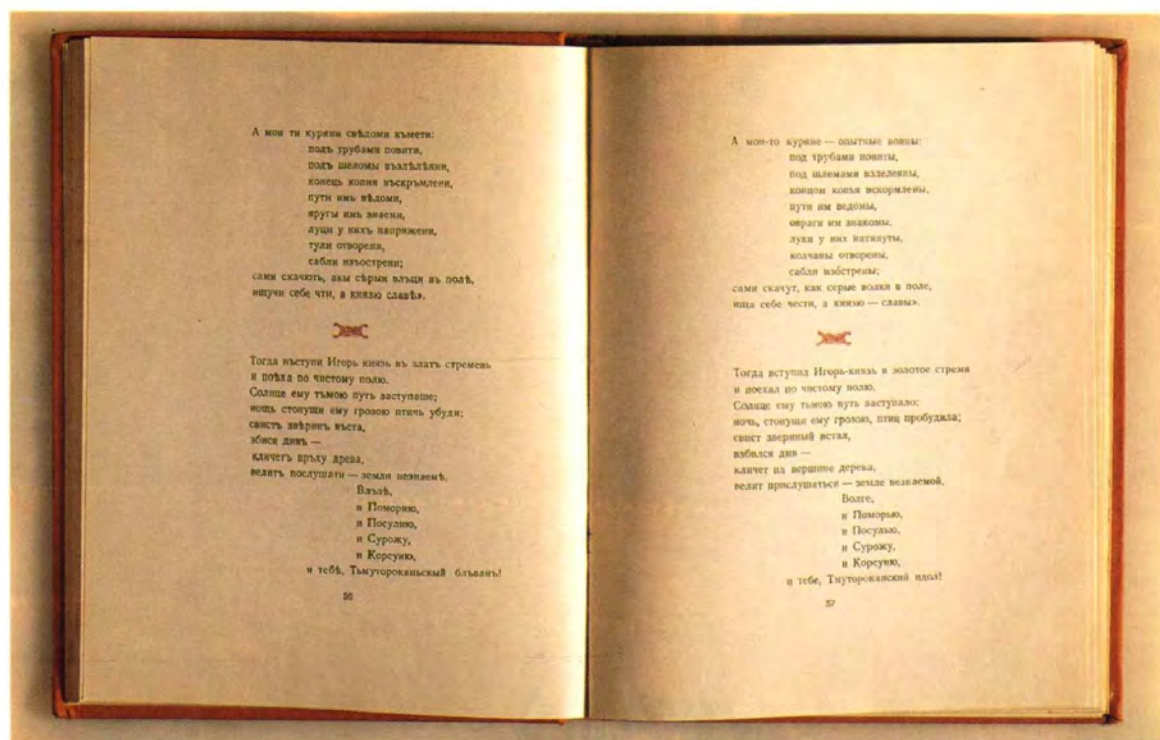
Гравюра в две доски на полях

265—267 Доски и оттиск

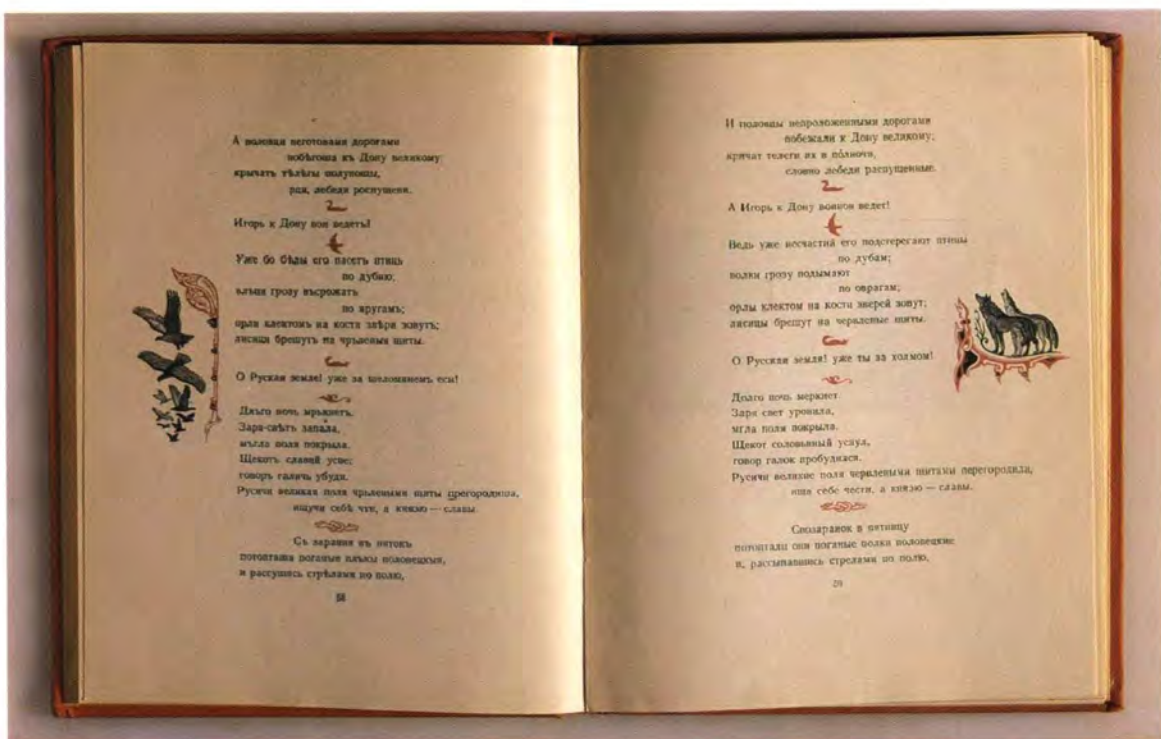

Верхний ряд:

- 268 Разворот книги с инициалами и текстом „Слова“.
Страницы 54—55
- 269 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“
Страницы 56—57

Нижний ряд:

- 270 Эскиз разворота с инициалами (левая полоса)
Инициал И
271—272 Доска и оттиск
273 Эскиз разворота с инициалом (правая полоса)
Инициал И
274—275 Доска и оттиск

Верхний ряд:

Орлы и вороны
Волки

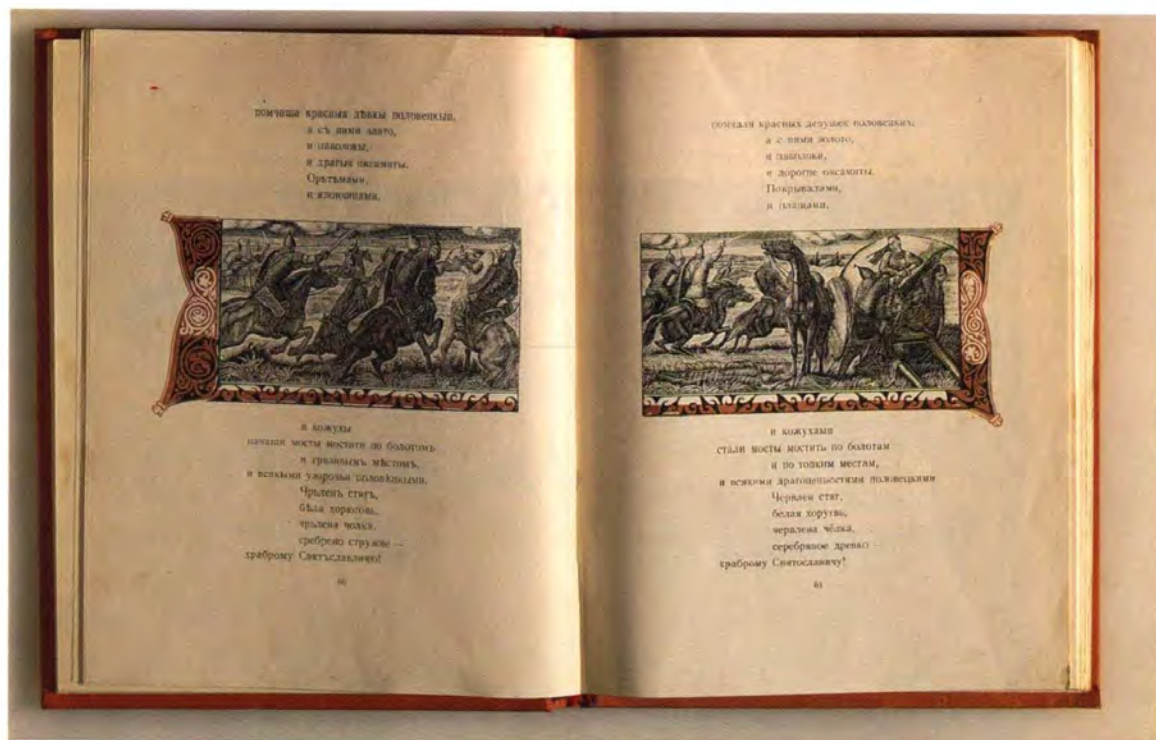
276 Разворот книги с гравюрами на полях, концовками и текстом „Слова“.

Страницы 58—59

Первое сражение
с половцами

277 Разворот книги с иллюстрациями и текстом „Слова“.

Страницы 60—61

Нижний ряд:

Орлы и вороны

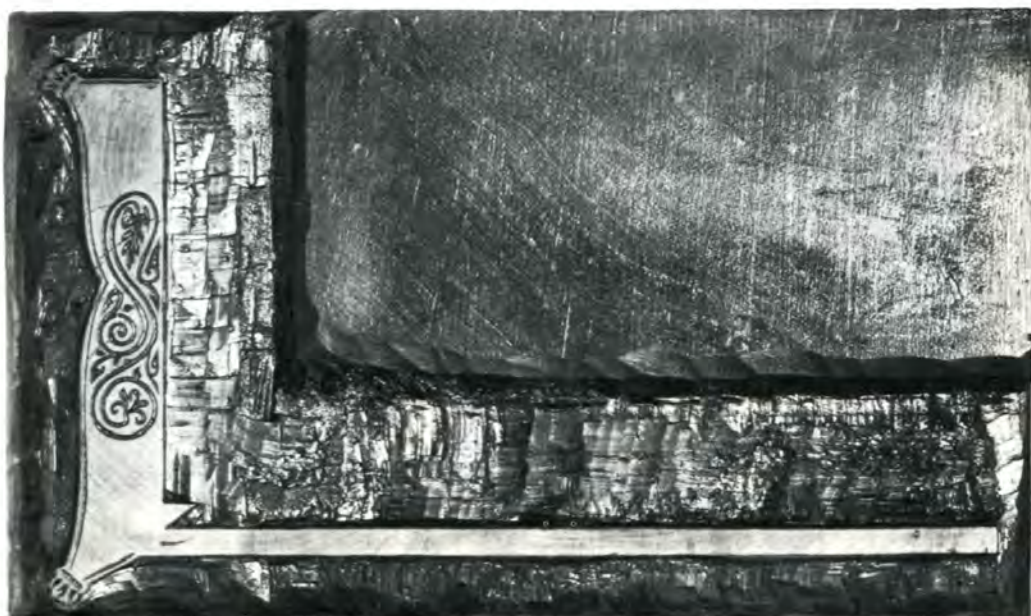
Гравюра в две доски на полях

278—280 Доски и оттиск

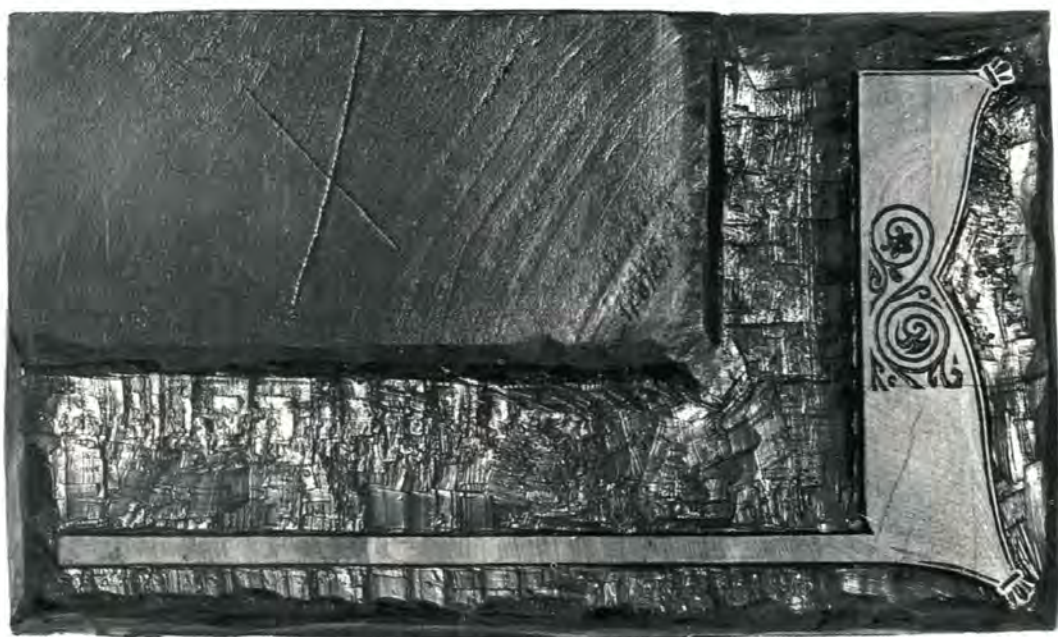
Волки

Гравюра в две доски на полях

281—283 Доски и оттиск

Верхний ряд:
Первое сражение
с половцами
284—285 Гравюры в две доски.
Первые доски

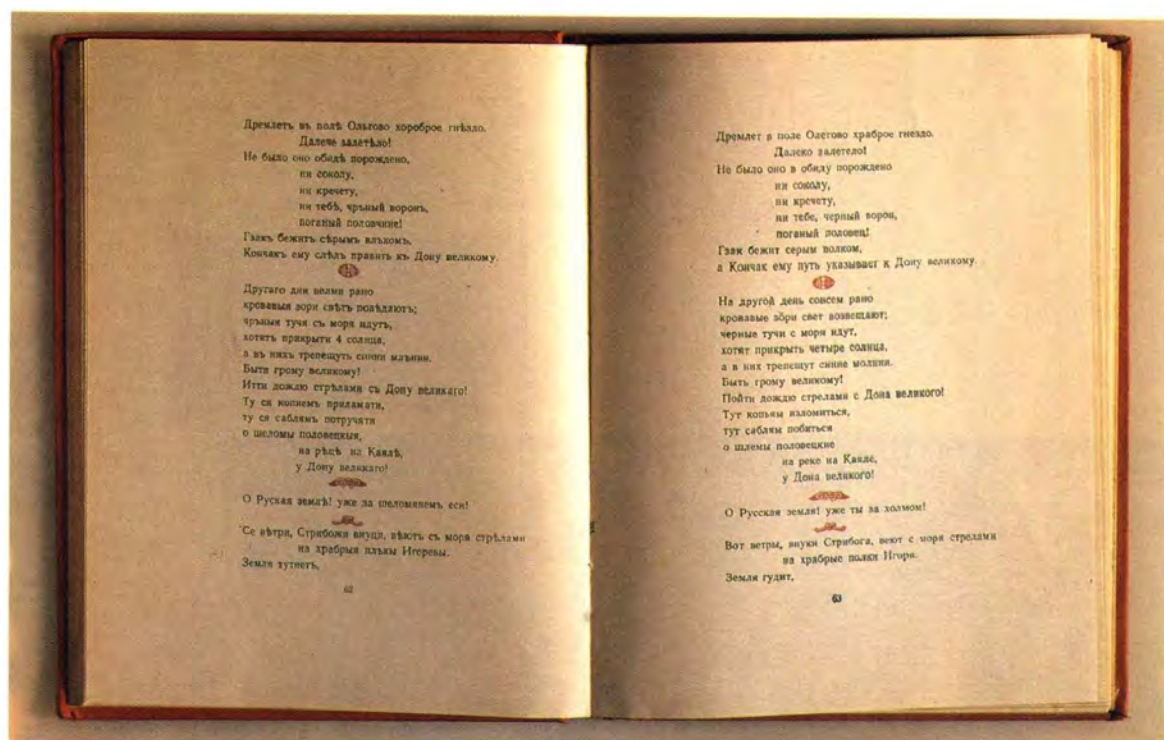
Нижний ряд:
Первое сражение
с половцами
286—287 Гравюры в две доски.
Вторые доски

Первое сражение
с половцами
Разворотная иллюстрация
288—289 Гравюры в две доски.
Оттиски

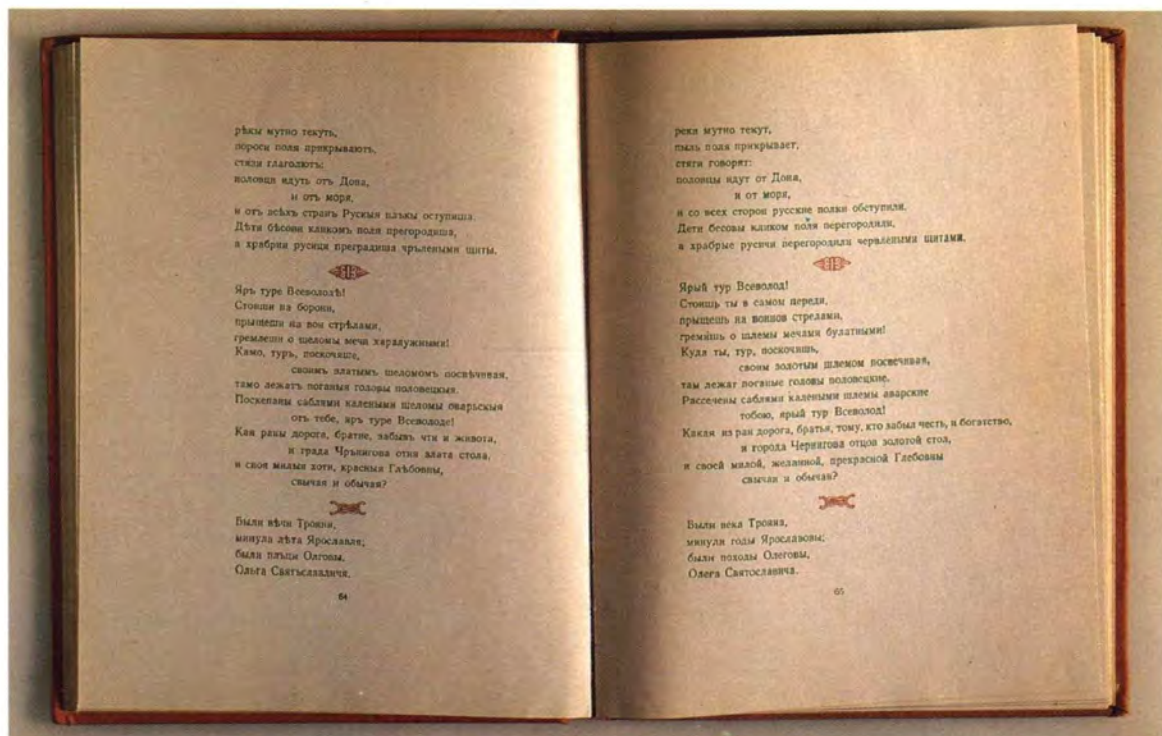

Верхний ряд:
290—291 Развороты книги
с концовками и текстом „Слова“.
Страницы 62—63, 64—65

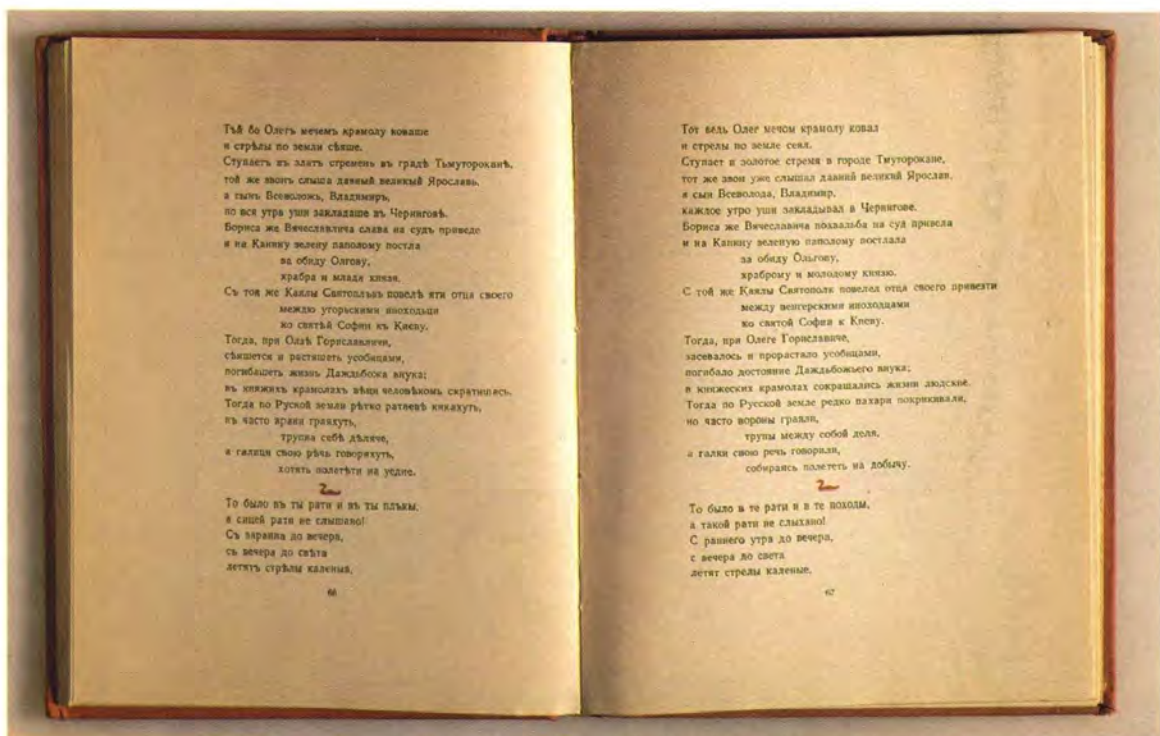
Нижний ряд:

Орнаментальные
концовки

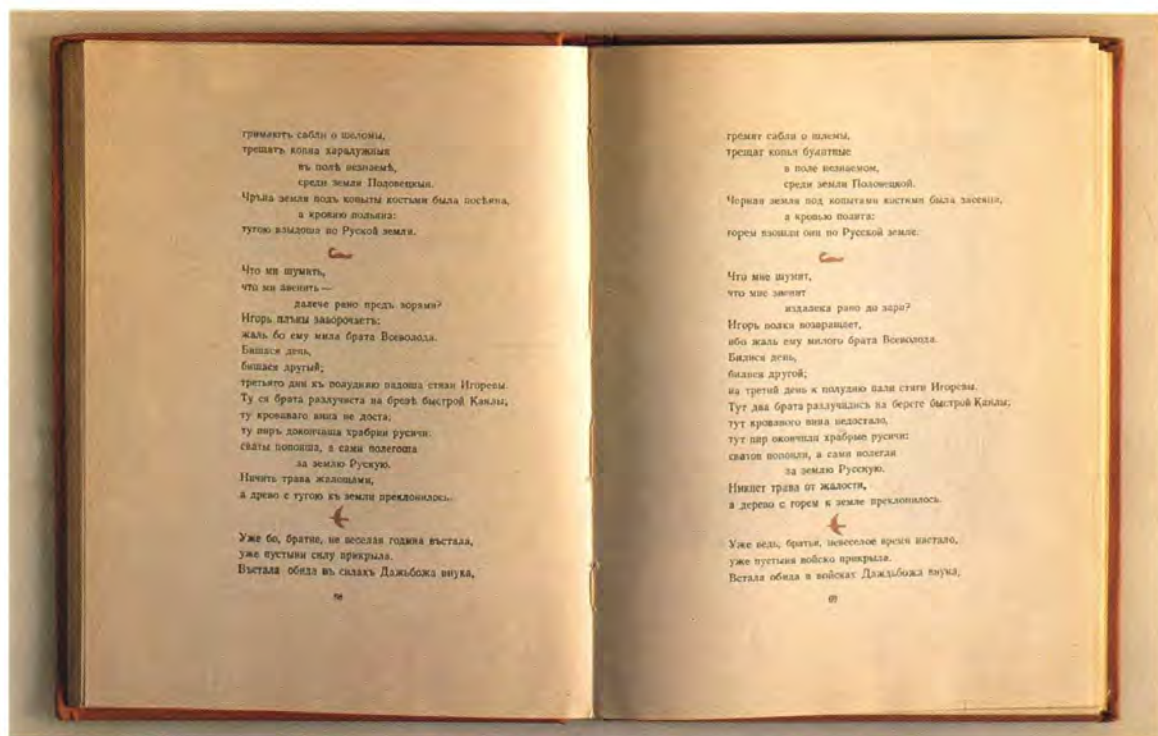
292—293 Доска и оттиск
Первое сражение
с половцами.

Разворотная иллюстрация
(правая часть)

294 Эскиз к варианту
гравюры

Верхний ряд:

295—296 Развороты книги
с концовками и текстом „Слова“.
Страницы 66—67, 68—69

Нижний ряд:
Первое сражение
с половцами

Разворотная иллюстрация
(правая часть)
297—298 Вариант гравюры.
Доска и оттиск

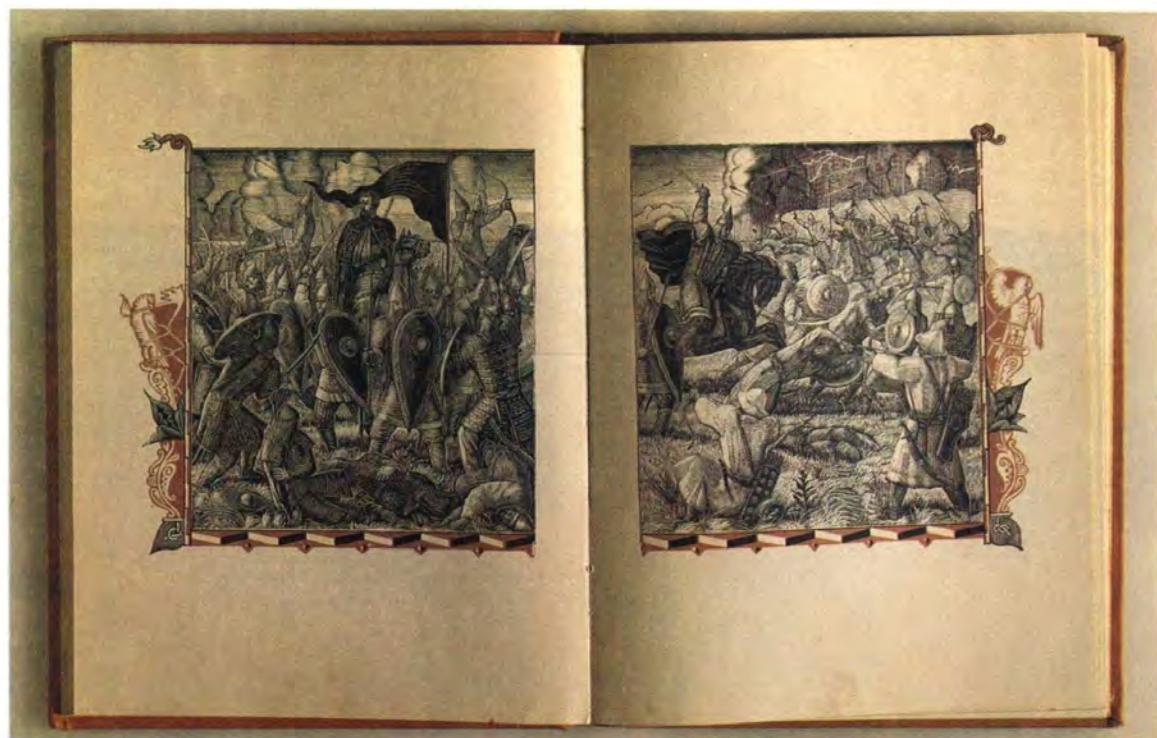
Верхний ряд:
Битва с половцами
Раненый Игорь среди
воинов
Буй Тур Всеволод на
поле битвы

299 Разворот книги с иллю-
страциями. Страницы 70—71

Нижний ряд:
Инициалы Н, Н, И, И,
А, А, С

300—313 Доски и оттиски

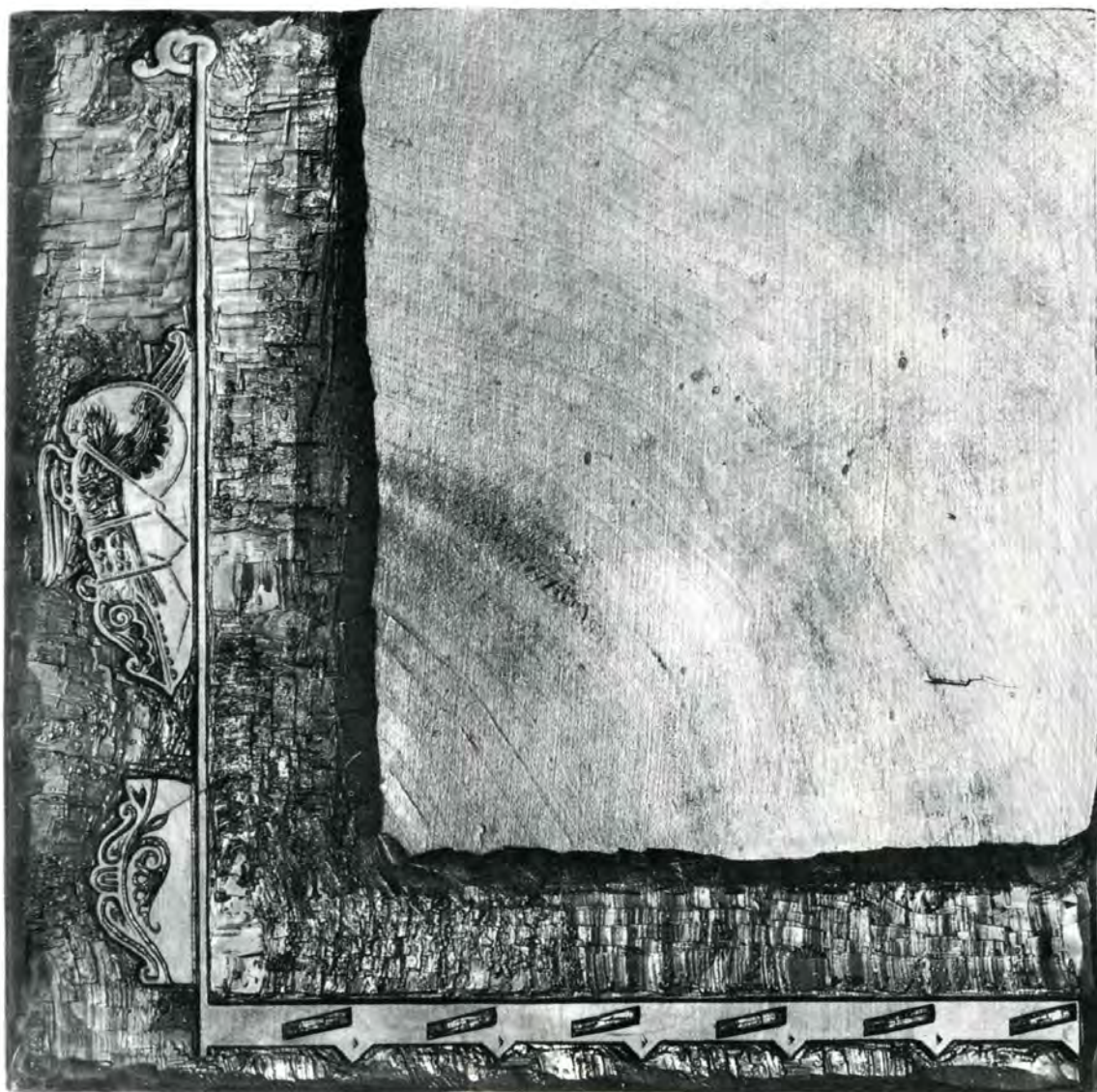
Битва с половцами
Буй Тур Всеволод
на поле битвы

314 Гравюра в две доски для
разворотной иллюстрации (правая
часть). Первая доска

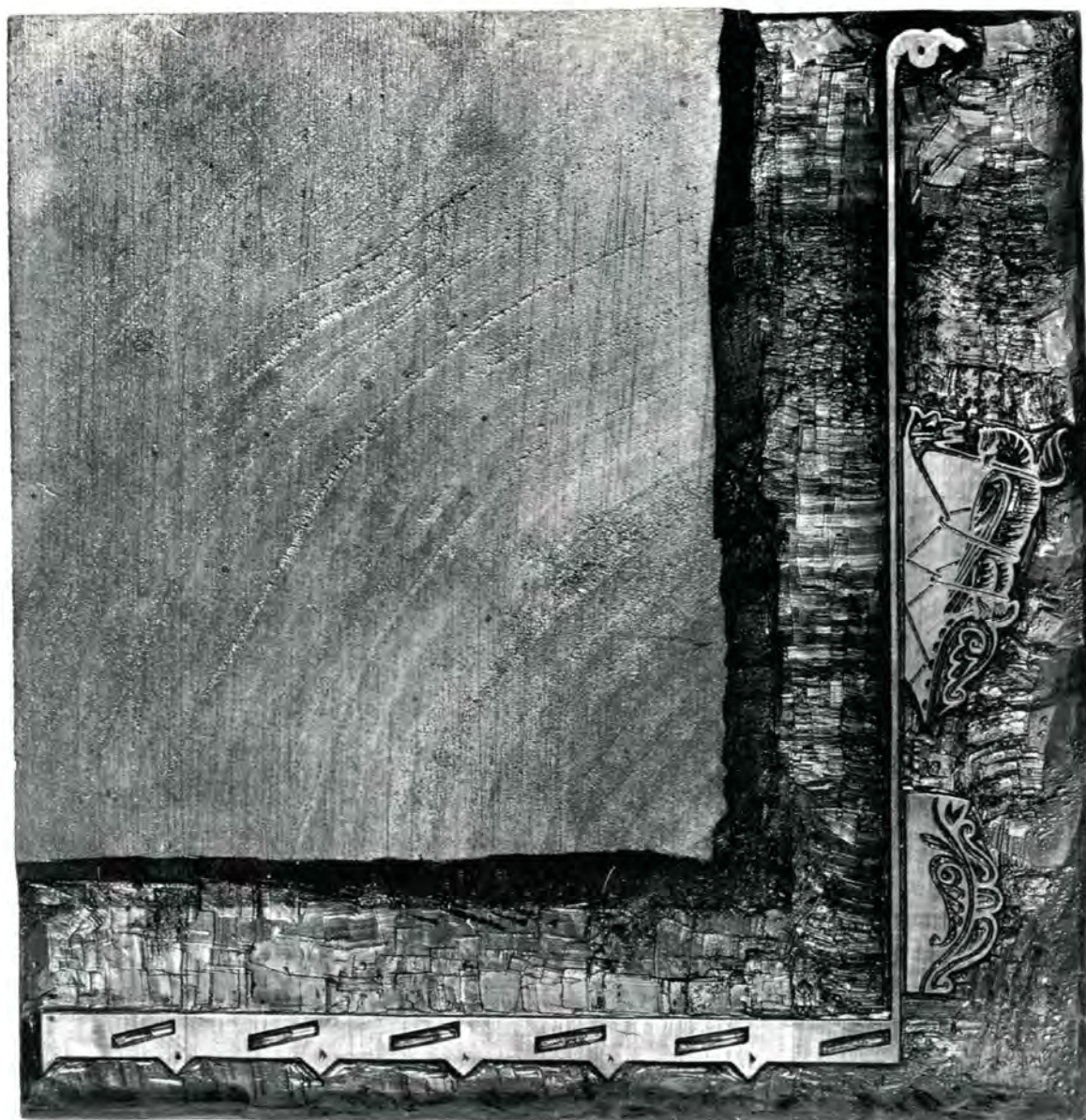

Битва с половцами
Раненый Игорь среди
воинов

315 Гравюра в две доски для
разворотной иллюстрации (левая
часть). Первая доска

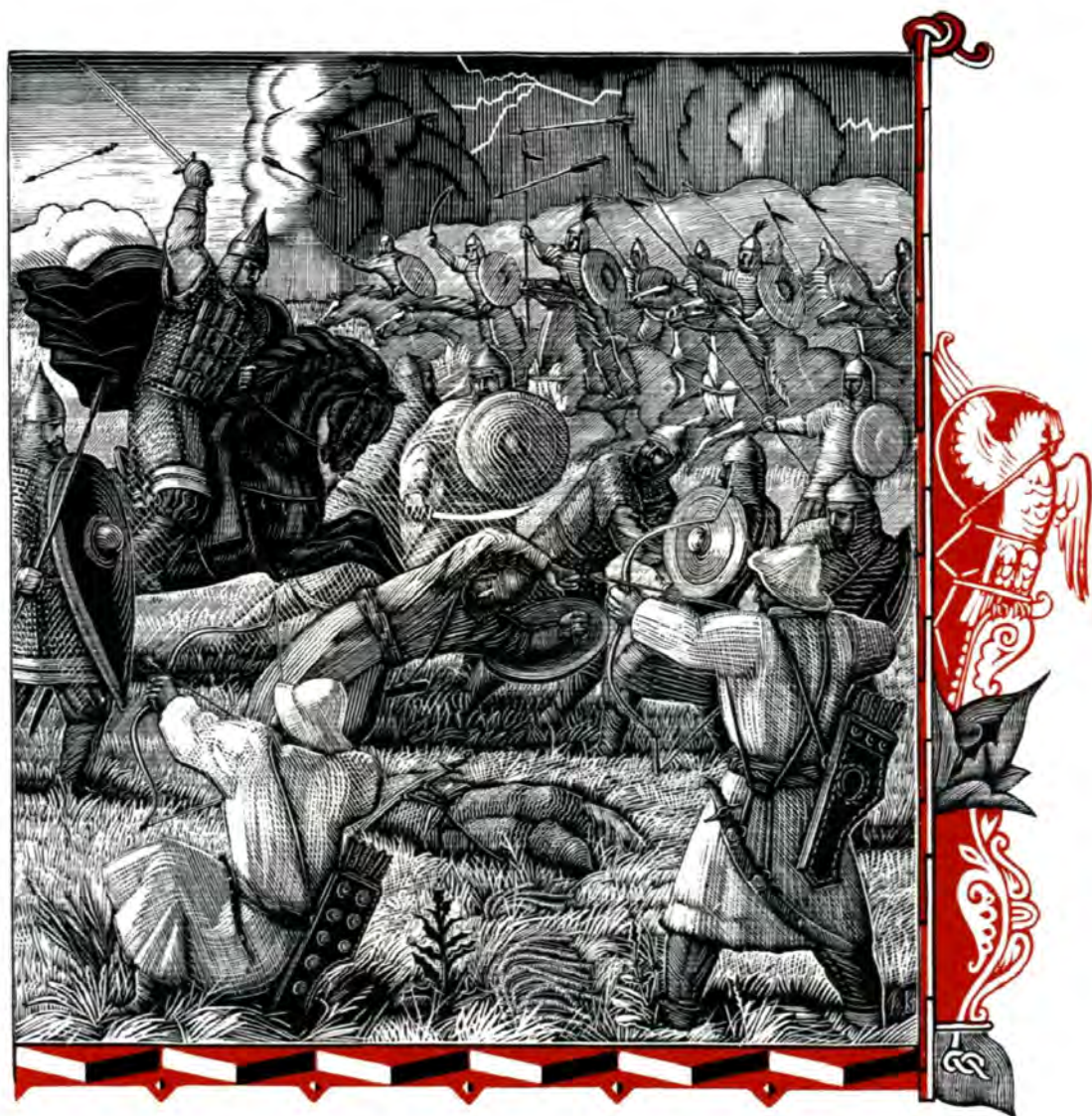
Битва с половцами
316—317 Гравюры в две доски
для разворотной иллюстрации.
Вторые доски

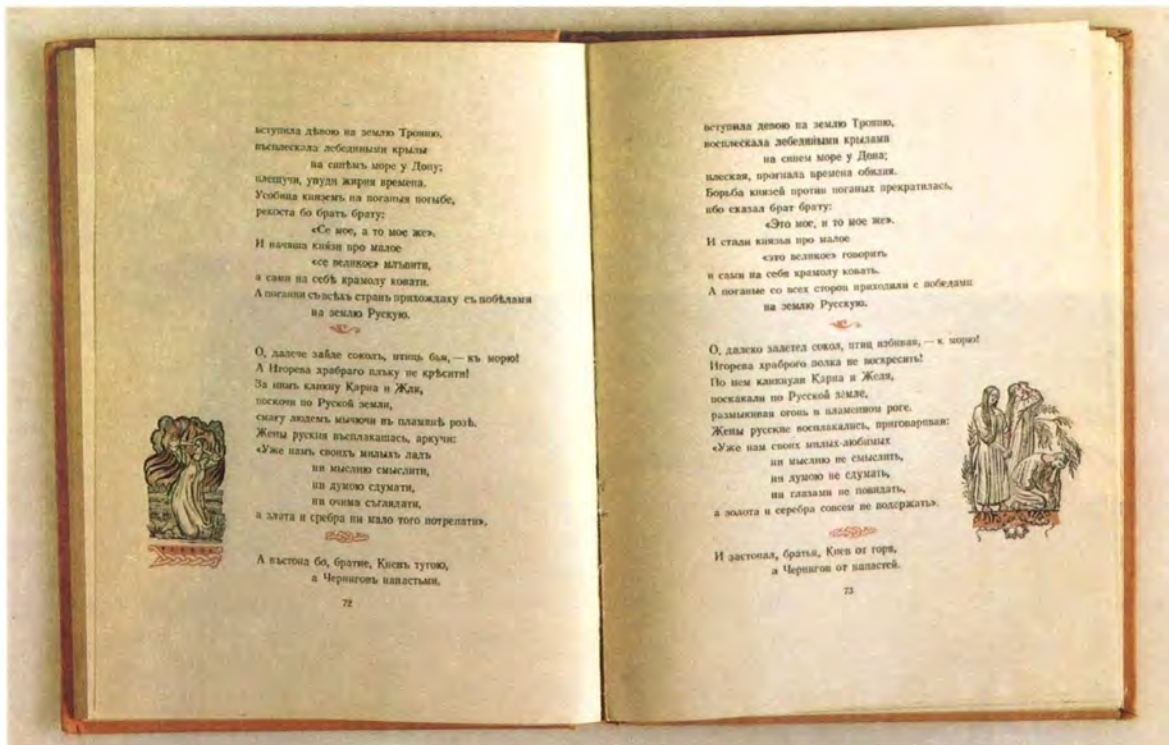

Битва с половцами
Раненый Игорь среди
воинов
Буй Тур Всеволод
на поле битвы
Разворотная иллюстрация
318—319 Гравюры в две доски.
Оттиски

Верхний ряд: 320 Разворот книги с гра-
 Дева вюрами на полях, концовками
 Плачущие жены и текстом „Слова“.
 Страницы 72—73
 321 Разворот книги с кон-
 цовками и текстом „Слова“.
 Страницы 74—75

Тоска разлилась по Русской земле;
печаль жорна тече средь земли Руской.
А князи сами на себе криволю ковали,
в поганих сама,
побылами нарицаше на Рускую землю,
вилаху дань по быльи отъ двора.

Тли бо два храбрая Святославича, —
Игорь и Всеволод —
уже лжу убудиста которою,
ту биеше ушнелъ отецъ ихъ —
Святиславъ грозный великий князеский —
грозою:
бичесть притрещалъ своими сильными плъчми
и харалужными мечи,
наступилъ на землю Половецкую,
претопталъ злыи и круги,
вмутья ркъ и озери,
исушилъ потоки и болота.
А поганого Кобыка изъ луку моря,
отъ желъзныхъ великихъ плъчювъ половецкихъ,
яко вихрь, выторже:
и палосъ Кобыкъ въ градъ Киевъ,
въ грядищи Святислави.
Тутъ ильми и веселдичи,
тутъ гредя и морва
поють славу Святиславу,
квоятъ князи Игоря.

74

Тоска разлилась по Русской земле;
печаль обидная потекла посреди земли Русской.
А князи сами на себе криволю ковали,
и поганихъ,
с победими нарицешам на Русскую землю,
сами брали дань «по быльи отъ двора».

Ибо те два храбрая Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство яробудили раздором,
и его ушнелъ было отецъ ихъ —
Святиславъ грозный великий князеский —
грозою:
прибилъ своими сильными плъчми
и булатными мечами,
наступилъ на землю Половецкую,
претопталъ холмы и овраги,
вмутья рки и озера,
исушилъ потоки и болота.
А поганого Кобыка отъ лукоморя,
изъ желъзныхъ великихъ плъчювъ половецкихъ,
какъ вихрь, выторже:
и палъ Кобыкъ в городе Киевъ,
въ грядищи Святислави.
Тутъ-то немцы и веселдичи,
тутъ-то гредя и чехи
поють славу Святиславу,
узорюютъ князи Игоря.

75

Нижний ряд:

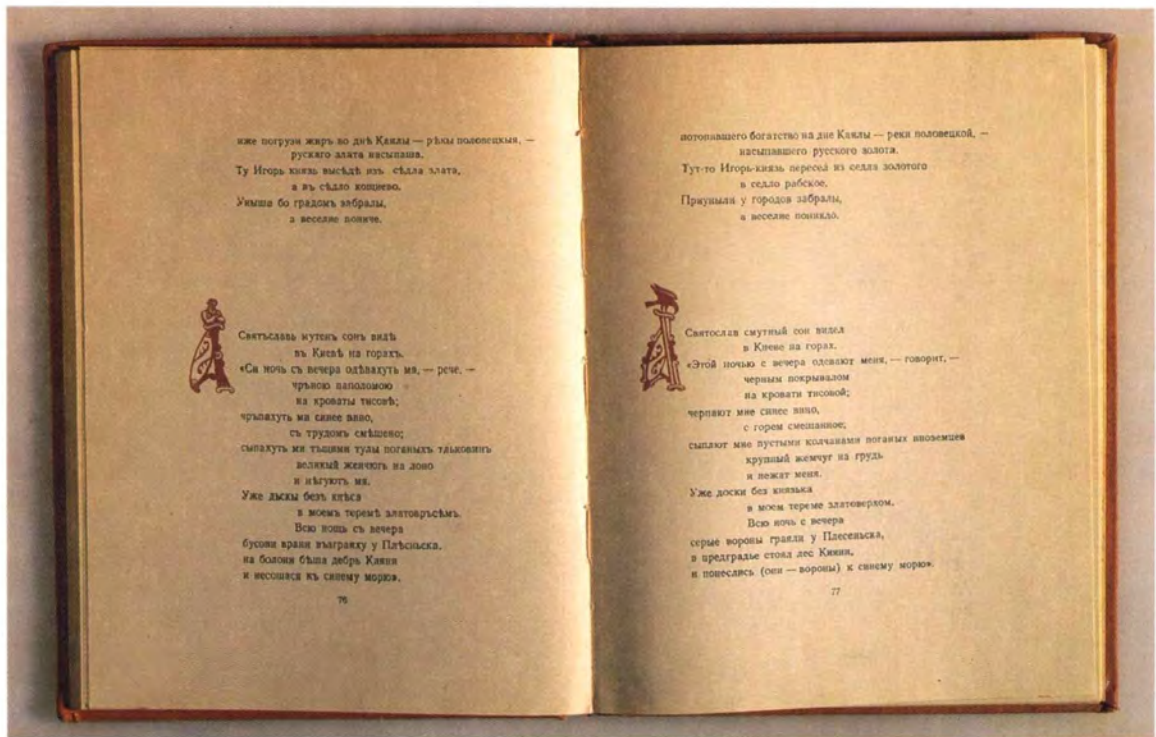
Дева

Гравюра в две доски на полях

322—324 Вариант гравюры.

Эскизы и доска

325—328 Эскиз, доски и оттиск

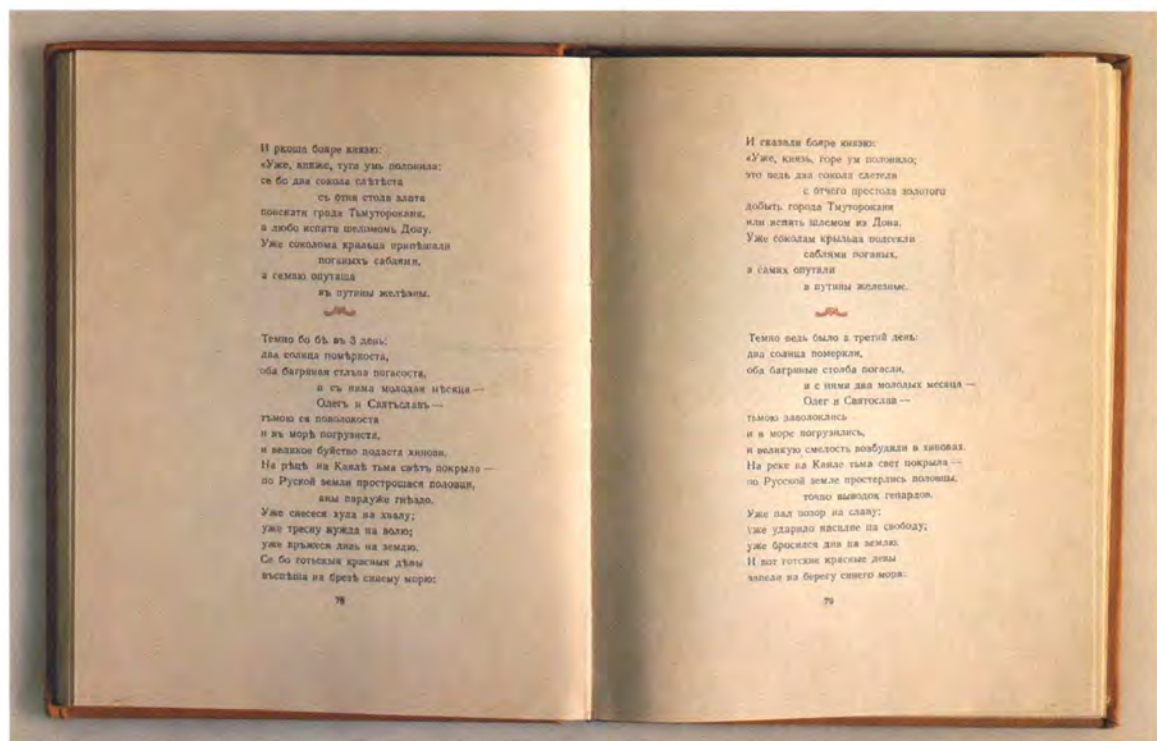
Верхний ряд:

329 Разворот книги с инициалами и текстом „Слова“.

Страницы 76—77

330 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“.

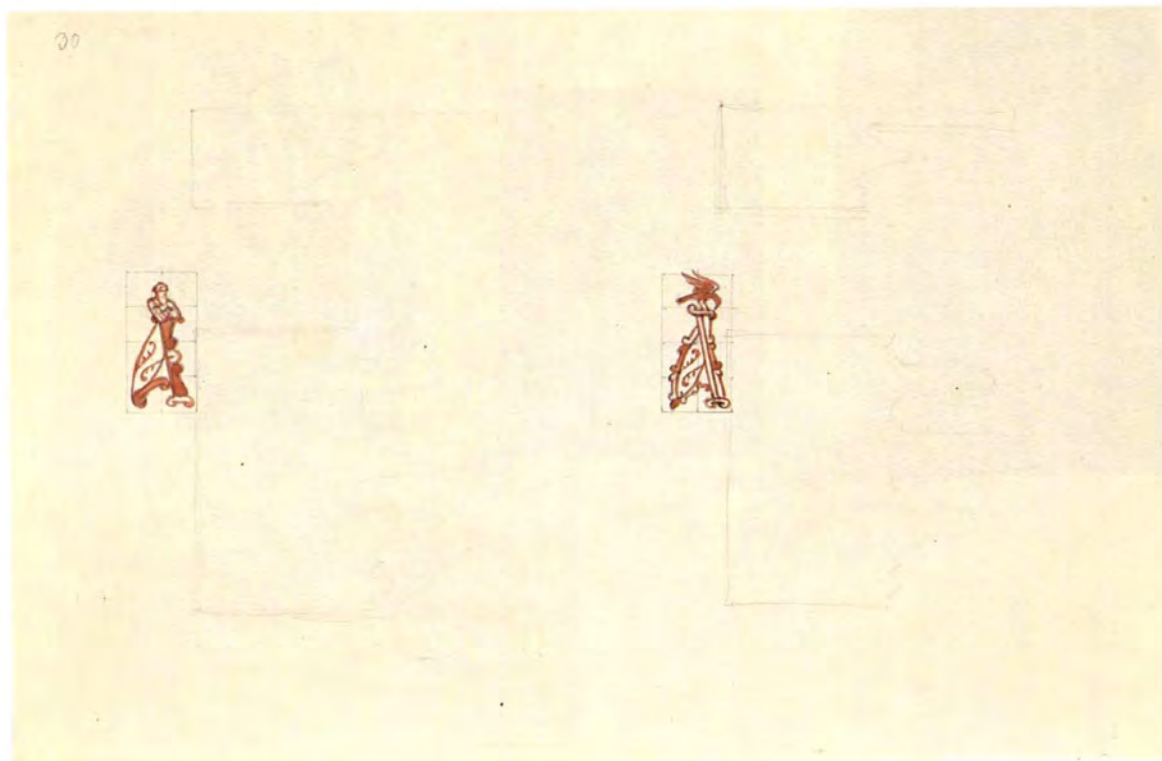
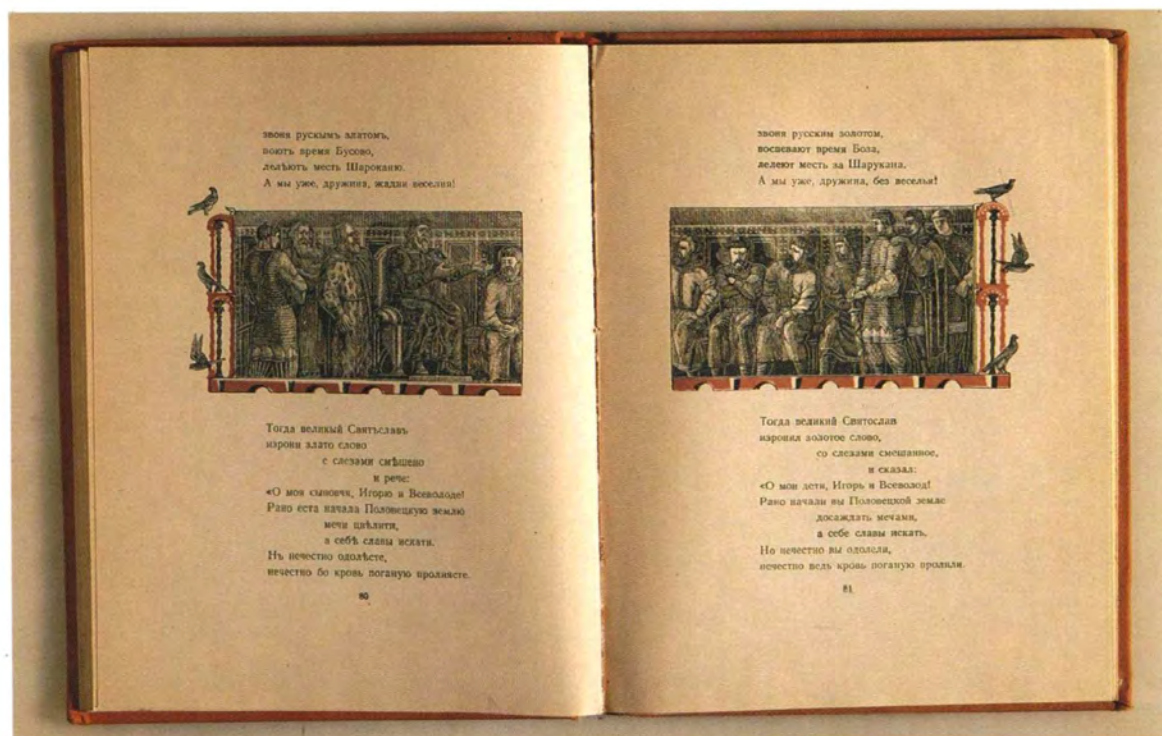
Страницы 78—79

Плачущие жены

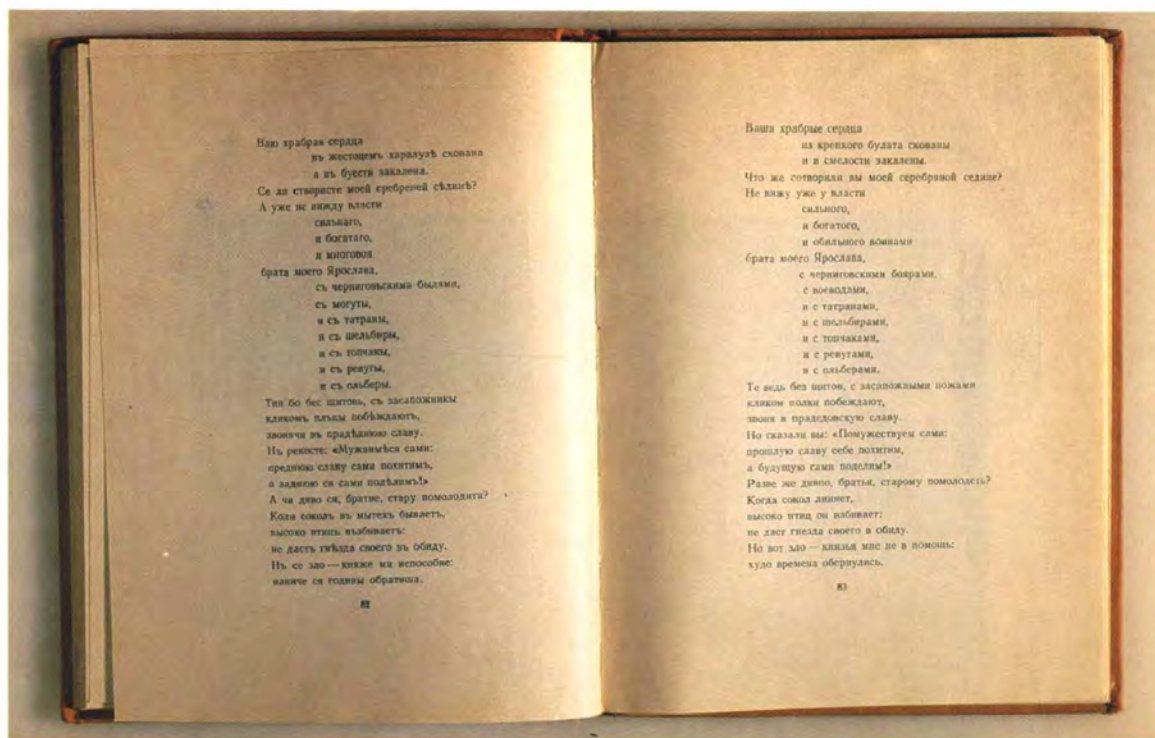
Гравюра в две доски на полях

331—335 Эскизы, доски и оттиск

Верхний ряд:
 „Златое слово“
 Святослава

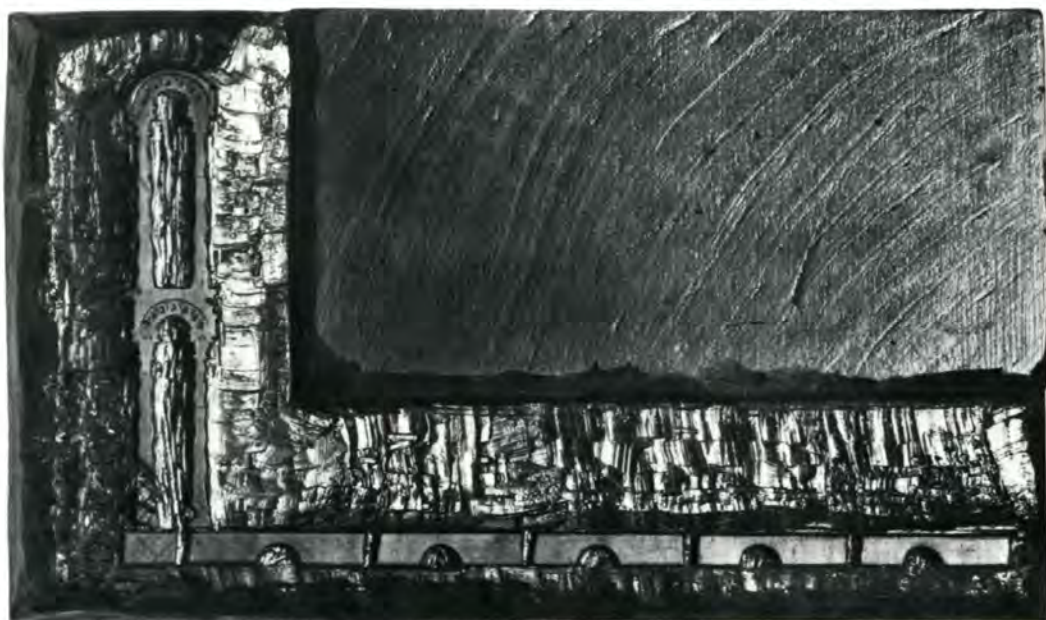
- 336 Разворот книги с иллюстрациями и текстом „Слова“.
 Страницы 80—81
 337 Разворот книги с текстом „Слова“.
 Страницы 82—83

Нижний ряд:

338 Эскиз разворота с инициалами

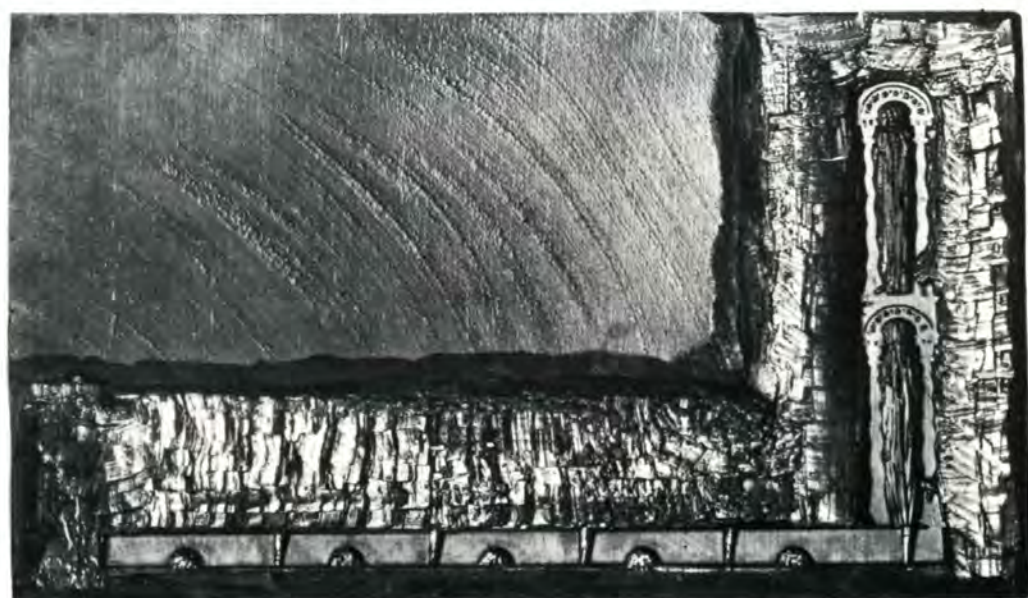
Инициалы А, А

339—342 Доски и оттиски

Верхний ряд:
„Златое слово“
Святослава

343 — 344 Гравюры в две доски
для разворотной иллюстрации.
Первые доски

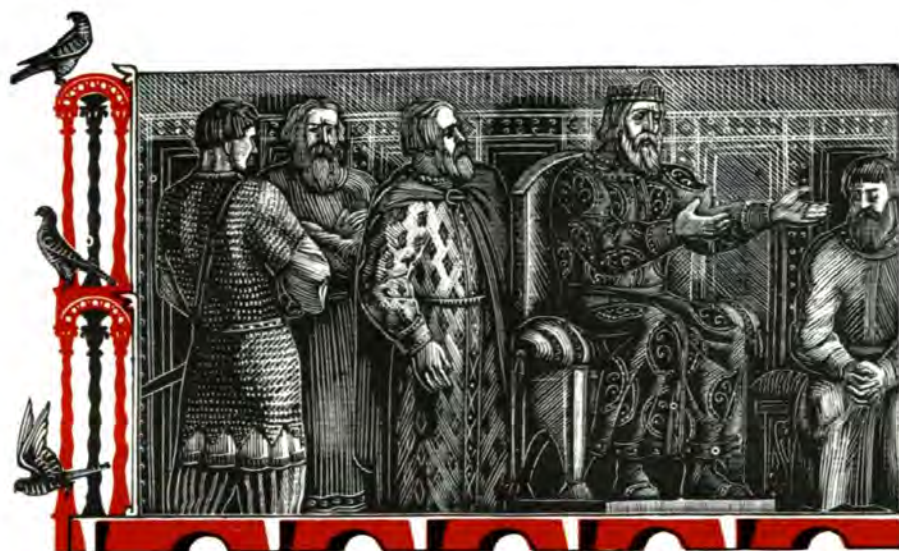
Нижний ряд:
„Златое слово“
Святослава

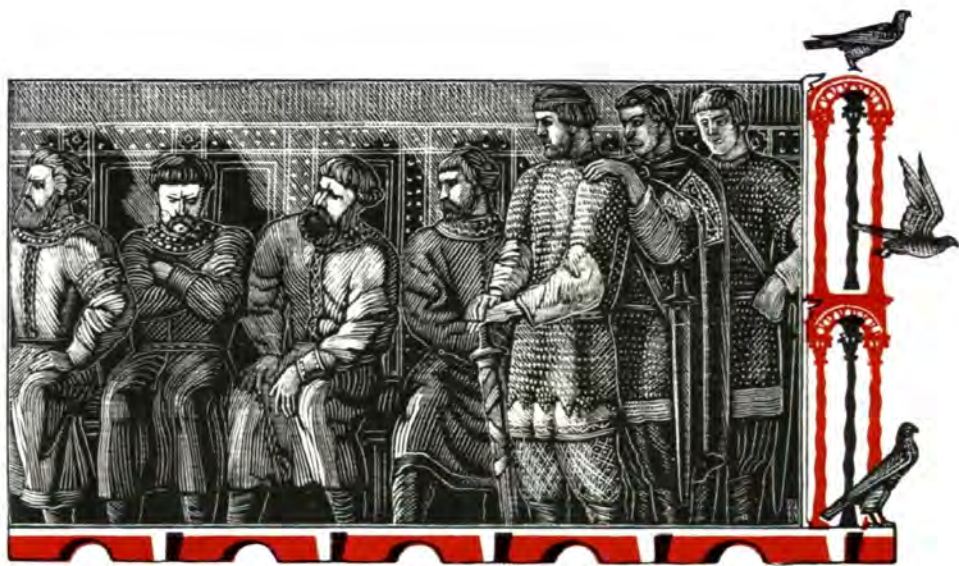
345—346 Гравюры в две доски
для разворотной иллюстрации.
Вторые доски

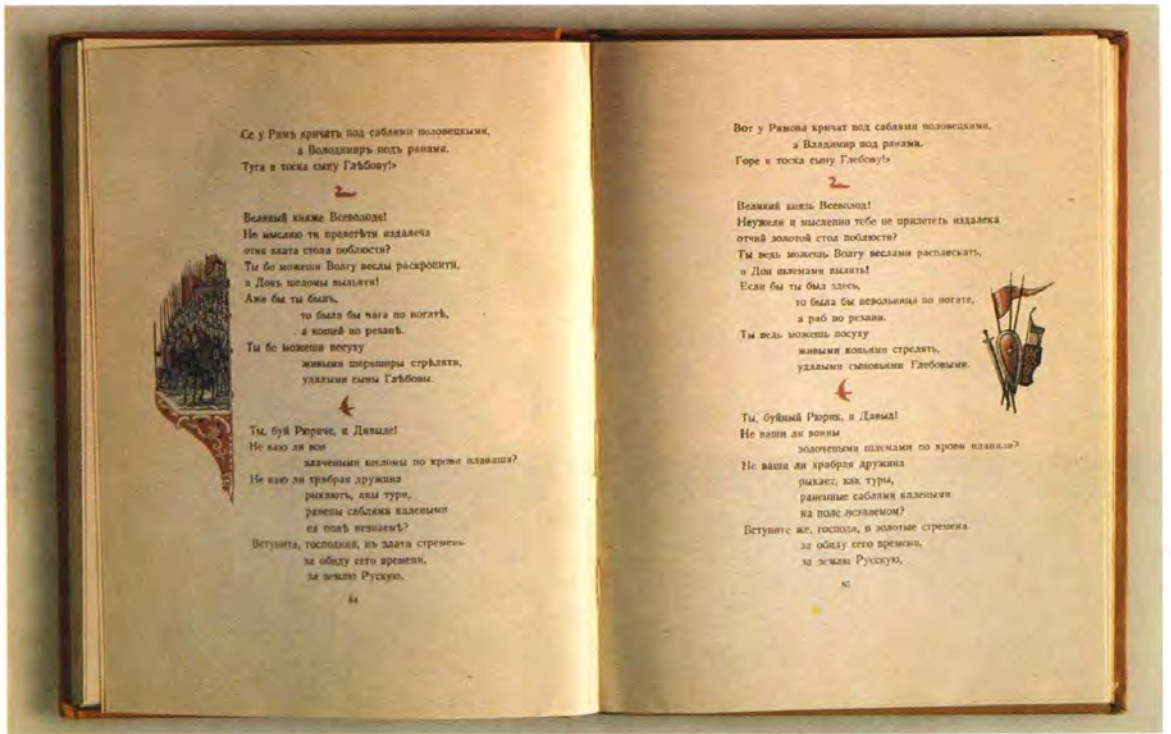
„Златое слово“
Святослава

Разворотная иллюстрация
347—348 Гравюры в две доски.
Оттиски

Верхний ряд:

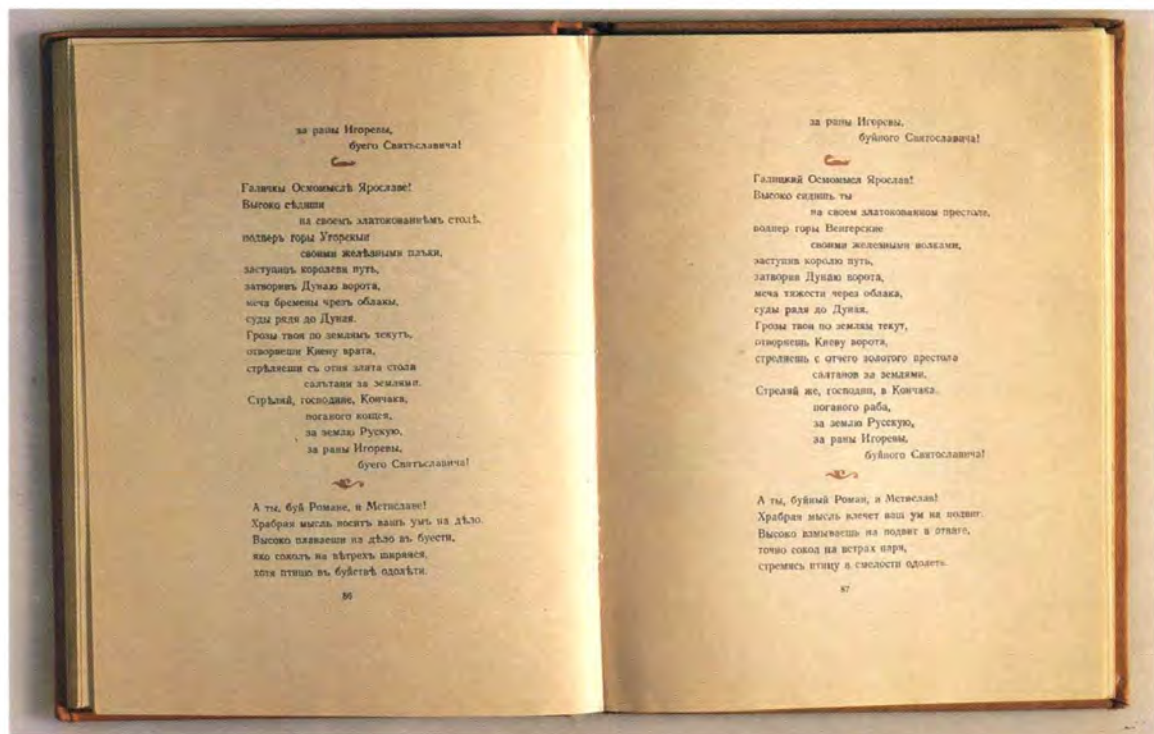
Дружина с копьями
и стягами
Меч, щит, стяг, копьё,
колчан с луком
и стрелами

349 Разворот книги
с гравюрами на полях, концев-
ками и текстом „Слова“.

Страницы 84 — 85

350 Разворот книги с кон-
цовками и текстом „Слова“.

Страницы 86 — 87

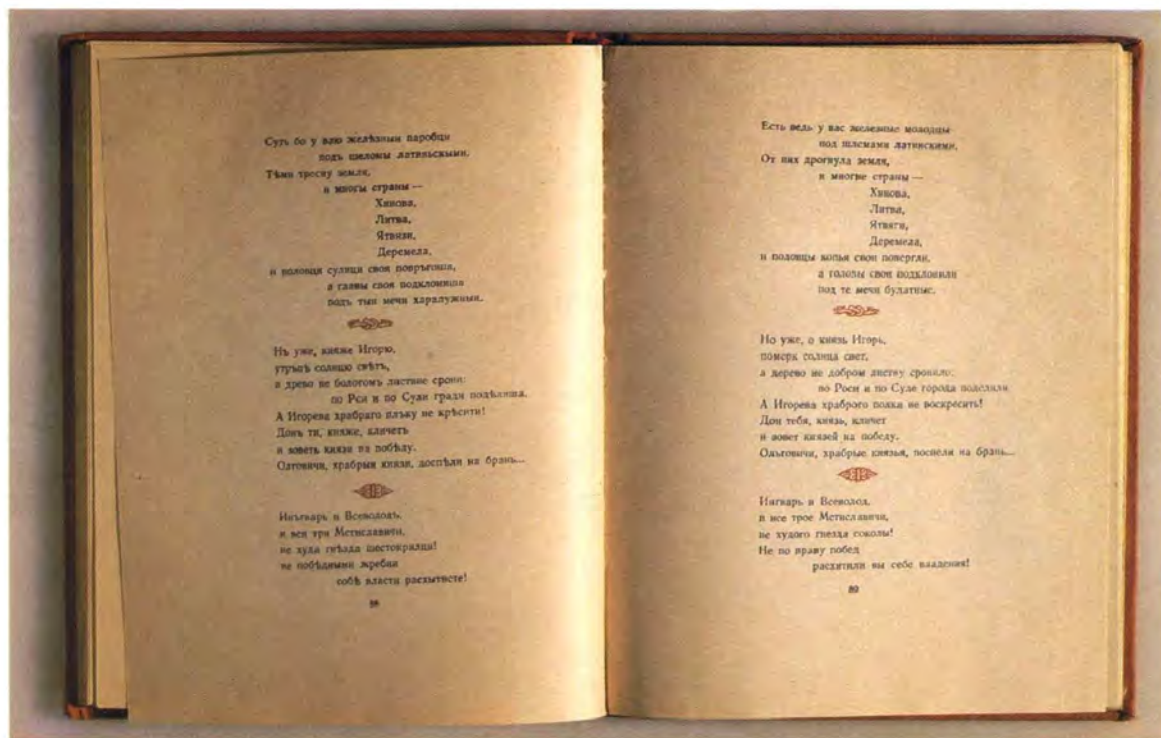
Нижний ряд:

Дружина с копьями
и стягами

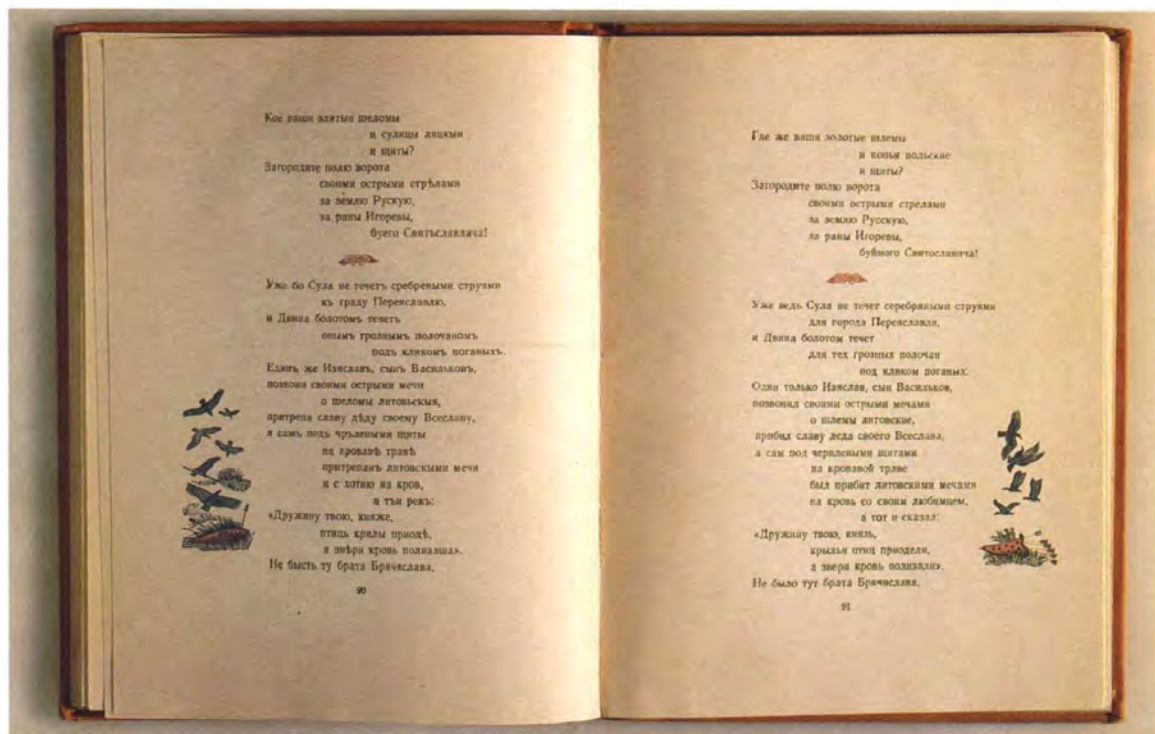
Гравюра в две доски на полях
351—353 Доски и оттиск

Меч, щит, стяг, копья,
колчан с луком
и стрелами.

Гравюра в две доски на полях
354—356 Доски и оттиск

- Верхний ряд:*
 357 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“.
 Страницы 88—89
 Гибель дружины
 Изяслава
 Вороны. Щит со
 стрелами в траве
 Вороны. Колчан
 со стрелами в траве
 358 Разворот книги с гра-
 вюрами на полях, концовками
 и текстом „Слова“.
 Страницы 90—91

Нижний ряд:

Гибель дружины

Изяслава

Вороны. Щит со

стрелами в траве

Гравюра в две доски на полях

359—361 Доски и оттиск

Гибель дружины

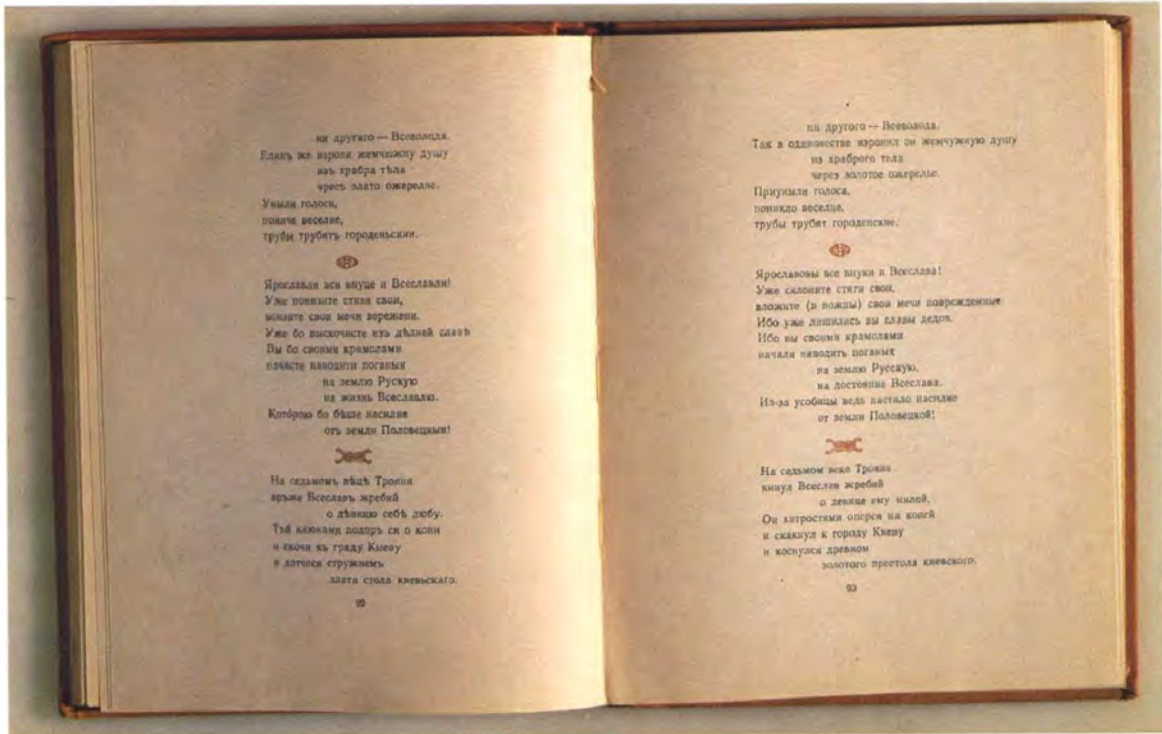
Изяслава

Вороны. Колчан

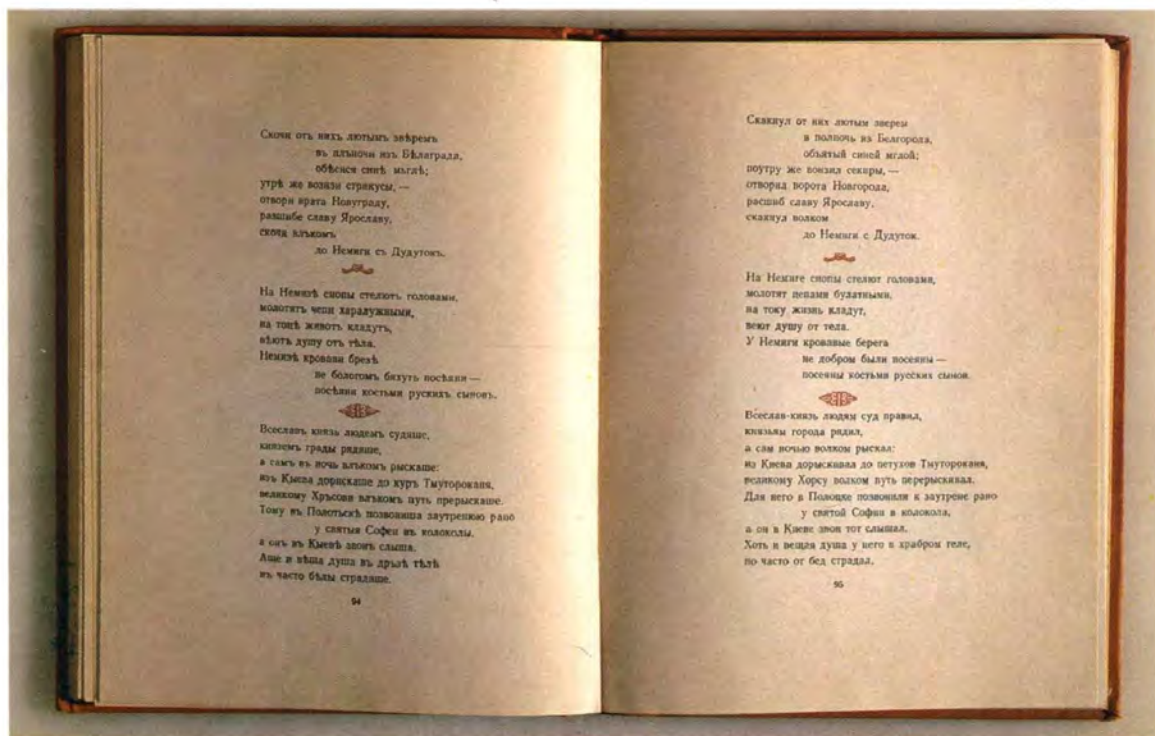
со стрелами в траве

Гравюра в две доски на полях

362—364 Доски и оттиск

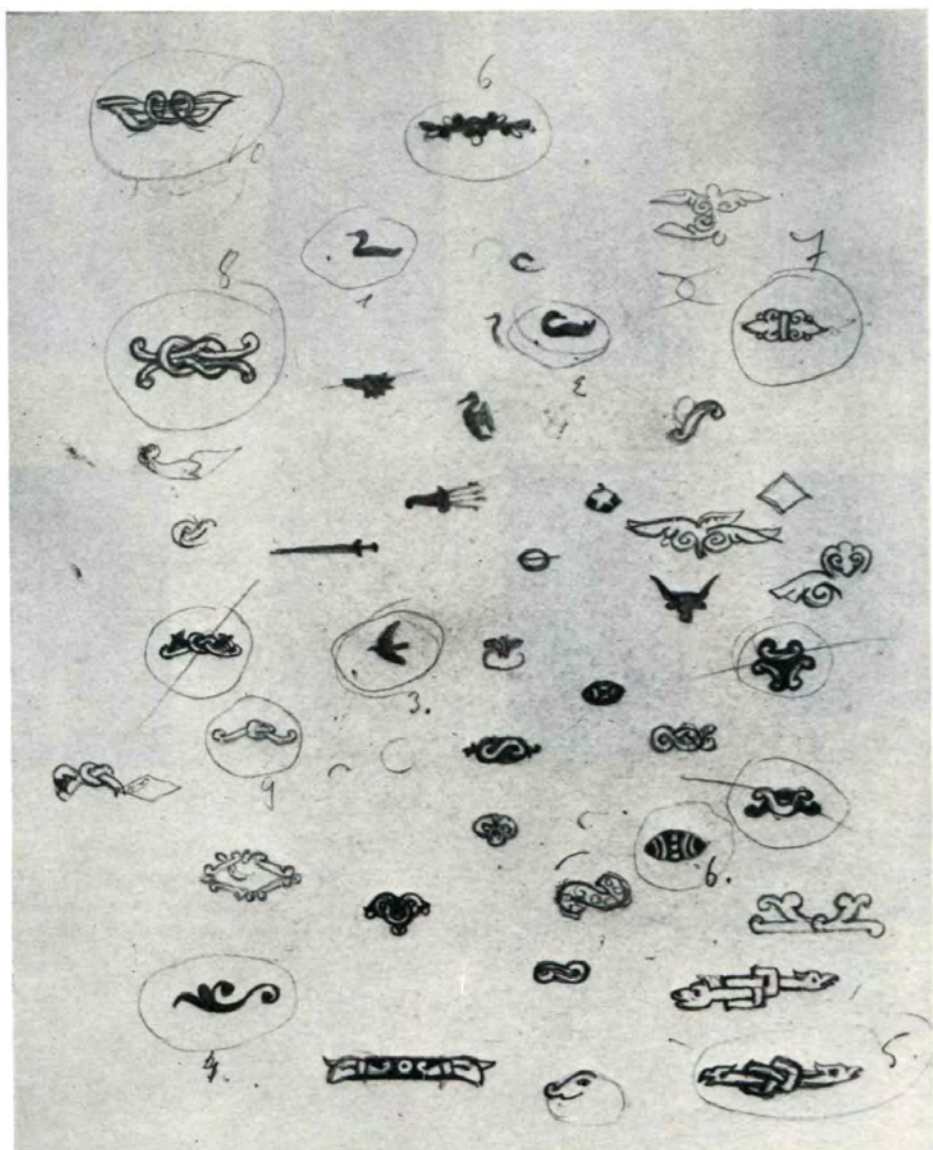
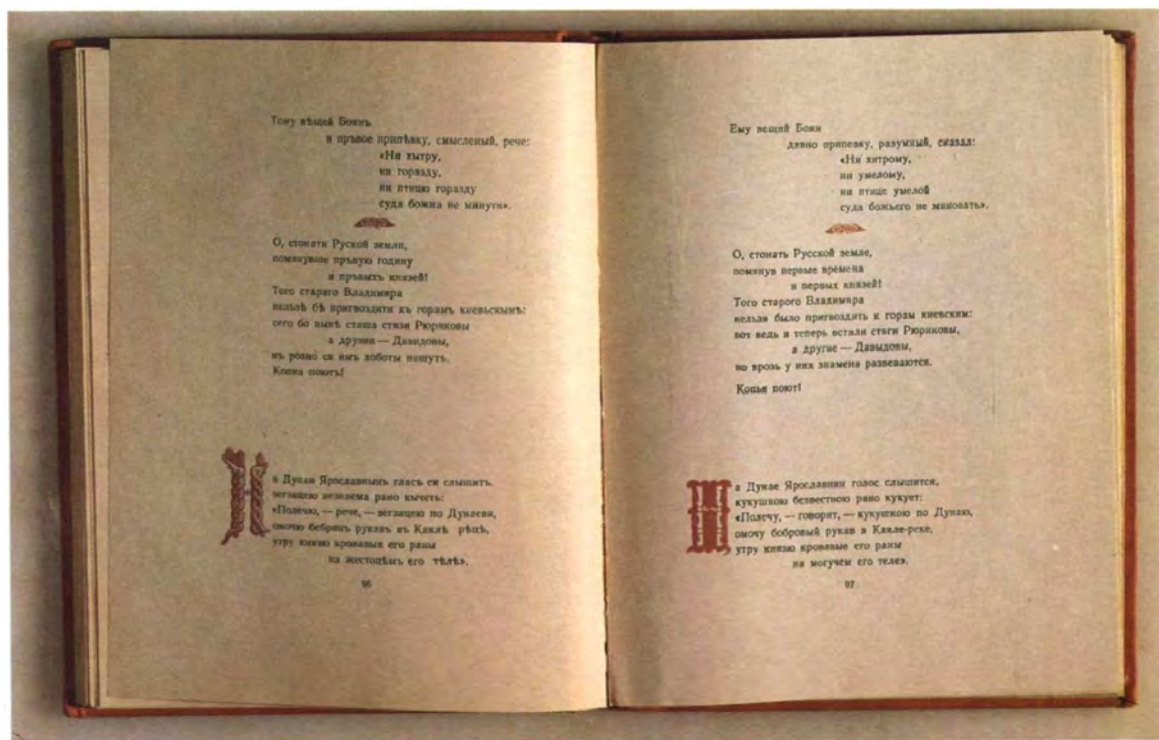
Верхний ряд:
365—366 Развороты книги с кон-
цовками и текстом „Слова“.
Страницы 92—93, 94—95

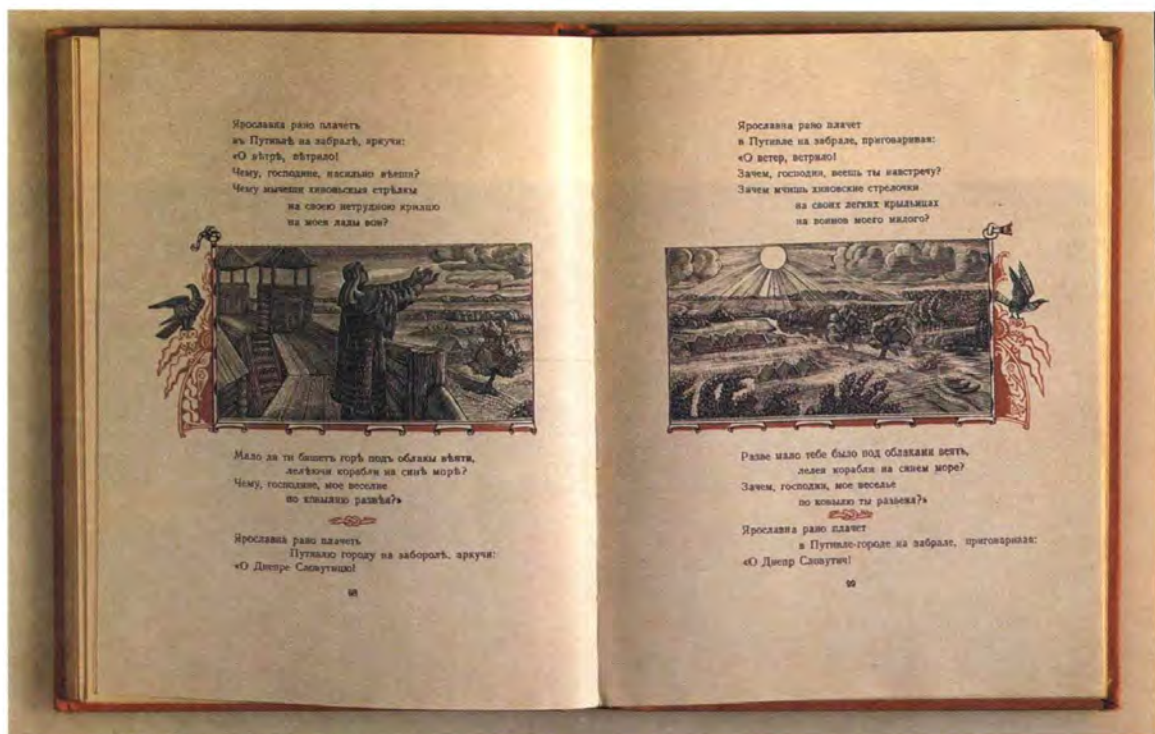

Нижний ряд:

Инициалы Н, Н, И, И,
А, А, С

367—380 Доски и оттиски

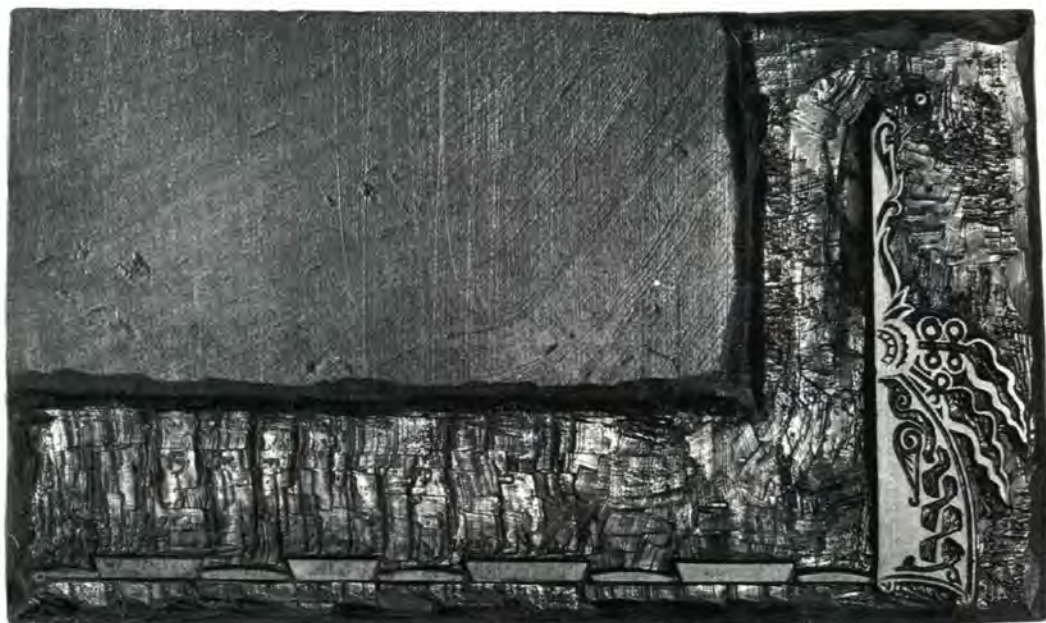
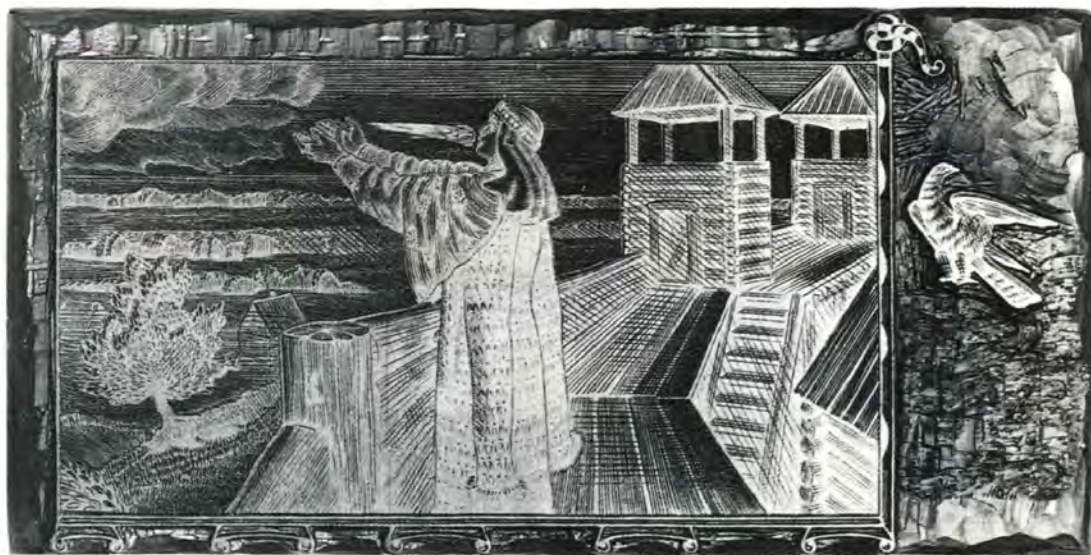

Верхний ряд:
 381 Разворот книги с инициалами, концовками и текстом „Слова“. Страницы 96—97
 Плач Ярославны
 382 Разворот книги с иллюстрациями, концовками и текстом „Слова“. Страницы 98—99

Нижний ряд:
 Орнаментальные концовки
 383—385 Подготовительный рисунок, доска и оттиск

Верхний ряд:
Плач Ярославны
386—387 Гравюры в две доски
для разворотной иллюстрации.
Первые доски

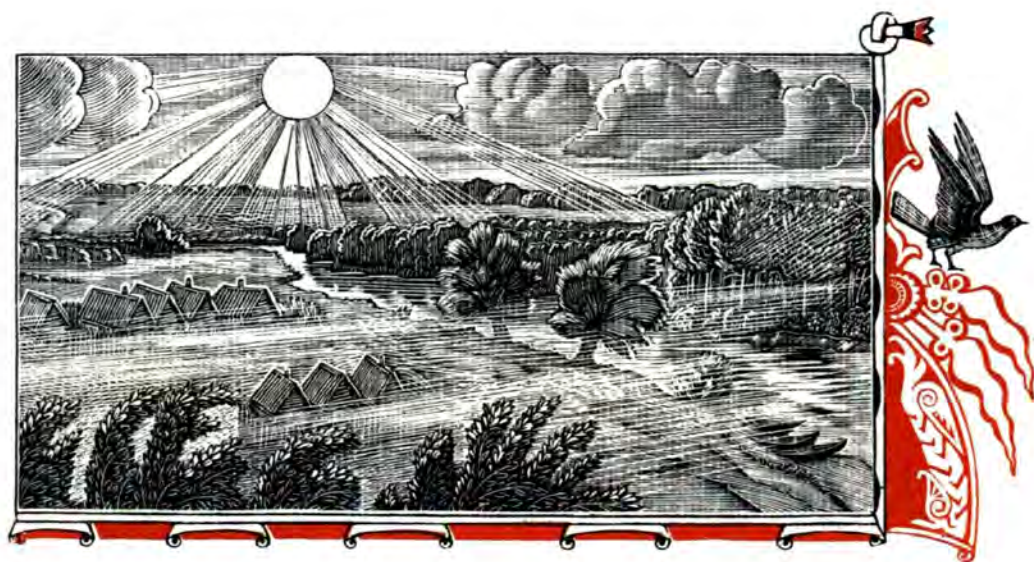

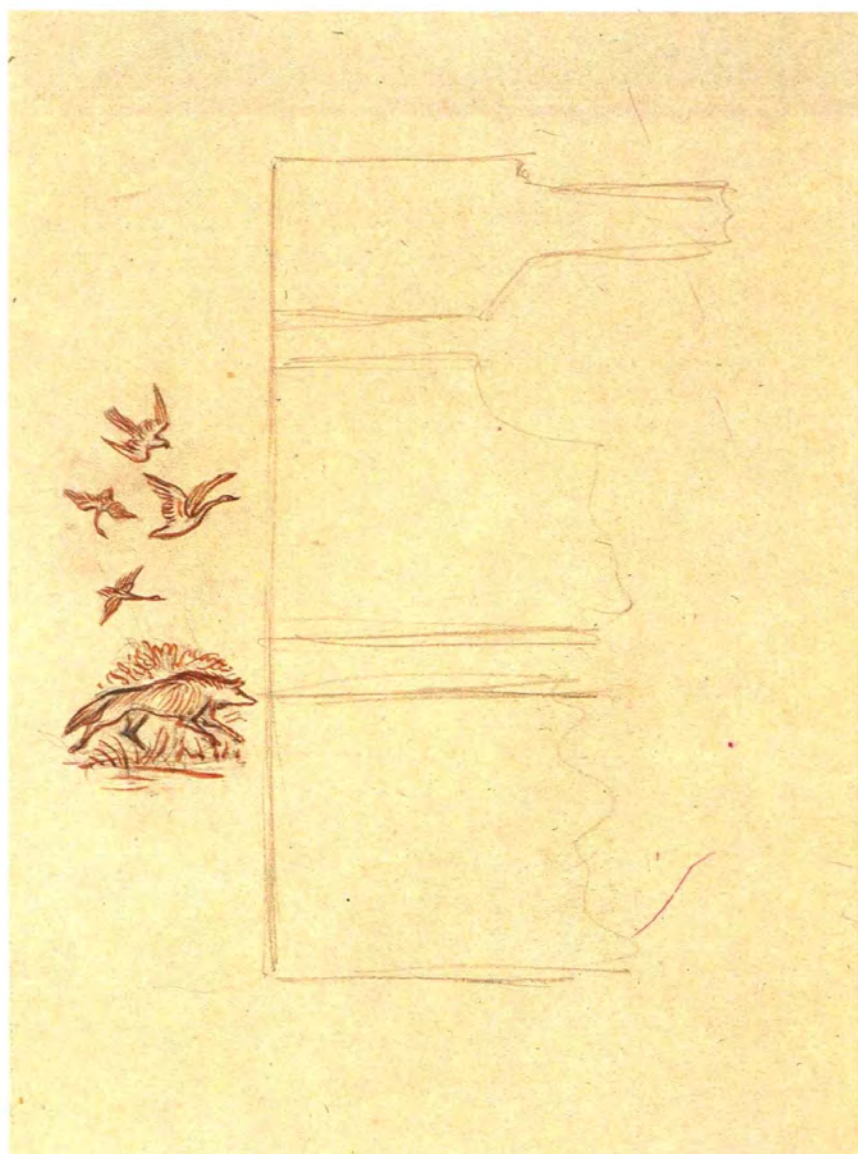
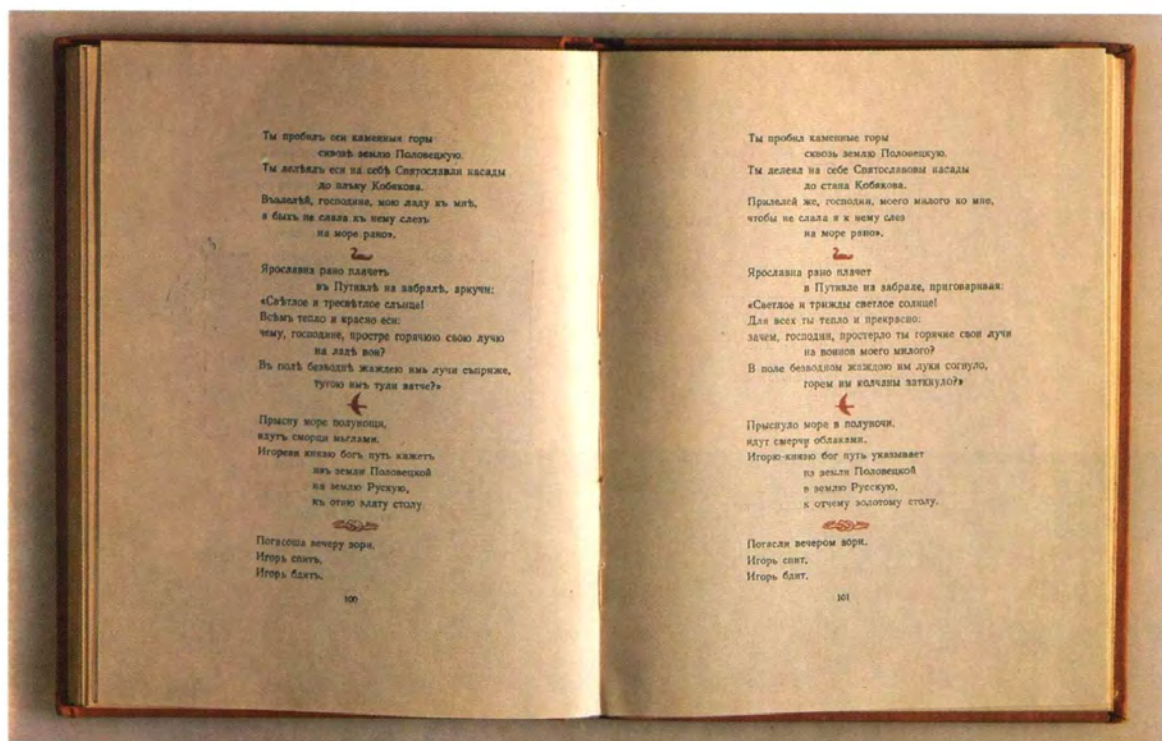
Нижний ряд:
Плач Ярославны
388—389 Гравюры в две доски
для разворотной иллюстрации.
Вторые доски

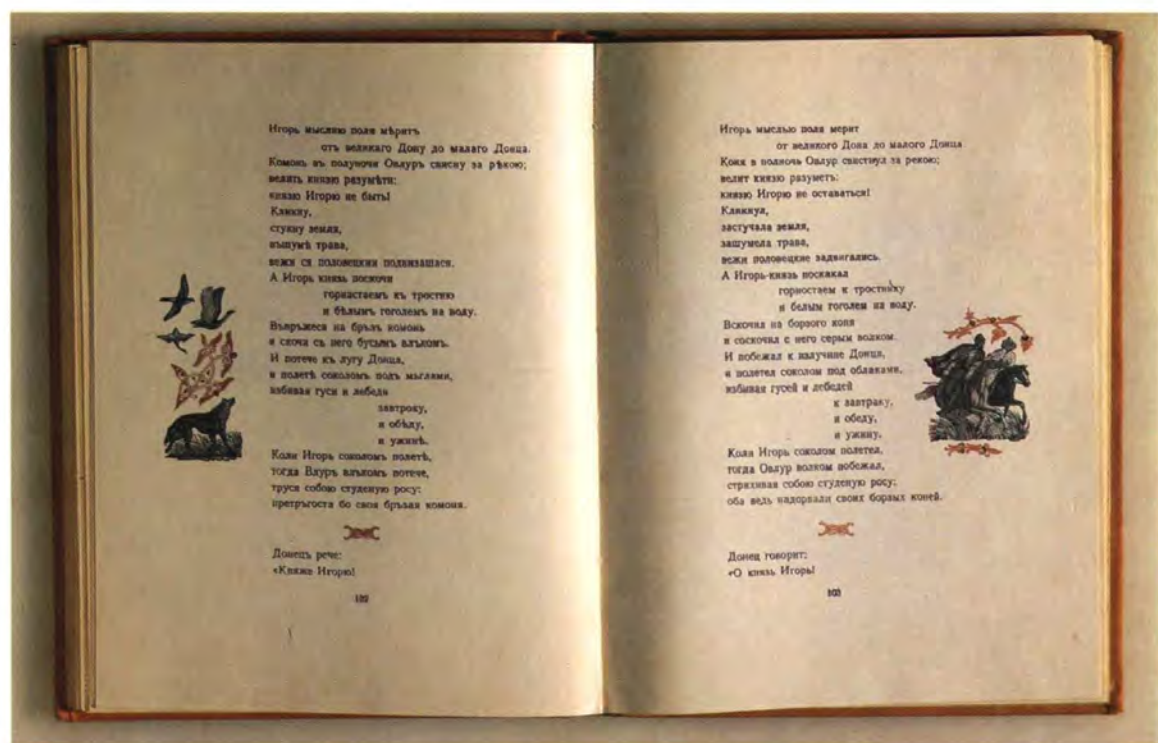
Плач Ярославны
Разворотная иллюстрация
390—391 Гравюры в две доски.
Оттиски

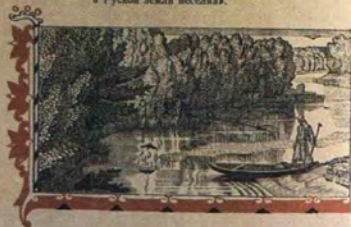

- Верхний ряд:*
392 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“.
Страницы 100—101
Бегство Игоря из плена
Сокол, лебеди и волк
Игорь и Овлур на конях
393 Разворот книги с гравюрами на полях, концовками и текстом „Слова“.
Страницы 102—103

- Нижний ряд:*
Бегство Игоря из плена
Сокол, лебеди и волк
394—397 Эскиз разворота
(левая полоса), доски и оттиски

Не мало ти вельчичи,
а Кочыку вельчичи,
а Руской земли вельчичи.

Игорь рече:
«О Дочеч!
не мало ти вельчичи,
дочешку князя на вельчичи,
сташу ему вельчичи траву
на своих серебряных берегах,
оддавшему его теплыми тулчами
под сенью зеленого древа;
стремаше его гоголем на воде,
чайками на струях,
чиряками на ветрах».

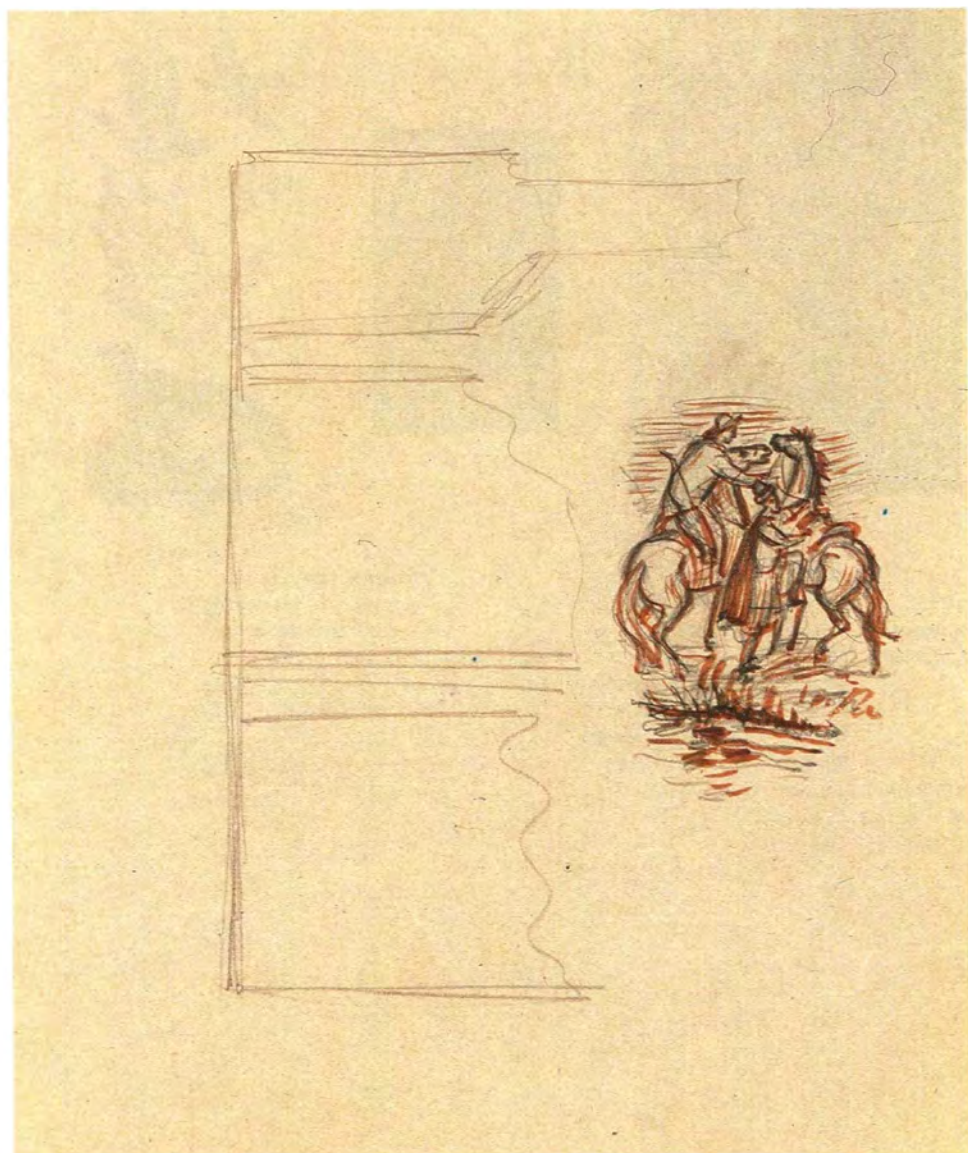
104

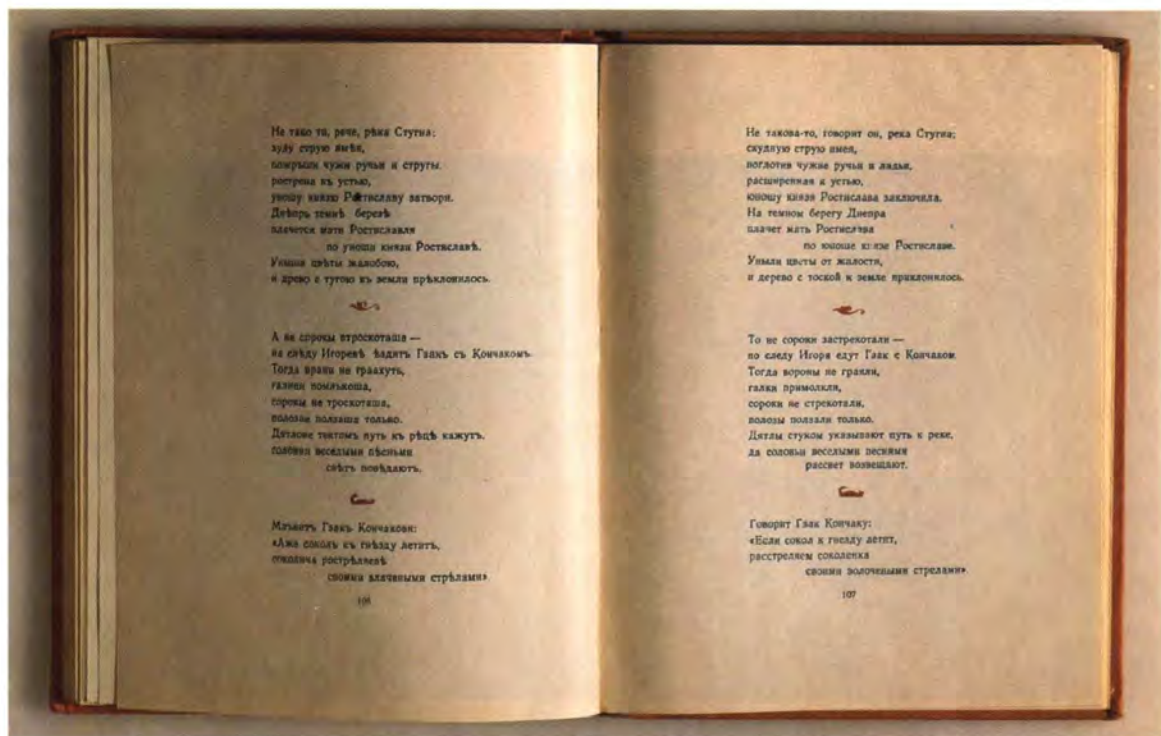
Не мало тебе вельчичи,
а Кочыку вельчичи,
а Русской земле вельчичи.

Игорь говорит:
«О Дочеч!
Не мало тебе вельчичи,
дочешку князя на волнах,
сташу ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
оддавшему его теплыми тулчами
под сенью зеленого древа;
ты стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
чиряками на ветрах».

105

Верхний ряд:

Разговор Игоря
с Донцом

398 Разворот книги с иллю-
страциями и текстом „Слова“.
Страницы 104 — 105

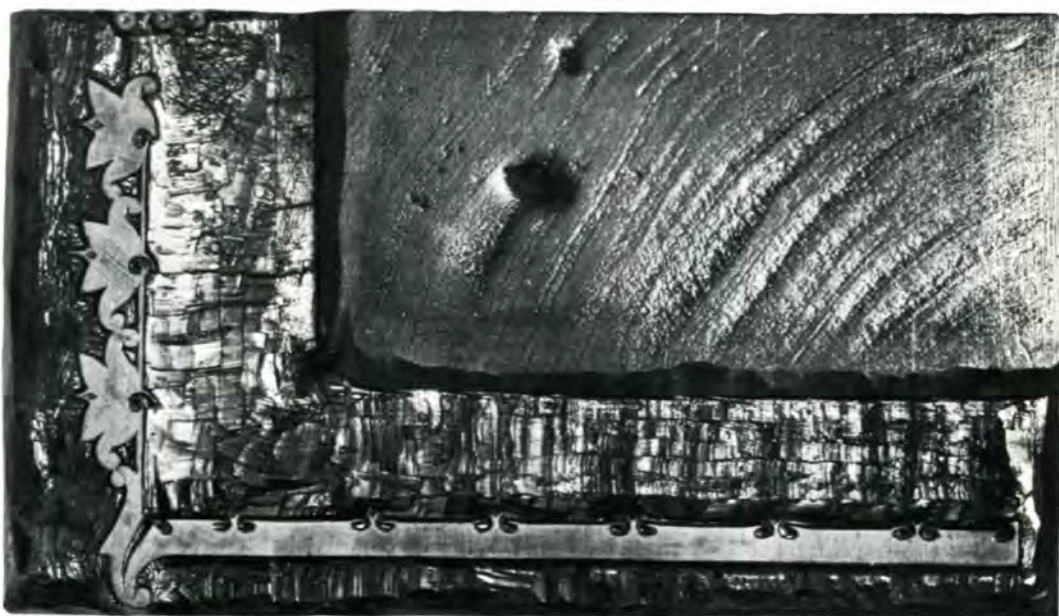
399 Разворот книги с кон-
цовками и текстом „Слова“.

Страницы 106 — 107

Нижний ряд:

Бегство Игоря из плена
Игорь и Овлур на конях

400—403 Эскиз разворота
(правая полоса), доски и оттиск

*Верхний ряд:
Разговор Игоря
с Донцом*

404—405 Гравюры в две доски
для разворотной иллюстрации.
Первые доски

Нижний ряд:
Разговор Игоря
с Донцом

406—407 Гравюры в две доски
для разворотной иллюстрации.
Вторые доски

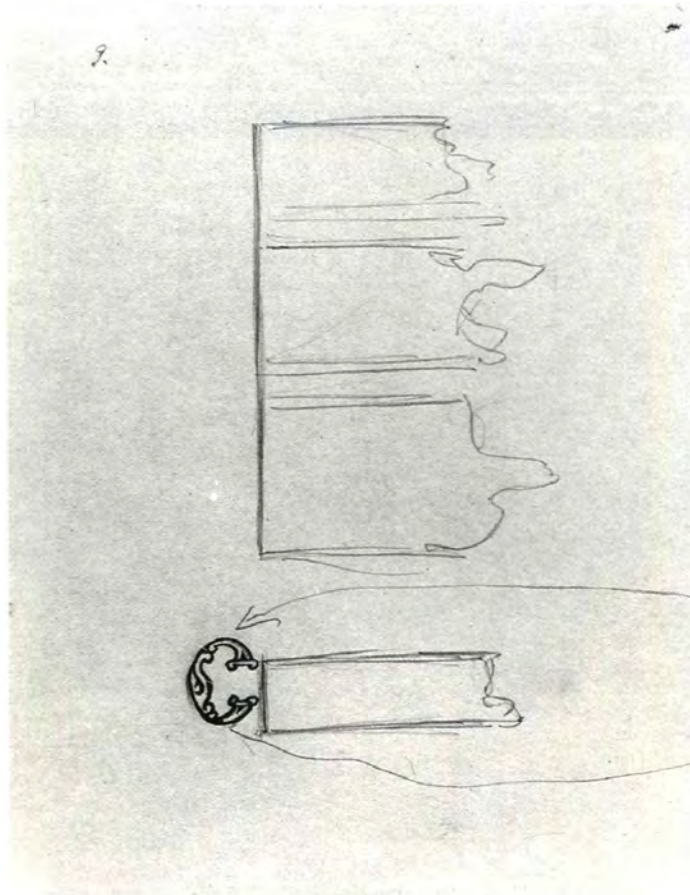
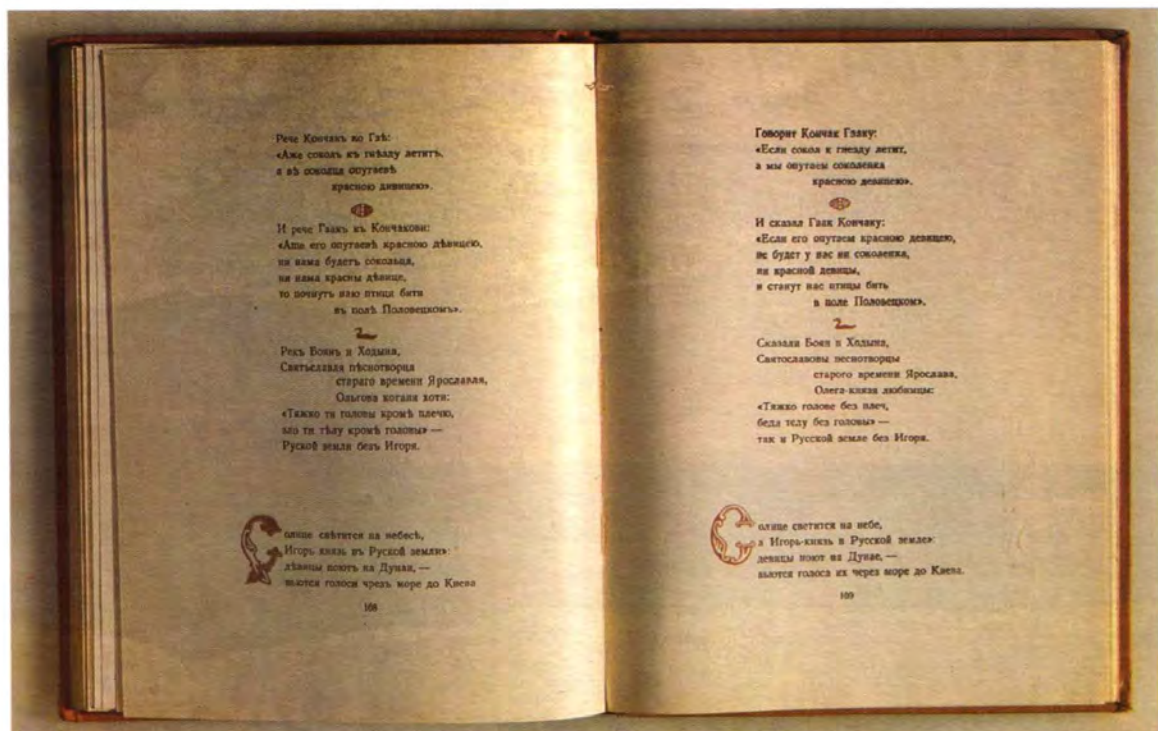
Разговор Игоря
с Донцом

Разворотная иллюстрация
408—409 Гравюры в две доски.
Оттиски

→

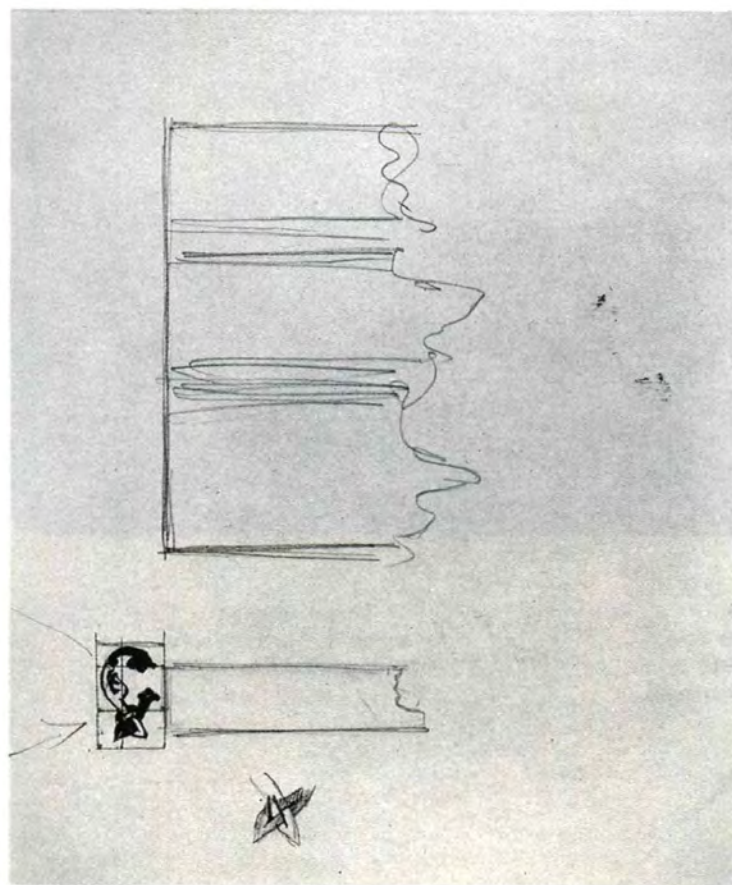
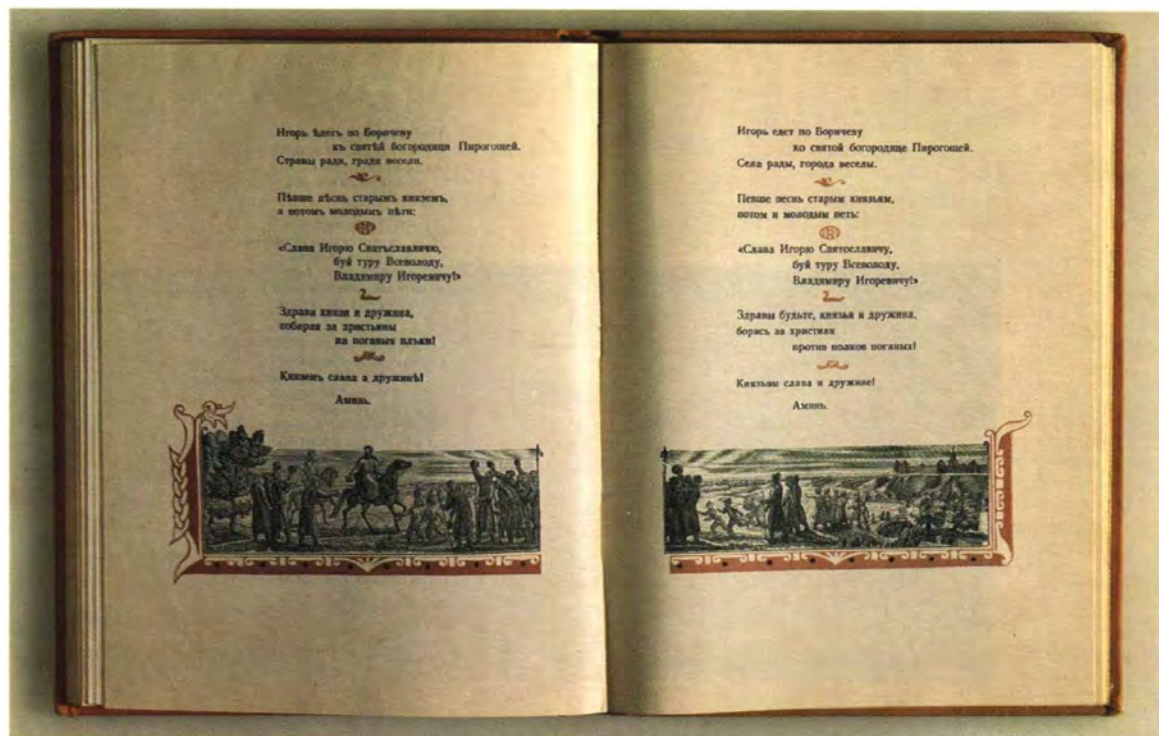

Верхний ряд:

- 410 Разворот книги с инициалами, концовками и текстом „Слова“. Страницы 108—109
- Возвращение Игоря
- 411 Разворот книги с иллюстрациями, концовками и текстом „Слова“. Страницы 110—111

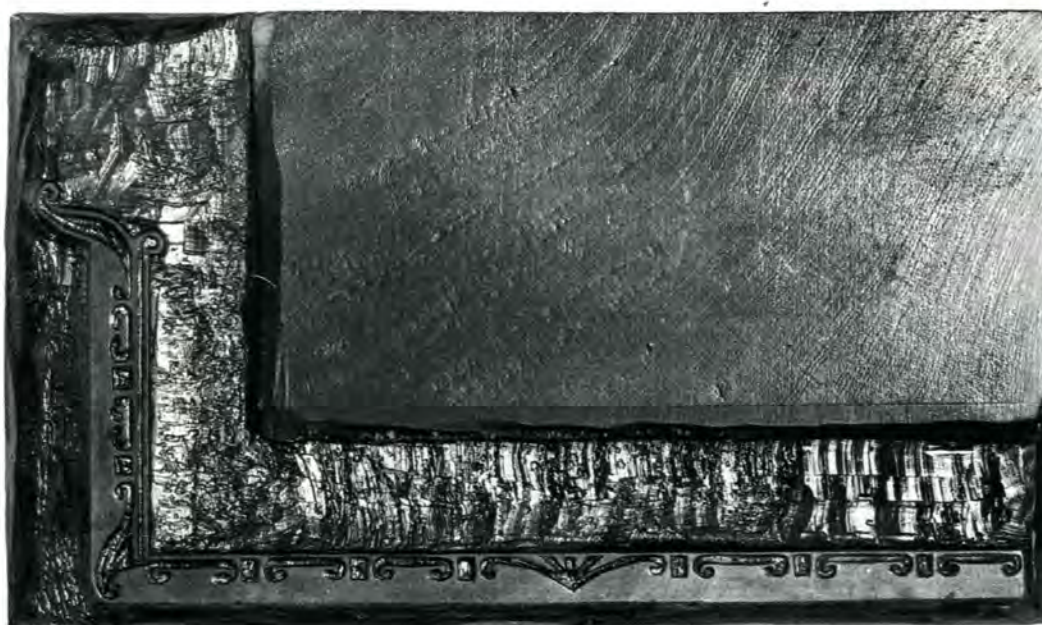
Нижний ряд:

Инициал С

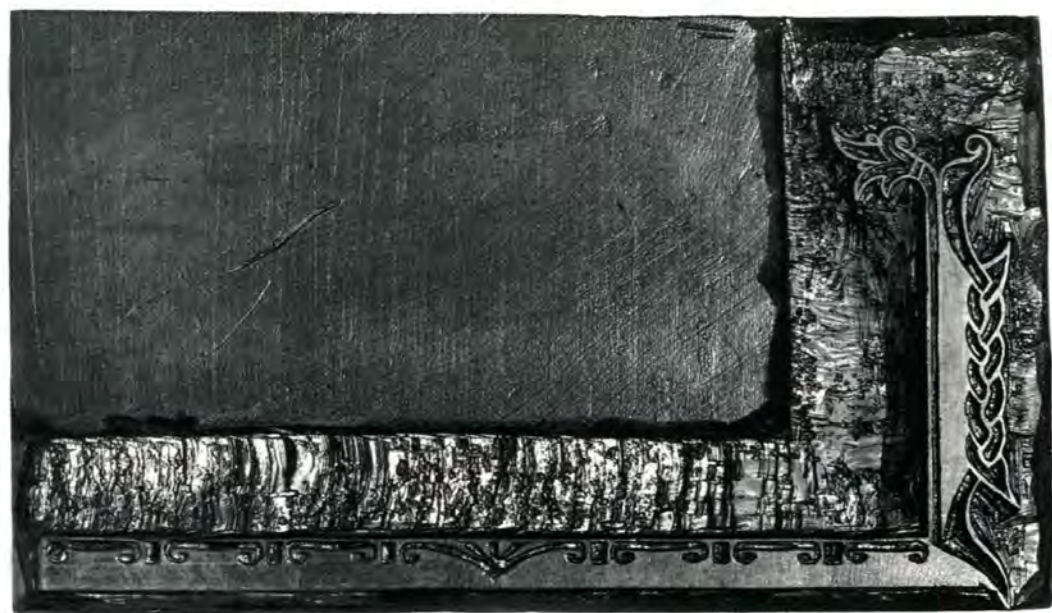
412—413 Доска и оттиск

414—415 Эскиз разворота

с инициалами

Верхний ряд:
Возвращение Игоря
416—417 Гравюры в две доски
для разворотной иллюстрации.
Первые доски

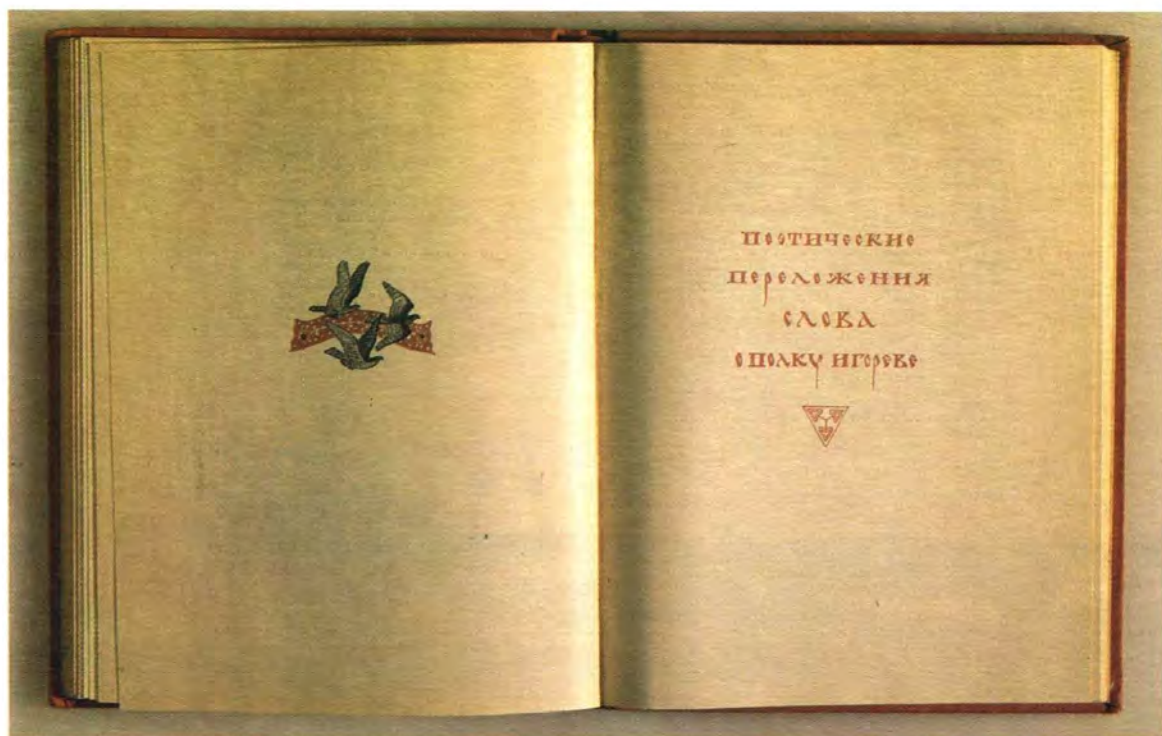
Нижний ряд:
418—419 Гравюры в две доски
для разворотной иллюстрации.
Вторые доски

Возвращение Игоря
Разворотная иллюстрация
420—421 Гравюры в две доски.
Оттиски

Верхний ряд:

Соколы

422 Разворот книги с концовкой и шмуцтитолом (шрифт М. И. Пикова). Страницы 112—113

Нижний ряд:

Соколы

Концовка

423—425 Гравюра в две доски
Доски и оттиск

Ю.А.Молок

Фаворский и „Слово“

Комментарии

Список иллюстраций

Summary

Гравюры к „Слову о полку Игореве“ — одна из самых известных работ В.А.Фаворского, правда, известная больше в своем последнем варианте, который все время переиздается. Книга в красном ледериновом переплете с золотым тиснением и большими разворотными гравюрами в два цвета.

Между тем работа над „Словом“ — это отдельная глава биографии Фаворского, которая растянулась на пятнадцать лет и имела четыре этапа. Миниатюрная книга с заставками и большие выставочные левкасы, замысел „взрослого“ издания и „Слово“ для детского чтения. Для Фаворского с его строгим отношением к материалу и назначению вещи — мастера, всегда тяготевшего, как он сам говорил, к искусствам, „более обусловленным обстоятельствами“¹, — это существенно.

Четыре варианта — это четыре отдельных этапа работы, они не отменяют один другого, нельзя их считать и только черновиками, даже если постройка осталась незавершенной или не сохранилась целиком. Так, во всех деталях, обдуман у Фаворского каждый замысел, первый из которых относится еще ко второй половине тридцатых годов.

Четыре этапа работы

Первое „Слово“

Первое, назовем его „малым“, издание „Слова о полку Игореве“ с гравюрами В.А.Фаворского. Маленькая, с прямым корешком, близкая к квадратному формату книга в картонажном переплете, прикрытая палевой, напоминающей по цвету пергамент, тонкой калькой. На ней глубокий рельеф монументальной, гравированной надписи, напечатанной красной краской в три строки:

Слово
о полку
Игореве

Буквенная графика надписи, идущая от древнерусского полуустава, легко узнаваема как характерный, чуть по-гравюрному корявый шрифт Фаворского, отдельные буквы которого (У, И, В) мы потом встретим внутри книги, но уже в качестве инициалов.

1 —
180

ср.
426
14

ср. 14
38 40
48

- Вся книга несет на себе печать ручной работы художника-гравера. Не только надпись на переплете — все гравюры, вплоть до мелких украшений, печатались с отдельных досок. Если гравюра повторялась, то повторялась с новой, специально нарезанной доски, вставленной в печатную форму набора. (Теперь гравюры в книге печатают иначе, в издании 1952 года — последнем „Слове“ Фаворского — их печатали не с досок, а при помощи специально изготовленных гальвано; в наши дни их воспроизводят офсетом.)
- Гравюрная структура книги определена характером поэтического перевода „Слова о полку Игореве“, который его переводчик, Иван Новиков, разделил на 11 глав. Все гравюрные элементы книги — заставки, буквицы (некоторые из них повторяющиеся) и концовки (тоже повторяющиеся) — служат разделительными знаками между главами и внутри них. Кроме того, гравюрами оформлен и вход в книгу: на авантитуле помещена „Битва с половцами“, на фронтисписе — „Затмение“, на титульном листе — гравюрок с изображением битвы сокола с вороном (потом она будет повторена в конце текста поэмы). Из этого описания совсем не следует, что в книге тесно. Гравюрный ряд соразмерен книжной странице с ее узким столбцом стихотворного текста, набранного петитом. В книге много белого, его особенно ценил художник: „в белых листах с незначительным содержанием текста... всюду в книгу врывается как бы воздух“².
- Все гравюры, кроме фронтисписа, напечатаны в книге красной краской. Можно сказать, что вся она насыщена цветом, хотя, строго говоря, это относится только к тексту поэмы — „книги в книге“, — окруженному обширными предисловиями и еще более пространными пояснениями к переводу. Однако, листая книгу, об этом забываешь. Столь острым остается впечатление цвета. Столь сильна память о гравюрном входе: о надписях на корешке и стороне переплета, о гравюрах в начале книги. Так, обдуманно, от страницы к странице, организовано в книге движение. Организовано по горизонтали теми концовками, в которых, как в указующем жесте руки (характерной типографской акциденции прошлого века), сильно выражен профиль: лебедь всегда летит на странице направо, направо плывет в книге и утица. Наоборот, фасная форма перстня и нитки бус подчеркивает вертикальную ось, устанавливая в книге паузы, — говоря словами Фаворского, — „чтобы читатель мог осмотреться, задержаться, припомнить то, что прочитано“³.
- Озвучивая „Слово“ цветом, Фаворский исходил не только из традиции древнерусской книги, где буквицы писали отдельно, красной краской, а в тексте помещали цветные миниатюры. Цветом заставки у него уравниваются с буквицами, согласно одному из главных понятий его философии книги, сформулированному им еще в начале 20-х годов. В докладе „Шрифт, его типы, связь иллюстрации со шрифтом“ он много говорил о том, что книга должна стремиться к цельности. „Цельность может быть достигнута тем, что как буквы, так и иллюстрации будут нами взяты однотипные“⁴.

Так или иначе, издание „Слова о полку Игореве“ отвечало книжным принципам Фаворского, сложившимся раньше второй половины 30-х годов, когда к нему приступил художник. Если вспомнить непосредственно книжных предшественников „Слова“, то станет очевидным, что оно завершало собой целую эпоху изданий классической литературы, осуществленных главным образом издательством „Academia“, в деятельности которого большое место занимали книги с гравюрами, прежде всего — с гравюрами В.А.Фаворского и его учеников. Это и трехтомник сочинений Мериме, и „Избранная лирика“ Гете, и „Рассказы о животных“ Льва Толстого. Здесь надо назвать и малоформатное издание сочинений Пушкина, для первого тома которого художник награвировал знаменитый впоследствии портрет „Пушкин в лицейские годы“. (Возможно, что издание „Слова о полку Игореве“ с гравюрами Фаворского было первоначально задумано тем же издательством, но не было им осуществлено⁵.)

По внешнему своему облику „Слово о полку Игореве“ ближе всего напоминает книгу „Vita nova“ Данте, вышедшую четырем годами раньше, тоже в маленьком формате (еще меньше „Слова“) и тоже с гравированной надписью на кальке переплета, тоже „книгу в книге“. На этом их сходство, однако, кончается. Книга Данте оформлена строже, классичнее, в „Слове“ художник вступает в прямые отношения с историей. Связь с исторической национальной традицией едва ли не впервые обнаружилась у него так открыто в этой маленькой книге. Дух древнерусской книжности входит в его первое „Слово“, входит не только узором страниц, заглавными красными буквицами, но и атрибутами и реалиями отечественной истории. Пешими и конными воинами, щитами и копьями, „повышенными“ и „пониженными“, после сражения, стягами. Правда, все это гравюрные знаки исторической хроники, краткие и емкие образы, исполненные ближе к геральдике. Но здесь, в этих заставках, напоминающих пейзажные гравюры к рассказам М.Пришвина, начиналась тема, которую современный исследователь назовет „объяснением в любви к национальному лирическому пейзажу“⁶. Здесь, буквально с первой гравюры „Битва с половцами“, начиналась и тема героики „Слова“. Строго говоря, это не вся битва, а скорее ее фрагмент: группа русских воинов, сбившаяся вокруг Игоря, поднятые стяги, тучи стрел. Но эта маленькая гравюрка, вынесенная вперед, на авантитул, стала эмблемой всей книги.

Первое „Слово“ сохраняло вид художественного издания середины 30-х годов, заключая в себе некий привкус классической книжности той поры. Но оно было выпущено позднее; вероятно, поэтому и прошло почти незамеченным. „Книг новых не видел. Кроме „Слова о полку Игореве“ с гравюрами В.А.Фаворского, — писал художник Д.И.Митрохин 25 июня 1938 года П.Д.Эттингеру. — Его работы для этой книги мне очень понравились. И вся книга имеет цельность и добротность, редкие среди бесчисленных наших изданий“⁷. (Письмо это, интересное для нас как живой от-

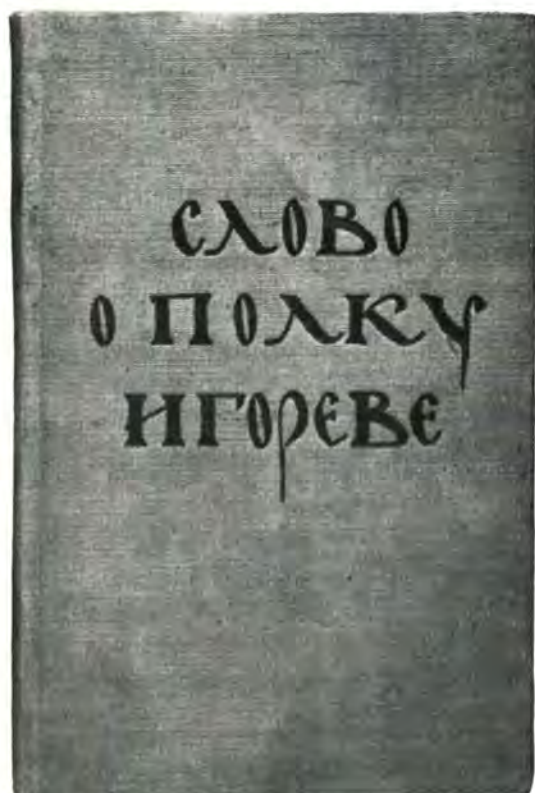
звѣ современника, позволяет с точностью до месяца установить дату выхода книги—июнь 1938 года,—что подтверждает и надпись, датированная всего неделей раньше письма Д.И.Митрохина, на экземпляре „Слова“, подаренном художником жене: „Возлюбленной моей Марии Владимировне от В.Фаворского 18/VI 38 Загорск“).

Книжная судьба этого издания двойственна. С одной стороны, оно уже не могло полностью удовлетворить взыскательный вкус ценителей художественных изданий: известно, что существовали и более роскошные уникальные экземпляры, не в картонажном, а в кожаном переплете с торшонированным и крашеным обрезом⁸. С другой—оно не отвечало и потребностям в массовой книге. Почти одновременно с первым огромным по тому времени тиражом (100 тысяч экземпляров, первое—20 тысяч) выходит второе издание „Слова“ с теми же гравюрами, но в другом формате, в другом, коленкоровом переплете и на другой бумаге, не говоря уже о многих упрощениях в макете, а вслед за ним поэма XII века была выпущена в массовой библиотеке „Огонька“ и тоже с гравюрой Фаворского на обложке⁹. В те годы интерес к „Слову о полку Игореве“ вышел далеко за рамки истории литературы.

Выставка „Слова о полку Игореве“ в Литературном музее

Если первое книжное „Слово“ В.А. Фаворского, приуроченное к 750-летию памятника, не носило отчетливых признаков мемориального издания, то выставка, открытая в Москве в начале октября 1938 года¹⁰ в старом здании Литературного музея (Мохомая, 6), была непосредственно посвящена памятной дате.

426 „Слово о полку Игореве“. 1938
(Экземпляры в переплетах из кальки и кожи)

К устройству выставки был приглашен В.А. Фаворский, и он, полагая работу над „Словом“ уже коллективным делом, привлек к нему своих ближайших учеников — Л.Р. Мюльгаупта¹¹ и Б.В. Грозевского¹². Плакат выставки был исполнен О.Л. Розенблатт¹³, а в оформлении залов принял участие С.П. Исаков¹⁴, работавший ранее с В.А. Фаворским над оформлением Музея охраны материнства и младенчества. В работе над росписями ему помогал также А.М. Гусятинский¹⁵. Шрифтовые работы кроме Б.В. Грозевского вели художники-реставраторы Д.Н. Афанасьев¹⁶ и С.С. Чураков¹⁷. Что же представляла собой эта выставка? Мы можем только пытаться реконструировать ее по печатным источникам, фотографиям, эскизам¹⁸.

Выставка была расположена в трех залах Литературного музея. Особенный интерес для нас представляет первый зал выставки, так как он был оформлен В.А. Фаворским и С.П. Исаковым. Согласно „Краткому путеводителю по выставке „Слово о полку Игореве“, на правой от входа стене зала была помещена карта Древней Руси и тексты из Лаврентьевской летописи, в которых говорилось о междоусобицах и необходимости объединения для защиты русской земли. Тут же были экспонированы картина А.М. Герасимова „Степь“, которая должна была дать представление о том „поле“ (степи), где кочевали половцы, и раскрашенные фотокопии миниатюр из Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи XV века — первого иллюстрированного летописного рассказа о походе князя Игоря на половцев, — а также пейзажи русских городов Изборска, Новгорода, Путивля и образцы древнего оружия: щит, меч, копьё, лук, стрелы, шлем, кольчуга. Во вто-

427 „Слово о полку Игореве“. 1938 (Экземпляр в коленкоромом переплете)

428 „Слово о полку Игореве“. 1938 (Библиотека журнала „Огонек“)

ром зале — памятники древнерусского искусства, по большей части в копиях; в третьем — иллюстрации к „Слову“ и эскизы декораций к опере „Князь Игорь“.

Работы Фаворского, таким образом, оказались в плотном кольце историко-культурной традиции. Правда, в прямом смысле они не были экспонатами, скорее — кулисами, декорациями, стенами выставки. Когда-то „Слово“ слушали, потом читали, теперь его можно было рассматривать. (На следующий день после вернисажа в Литературном музее переводчик „Слова“, которое еще совсем недавно иллюстрировал художник силуэтными гравюрками, Иван Новиков в письме к своему сыну рассказывал: „Один зал — весь старинный текст [с] огромными свитками с рисунками (новыми) Фаворского“¹⁹.)

Семнадцать огромных, плотно пригнанных друг к другу и вытянутых в одну линию вдоль трех стен первого зала выставки щитов с полным текстом поэмы и иллюстрациями должны были и впрямь

429—430 Интерьер выставки к 750-летию „Слова о полку Игореве“. 1938
Оформление зала В. А. Фаворского и С. П. Исакова

Левкасные доски с росписями и текстом „Слова“
Росписи В. А. Фаворского.
Шрифт Б. В. Грозевского,
Д. Н. Афанасьева и С. С. Чуракова

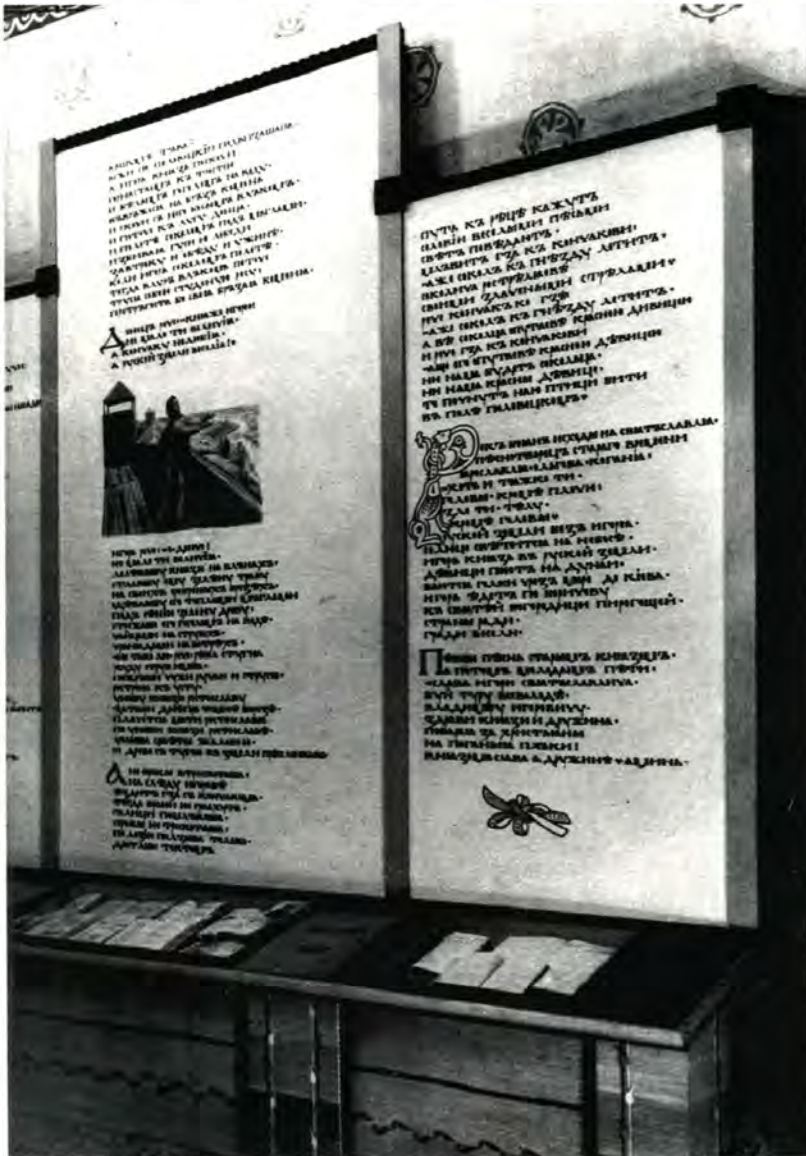
казаться посетителям музея скрижалями, неким подобием храма „Слова о полку Игореве“ как первой книги русской истории и русской культуры.

Перевод книги в другие, внекнижные формы был продиктован не только условиями выставки. В те годы интерес к памятнику отечественной истории требовал иного масштаба его воспроизведения, широкого экрана, или, говоря словами Фаворского, „общественности“ самого изображения²⁰. Как это было в первые годы революции, когда „традиционная книга была разорвана на отдельные страницы, в сто раз увеличена, более красочно расписана и, как плакат, вывешена на улицу“²¹.

На выставке в Литературном музее страницы „Слова“ тоже были „в сто раз увеличены“ и тоже „более красочно расписаны“. Однако модель книги была сохранена при этом почти буквально.

Единицей измерения и здесь, на выставке, оставалась страница книги с вертикальным столбцом текста, буквицами и с иллюстрациями, расположенными по горизонтали. И, как в книжном „Слове“, изобразительный ряд начинался с заставки „Соколы и лебеди“, но дальше, на других щитах, иллюстрации были размещены внутри текста, входя в плотную массу шрифта. Были щиты с тек-

стр. 183
15

стом, без иллюстраций, но не было без текста, только с иллюстрациями. Говоря типографским языком, все иллюстрации были заверстаны в текст. Щиты, как страницы в книге, имели почти книжные поля и были грунтованы мелом (левкасом), светлый матовый грунт которого оставлял ощущение белой поверхности, подобно бумажному листу. „Бумага имеет много общего со стеной и книга—с архитектурой“²²,—говорил Фаворский, когда ему первый раз пришлось писать фреску. Теперь ему представилась возможность снова перенести свой опыт гравера в другую область. Работа на выставке не была, однако, прямым повторением того пути, который начиная с 30-х годов проделал художник. От гравюры к фреске. От „Книги Руфь“ к Музею охраны материнства и младенчества. Переход от книжного „Слова“ к изображению „Слова“ на выставке был короче. В рамках одной темы и одного произведения. Тем более что замысел художника, как мы видели, сохранял членения книги. Каждый щит здесь—страница, семнадцать щитов—это семнадцать страниц.

Однако счет все же шел не на страницы. Щиты были разного формата и сгруппированы не как книжные развороты, а по пять-шесть у каждой стены зала. Логика книги уступала место логике стены. Фаворский, которого всегда и во всякой работе отличало композиционное мышление, использовал условия выставки, чтобы раскрыть книгу и развернуть ее на плоскости как декорацию. Декорацию, в свою очередь, превратить в подобие монументальной росписи.

Правда, художнику пришлось здесь оформлять не архитектурное пространство зала, а сценическое—выставки, распорядиться не цельной поверхностью стены, а выстраивать ее из отдельных щитов, писать не фреску на стене, а расписывать темперой специально загрунтованные левкасом доски. Вспомним еще и про другой, „чужой“ текст зала: обилие предметов, которые трудно согласовать между собой и тем более соотнести с росписями. Наконец, представим себе стесненное пространство зала, в котором необходимо было организовать движение зрителя вдоль стен, то ли по страницам монументальной книги, то ли согласно направлению монументального фриза.

И здесь Фаворский демонстрирует целый ряд общих законов книжной композиции и композиции стенной росписи.

Каждая стена, подобно иконостасному чину, имела у него свои композиционные центры. Они выделялись большими размерами, были красочней по цвету и стягивали в один узел самые разные моменты повествования. Таким первым центром на первой стене была сцена с Бояном, к ней направлен полет соколов и лебедей, к ней, через паузу страницы текста, возвращала взгляд зрителя дружина князя, выступившая в поход. На третьей стене таким центром стало „Златое слово“ Святослава“ (роспись Л.Р. Мюльгаупта), к нему будто прислушивается на берегу Донца князь Игорь, хотя между ними лежит „Половецкий стан“. Как в книжном „Слове“, сцены в профиль и здесь организуют движение,

развернутые в фас—его останавливают, чтобы теперь уже не читатель книги, а „читатель“ выставки „мог осмотреться, задержаться, припомнить“. Этими раскрытыми на зрителя изображениями, как правило, были большие доски—главные темы росписи. Кроме „Бояна“, „Златого слова“ „Святослава“ это были „Затмение“ и „Битва с половцами“ (она единственная, как центр всего фриза, содержала две сцены: собственно „Битву“—наверху, и „Поле битвы после сражения“—внизу). 187 191

Ритмические паузы между щитами с иллюстрациями составляли щиты с текстом, замедляя и растягивая ритм повествования. Текст, как буквенный орнамент, еще и держал первый план фриза, сохранял плоскость, чему всегда придавал значение Фаворский. Это позволило ему и здесь углубить профиль и сообщить изображению сложный, монументальный характер.

Движение развертывается не только на первом плане, вдоль страницы, но и отодвинуто в глубину. Там, в глубине, начинается и мерно тянется цепь всадников, обрастая к переднему краю толпой пеших воинов с копьями. Пустое пространство перед ними говорит, что это еще начало похода, впереди их ждут половецкие степи, „незная земля“. На „Поле битвы после сражения“ художник располагает тела убитых в тех позах, в которых их настигла смерть. Одного воина—с поджатыми ногами, припавшим к земле, другого—наоборот, ногами вперед, с запрокинутой к небу головой. Над ними уже не веером, как на гравюре, а стая за стая кружат вороны. В другом случае Фаворский вообще откажется от выразительных самих по себе эскизов, где действие вынесено наружу, прямо на реку, вдоль которой скользит лодка с Овлуром и князем Игорем, сбежавшим из плена. И остановится на другом варианте. Раздвигая пространство, еще больше отодвинет вдаль излучину реки с фигурками лошадей. На рисунке появится и берег, с которого Игорь обращается к Донцу: „О Донец! Немало тебе величия...“ (Потом, в иллюстрациях к последнему своему книжному „Слову“, Фаворский сохранит оба мотива—и Овлура в лодке, и Игоря на берегу,—объединив их в одном развороте, но составленном из двух отдельных гравюр.) 186 203 204 191 210 211 59 215 216 197 219 398

Более сложного движения Фаворский достигает в многофигурных композициях, сталкивая разные ракурсы. Изображение в профиль всадников и коней заполняет в „Затмении“ первый план, на втором—сомкнутый строй воинов, копий, стягов: они развернуты фронтально. В первой битве с половцами завязан тугой узел из стремительно скачущих воинов Игоря, конных половецких лучников, взятых со спины, и тяжело рухнувших или поднявшихся из последних сил на задние ноги коней. Мы словно вовлечены в самую стихию битвы. Сцена второй, главной битвы с половцами еще оживлена цветом, как все большие доски (другие иллюстрации, как вспоминает Л.Р.Мюльгаупт, были однотонные, „зелено-вато-серые“). Серое переходит в красное—красное остроконечных „хоботов“ повышенных стягов и красное остроконечных червлених воинских щитов. Цвет играет двойную роль, дает изо-

Верхний ряд:
Поэт-воин — Автор
„Слова“

Гравюра В. А. Фаворского. 1937—1939

431—434 Эскиз к гравюре.

Пробные оттиски с дорисовкой
(1—2 состояния).

Первая доска

Нижний ряд:
Поэт-воин — Автор
„Слова“

Гравюра В.А.Фаворского. 1937—1939
435—438 Пробный оттиск
с первой доски.
Вторая доска и оттиск.
Оттиск с двух досок

Поэт-воин — Автор
„Слова“
439 Эскиз к гравюре
для книги И.А.Новикова „Сын
тысяцкого“ (Повесть об авторе
„Слова о полку Игореве“).
Рисунок из альбома
В.А.Фаворского

бражению свою отдельную предметность как атрибуту, вещи в себе, что по-другому, но всегда присутствует в гравюрах Фаворского, однако работает и на целое. Если в карандашных эскизах мы видим два щита — Игоря и Буй Тура Всеволода, — то в эскизе темперой их три. Щит из щитов. Монументальный красочный рельеф, он прикрывает центральную группу русских воинов, теснимых половцами. (Интересно, что эту композицию Фаворский во многом повторит в знаменитой черно-белой монументальной гравюре к уже книжному „Слову“, сохранив там и второй, красный цвет в эмблематических гравюрках со стягами и щитами, расположенных на полях.)

Передача движения от страницы к странице, от доски к доске не исключала заботы об устойчивом равновесии целого. В самом деле, если соединить одной линией разные иллюстрации, расположенные на разных уровнях какой-либо одной стены, то мы обязательно получим треугольник, острым концом книзу или кверху. При всей тесноте зала существовала, вероятно, общая точка охвата всей композиции и каждой стены в отдельности. Во всяком случае, об этом думал Фаворский. Начиная фриз с движения, он непременно останавливает его в конце. На первой стене — щитом с буквицей „У“, обращенной своим профилем назад, к началу фриза. На второй — фигурой плачущей, развернутой фронтально, с вытянутыми кверху руками, как восклицательными знаками в конце предложения. Третью стену замыкает щит текста с концовкой в виде перевязанного крест-накрест узла.

Законы монументальной росписи явно преобладали тут над законами книжности. В сущности, книжность росписи была, скорее, некоей условностью, как условен здесь и сам текст, написанный древнерусским уставом, который не столько читался на щитах, сколь-

Поэт-воин — Автор
„Слова“
440 Гравюра В.А.Фаворского
для книги И.А.Новикова „Сын
тысяцкого“ (Повесть об авторе
„Слова о полку Игореве“).
Оттиск. 1937 — 1939

ко присутствовал в интерьере мемориальной выставки, напоминая зрителям о древности и рукописности „Слова о полку Игореве“. Текст определял порядок следования росписи, но центр тяжести чтения самой поэмы был перенесен здесь на изобразительный ряд.

Сам Фаворский нередко называл свои монументальные работы „изобразительным рассказом“²³. И, хотя он почти не оставил прямых высказываний о росписях на этой выставке, известно, что в других подобных случаях он не раз повторял, что стена находится в непосредственной связи со зрителем и поэтому в такой работе он старается быть возможно проще.

Так или иначе, все это подвигнуло Фаворского развернуть на выставке изображение „Слова“ как историко-эпическое повествование. Здесь черное солнце не кажется уж столь зловещим предзнаменованием, а выступление в поход переходит в медленное шествие: смиряя символику своего первого гравюрного решения, художник предпочитает ей почти летописный исторический рассказ. Здесь впервые так открыто прозвучала у него тема единения человека с родной природой, которой будет отведена существенная роль в его гравюрах. Игорь в первый раз вступает в разговор с Донцом, плач Ярославны разворачивается в пейзажный мотив. Наконец, здесь, на фризе выставки, впервые появляются многофигурные сцены, которых почти не было в его первом гравюрном варианте и которые найдут себе место в рабочем макете неосуществленного издания и особенно на страницах его последнего „Слова“, хотя он приступит к нему лишь через двенадцать лет.

Смысл этих перемен следует видеть не столько в условиях и условностях выставки или в ее историческом контексте, сколько в „ис-

торизме“ времени. Не случайно вслед за выставкой в Литературном музее, буквально на следующий год, в залах Третьяковской галереи развернется обширная экспозиция русской исторической живописи. Наступала полоса „исторического“: исторической прозы, исторических фильмов, исторической темы в живописи и графике. И она не могла не затронуть Фаворского.

Его работы в Литературном музее теперь уже полузабыты, известны лишь по воспроизведениям отдельных эскизов²⁴, может быть, они и в самом деле не занимают значительного места среди других монументальных работ художника. Но их нельзя оставить в стороне, если пытаться осмыслить опыт истолкования „Слова о полку Игореве“ Фаворским. Можно сказать, что перелом от краткой геральдической формы к повествовательному времени произошел здесь, на стенах выставки, и уж потом был закреплен в знаменитых его гравюрах.

Росписи Фаворского для выставки в Литературном музее постигла участь почти всех его монументальных работ. Они не сохранились. „Однажды Владимир Андреевич, — вспоминает А.Д.Гончаров, — задумчиво сказал: „Странная вещь. Все, что я делал, употребляя материалы, рассчитанные на вечность — сграффито и фрески, — погибло. А то, что напечатано на тонкой и достаточно непрочной китайской бумаге, живет и живет!“²⁵

Неосуществленный замысел

Известны две большие монументальные гравюры к „Слову о полку Игореве“, исполненные В.А. Фаворским спустя десять лет после выставки в Литературном музее и за два года до того, как он приступит к работе над гравюрами к своему последнему „Слову“. Это гравюры „Боян“ и „Затмение“. Они давно уже потеряли свое книжное назначение и нередко фигурируют как станковые гравюры, хотя были награвированы для послевоенного „взрослого“ издания поэмы, которое так и не было осуществлено Гослитиздатом и о котором теперь мало что известно.

Между тем помимо двух гравюр, датированных 1948 годом, сохранились рабочий макет будущего издания и несколько эскизов, позволяющих отчасти прояснить замысел этого — третьего — этапа работы Фаворского над „Словом“.

Благодаря дневниковым записям В.Н.Вакидина дату замысла можно отодвинуть на два-три года назад. Это существенно, так как переносит начало новой работы над „Словом“ к первому послевоенному году, когда Фаворский оформлял в Театре имени Вахтангова спектакль „Великий государь“, обратился к иллюстрированию книги для детей „Наша древняя столица“ и задумывал триптих „Ледовое побоище“. В биографии мастера наступала новая, уже послевоенная глава исторической темы.

Мысль о „Слове“ не оставляла Фаворского и в годы войны. Среди немногих своих главных книг, отсутствие которых особенно остро ощущалось им в Самарканде, куда забросила его война, он вспоминает и маленькое довоенное издание. „Мне очень хотелось

бы иметь здесь мои книги: „Джангар“, Данте, Толстого, Пушкина, „Слово о полку Игореве“, „Руфь“, — пишет В.А. Фаворский летом 1943 года из Самарканда в Москву М.И. Пикову, — и самому посмотреть и кому-либо показать...“²⁶. В другом письме, написанном в начале того же года, к Л.А. Бруни, он сообщает: „Первой работой, которой меня обрадовал здешний музей, был заказ портретов Невского, Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова...“²⁷. Начатая еще в годы войны, эта серия исторических портретов, исполненных темперой по левкасу, как и довоенные росписи к выставке „Слова“, известна больше по гравюрным повторениям, которые были сделаны позднее. Можно сказать, что серия „Великие русские полководцы“ была и продолжением и своего рода словом Фаворского о „Слове“ во время войны. Нетрудно обнаружить и их прямое родство. В портрете Александра Невского второй план монументального исторического образа составляет почти гравюрная цитата. Это все тот же образ „воина и коня“, который отыскал Фаворский еще на довоенных дорогах к „Слову“. Исторический образ соединился с литературным, военный — с предвоенным.

Существует и обратная связь: воздействие монументальных исторических гравюр на новый замысел иллюстрирования „Слова“. Это сказалось на самом характере иллюстраций, их масштабе, крупных планах, героизированных чертах образов. И прежде всего — образов русских князей. В гравюре „Боян“ крупноголовые фигуры князей сбиты в тесную группу, расположенную в два ряда вокруг певца (в эскизе на страницах макета Бояна слушали главным образом воины). По существу, перед нами многофигурный групповой портрет. В „Затмении“ художник выстраивает чеканный строй конных воинов, над равноголовием (почти изокефалией) которого возвышается фигура князя Игоря. Расположенная на переднем плане, она не уместается в раме гравюры, изогнутый край плаща Игоря выходит за ее пределы. И риторический жест князя поверх голов своих воинов обращен прямо к черному солнцу затмения. Впрочем, солнечный диск здесь высветлен белым штрихом, хотя мы и ощущаем за ним массивное черное. Черное выступает и как открытый цвет — в стягах, ленте орнамента, силуэтах птиц. Обычно Фаворский довольствовался карандашными эскизами, рисунки к „Затмению“ основательно проработаны тушью, ее сильные живописные контрасты потом перейдут в мощную пластику гравюры.

Дальнейший ход замысла Фаворского можно проследить только по рисункам в макете. „Макеты В.А. Фаворского всегда поучительны, — писал В.В. Пахомов, работавший позднее с В.А. Фаворским над „Словом о полку Игореве“ и „Борисом Годуновым“. — Они не только звено в работе над оформлением книги, но и своеобразная самостоятельная художественная ценность“²⁸.

Согласно макету, за „Бояном“, „Затмением“ должно идти „Выступление в поход“, правда, на рисунке нет и следа той эпической размеренности, какую мы видели в аналогичной сцене на выстав-

ср.
446
444ср.
220
224

230

227

ср.
226
186

Верхний ряд:
 441 — 442 Рельефы царского места
 Ивана Грозного („Мономахов
 трон“). 1551
 Успенский собор Московского
 Кремля

Нижний ряд:

Битва с половцами

Затмение

443—444 Гравюры В.А.Фаворского
к изданию „Слова“ 1938 г.

Затмение

445 Гравюра В.А.Фаворского
к изданию „Слова“ 1952 г.

Гравюра в две доски.

Отгиск с первой доски

Александр Невский
446 Гравюра В.А.Фаворского
из серии „Великие русские
полководцы“. 1946 (уменьшено)

ке „Слова“. Фигура князя, находившаяся в „Затмении“ у края гравюры, здесь перемещена в центр и резко выдвинута на первый план, где Игорь, подобно иконному Георгию Победоносцу, скачет на коне в развевающемся плаще, а плотная масса воинов движется позади. Дальше — бегло намеченный эскиз „Битвы с половцами“. Это не многофигурная сцена, а, скорее, ее фрагмент: Игорь и Всеволод со щитами словно вырастают на листе, составляя его крупный план. Еще дальше — опять Игорь, теперь уже раненый, один из самых монументальных рисунков в макете. Богатырское тело раненого и опирающегося на меч князя взято в резком ракурсе, по диагонали, заполняя собой почти все пространство рисунка. Можно сказать, что тема „Слова о полку Игореве“ на этой стадии истолкования поэмы персонифицирована в образе князя Игоря.

Мы не знаем, были ли эскизы к трем последующим большим гравюрам: „Святослав“, „Ярославна“ и „Бегство. Донец“, названия которых лишь обозначены карандашом в отведенных им страницах макета. Не знаем и какую роль они должны были сыграть в общем замысле издания.

Работа над этим так и не состоявшимся изданием растянулась на несколько лет. Краткие упоминания о ней то и дело встречаются в дневниках В.Н.Вакидина на протяжении четырех лет, а в одной записи, сделанной после посещения мастерской Фаворского летом 1948 года, говорится, что Владимир Андреевич показывал „новый макет „Слова о полку Игореве“²⁹“. Вероятно, это и были те самые две большие сшитые тетради, которые сохранились в семье художника. Книга задумана была в таком большом монументальном формате, каким ни раньше, ни позднее не пользовался Фаворский. Все здание будущей книги продумано художником до тонкостей, во всех деталях, включая точный подсчет строк текста и план размещения иллюстраций, заставок, буквиц и концовок³⁰. Полосные иллюстрации намечено было располагать на левой странице, что отвечало книжным правилам Фаворского. Иллюстрации должны были окаймлять монументальные орнаментальные рамы (в последующем гравюрном варианте „Слова“ такие рамы художник будет гравировать на отдельных вторых досках и печатать вторым цветом). Орнаментальное начало всегда присутствовало в книжных гравюрах Фаворского, но как самостоятельный мотив орнаментальный узор выступал раньше только в иллюстрациях к национальному калмыцкому эпосу „Джангар“, над которым художник работал перед войной, уже после своего первого (книга) и второго (выставка) вариантов „Слова“. Теперь, в третьем варианте, орнаментальный мотив, сколько можно судить по беглым карандашным арабескам в макете, должен был заполнить ту пустоту белой страницы оборота иллюстрации, которая часто остается незапечатанной и о которой Фаворский говорил, что она „помешает нам мысленно идти в глубь книги“³¹. Кроме того, художник предполагал использовать орнамент в обрамлении больших гравюр и маленьких за-

235

236

ср.
228
256

ставок. Орнаментальная архитектурная рама должна была придать каждому изображению торжественный и монументальный характер.

Здесь очевидны уроки выставки „Слова“, которые Фаворский еще до войны хотел реализовать в новом книжном варианте. („Больше всего хотел бы по-настоящему сделать „Слово о полку Игореве“, и сделать это книгой“, — читаем в записях В. Н. Вакидина 1939 года.) Однако послевоенное книжное „Слово“ было задумано в формах более монументальных, чем росписи для Литературного музея. Можно предположить, что если бы замысел Фаворского был в свое время осуществлен, то его гравюрная оратория к „Слову о полку Игореве“ заняла бы свое место где-то рядом с историческими мозаичными плафонами Павла Корина и с другими произведениями, в которых герои русской истории были представлены в ореоле славы и апофеозе победы, характерных для тех первых послевоенных лет.

„Слово о полку Игореве“ тогда читали не столько как эпическую поэму, сколько как древнерусскую воинскую повесть, героическую былину или подлинную страницу истории. Это сказалося на замысле Фаворского, так и оставшемся неосуществленным, но подводящем нас вплотную к его последнему, основному „Слову“.

Основное „Слово“

Это определение принадлежит самому В. А. Фаворскому. Среди его бумаг сохранился черновой рабочий план выставки, где наряду с „группой ранних работ“ или „группой Пушкина“ фигурирует и „группа „Слова“³². Отдельной строкой в ней значится: „Основное „Слово““.

Очевидно, художник имел в виду ту самую книгу, которая впервые была издана в 1952 году и переиздается до сих пор. Она принесла Фаворскому широкое признание, какого, пожалуй, он не знал раньше; и осталась классическим иллюстрированным изданием поэмы, оттеснив не только прежних ее иллюстраторов. Первое издание с его гравюрами, вышедшее еще до войны, было к этому времени полузабыто, второй опыт вообще не был предназначен для книги и ушел из памяти вместе с выставкой, а третий, как мы знаем, остался неосуществленным. Неудивительно, что для многих читателей последнее издание „Слова“ с гравюрами Фаворского представляется не основным, а единственным.

Об этом издании много писали в свое время, не раз писал и художник, лишь упоминая другие свои опыты иллюстрирования поэмы. Теперь нам уже не кажется, что заключительный этап работы отменил все прежние, мы признаем их самоценность, а некоторые авторы отдадут предпочтение первому изданию, где больше раннего Фаворского. Но для нас здесь важнее другое. Представить работу художника над „Словом“ как почти непрерывный творческий процесс, внутреннюю тему Фаворского, мысль о которой не оставляет его.

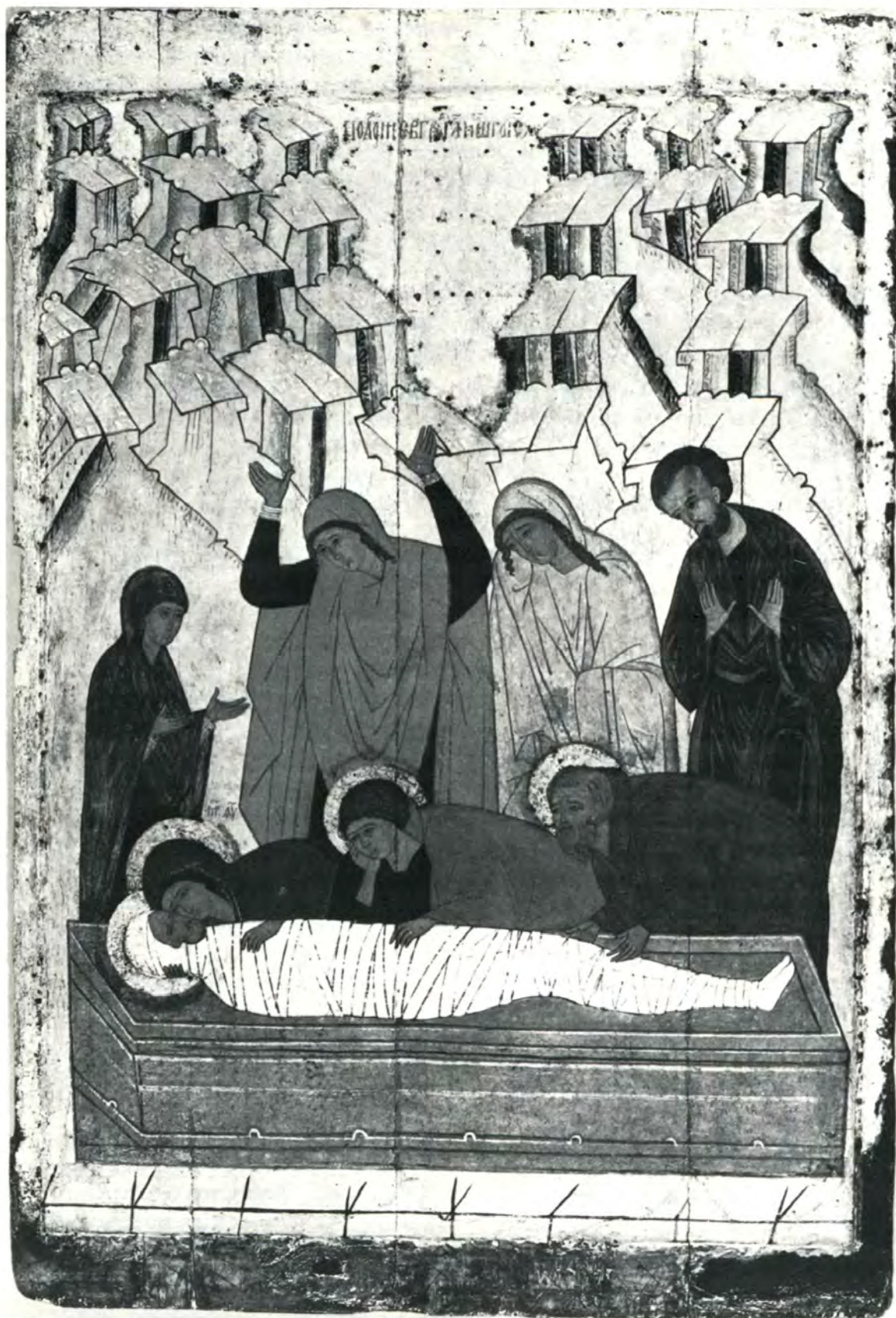
Обратимся снова к записям В.Н.Вакидина. Еще в августе 1949 года он встречается в Гослитиздате В.А.Фаворского, который приехал туда, чтобы окончательно договориться относительно „Слова о полку Игореве“, а уже через год, когда он навещает Владимира Андреевича в больнице, тот рассказывает ему о новой работе над иллюстрированием поэмы, теперь уже для Детгиза. Рассказывает вроде с увлечением, но сам еще не может расстаться с прежним замыслом, говоря, что „есть удачи, хотя это и не то“, „не тот размер“, смущает и „необходимость учитывать, что для детей“. И при этом размышляет о новой работе так, как будто он не четвертый, а первый раз приступает к „Слову о полку Игореве“. Оно по-прежнему остается для него „произведением настолько прекрасным, что очень трудно до его высоты подниматься“.

И все же именно это, последнее, „Слово“ Фаворского стало наиболее полным гравюрным переложением поэмы. Этому в немалой степени способствовал литературный замысел издания, подготовленного под редакцией и при ближайшем участии Д.С.Лихачева. Ему предшествовало научное издание „Слова о полку Игореве“, выпущенное в серии „Литературные памятники“ в 1950 году к 150-летию юбилею его первого издания³³. (Собственно, и детгизовское издание предполагалось к юбилею, но работа над гравюрами задержала его на два года³⁴.) Издание „Слова“ в „Школьной библиотеке“ тоже было многослойным и окружено необходимым „текстологическим конвоем“ (определение Д.С.Лихачева³⁵.) В краткой и доступной форме оно по-своему отвечало тому типу публикации произведений древнерусской литературы, который характеризуется как путь соединения издания памятника с его исследованием³⁶.

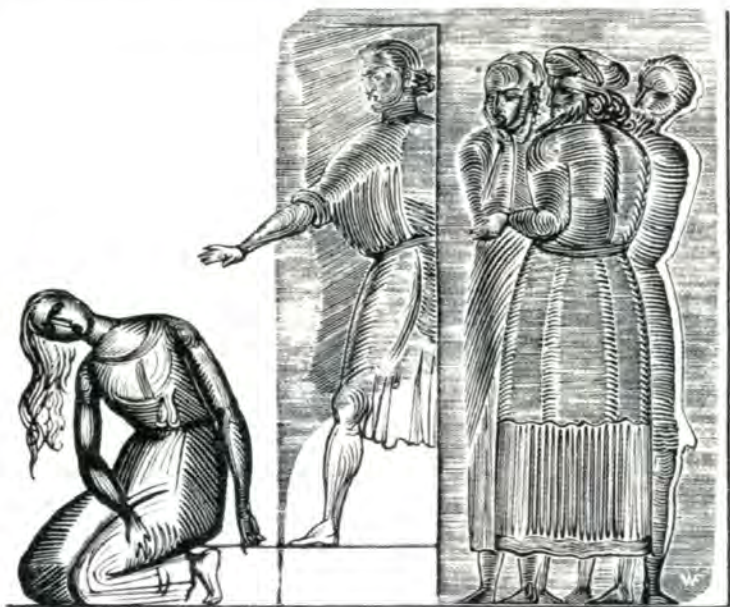
Книга открывается вступительной статьей „Золотое слово русской литературы“ Д.С.Лихачева и заканчивается его „Объяснительным переводом „Слова о полку Игореве“. Она включает также поэтические переложения „Слова“, одно — классическое, А.Н.Майкова, другое — новое, Н.А.Заболоцкого, предназначенное специально для этого издания, но опубликованное раньше, из-за его задержки, в „Литературных памятниках“. (Гравюры к приложениям, украшения и шмуцтитулы были исполнены одним из ближайших учеников В.А.Фаворского — М.И.Пиковым³⁷, которого он привлек к этой работе.)

Но главной отличительной чертой издания было то, что в нем параллельно были помещены текст „Слова“ на древнерусском языке, языке подлинника, и его современный прозаический перевод. Для этого „текст „Слова о полку Игореве“ разбит на абзацы и на ритмические единицы. Этой разбивки в подлинной рукописи „Слова“ также не было. В русских рукописях XI—XVII веков текст писался в сплошную строку — в том числе и текст поэтический“³⁸.

Какая же роль в этом замысле была отведена гравюрам? Д.С.Лихачев вспоминает: „Решение сделать новые гравюры было вызвано тем, что текст „Слова“ должен был печататься с левой

Положение во гроб
447 Икона. Конец XV в.
Новгородская школа

Верхний ряд:

Фамарь

448 Гравюра В.А.Фаворского
к драме А.Глобы „Фамарь“. 1923

Нижний ряд:

Руфь

449 Гравюра В.А.Фаворского
к „Книге Руфь“. 1924

Дева

Плачущие жены

450—451 Гравюры В.А.Фаворского
в две доски к изданию „Слова“ 1952 г.
Оттиски с первых досок

452 Дева
Подготовительный
рисунок В. А. Фаворского
для гравюры к изданию
„Слова“ 1952 г.
(Набросок с М. В. Фаворской)

453 Плачущие жены
Набросок В. А. Фавор-
ского для неосуществленной
гравюры к изданию „Слова“ 1938 г.
454—455 Эскизы В. А. Фаворского
к левкасной доске для выставки
„Слова“ 1938 г.

стороны разворота, а перевод — с правой, с тем чтобы каждой строке текста строго соответствовали строки прозаического перевода, который составлял я. В этих условиях иллюстрации должны были помещаться не на одной из страниц, а на развороте. Идея таких „широких“ иллюстраций, охватывающих единой композицией обе страницы разворота, захватила В.Фаворского...³⁹.

Небезынтересно, что такой замысел отвечал собственным, давно выношенным идеям художника. Несколькими годами раньше, безотносительно к детгизовскому изданию, Фаворский еще на первой стадии работы над иллюстрированием „Слова“ для Гослитиздата предлагал „поместить подлинный древнеславянский текст рядом с современным...“ (запись В.Н.Вакидина от 5 января 1946 года). Трудно сказать, как бы распорядился тогда Фаворский своими гравюрами, если бы встретил понимание. Во всяком случае, рабочий макет 1948 года не содержит и намека на такой двойной текст. Замысел художника и замысел издания сошлись только теперь, в книге для „Школьной библиотеки“.

Самый текст в этом издании предполагал двойное чтение: на одном или параллельно двух языках и соответственно этому — по вертикальному столбцу одной страницы или по горизонтали сразу двух. Такому считыванию строк древнерусского текста и дословного современного перевода как нельзя лучше помогали повторяющиеся разделительные знаки в виде гравюрных украшений и особенно симметрично расположенные парные гравюры. Их можно назвать „гравюрным текстом“ книги. Роль его здесь двоякая. С одной стороны, разворотная гравюра зрительно закрепляет в книге „счет на два“: два текста, две страницы, разворот. С другой — обладая единой композицией, такая гравюра возвращает читателя к „Слову“ как единому тексту.

То, что единицей измерения оказалась здесь не книжная страница, а книжный разворот, отвечало давно сложившемуся пониманию Фаворским законов архитектоники книги. Правда, в таком виде он применял их раньше главным образом при решении титульных листов („Новогодняя ночь“, „Рассказы о животных“). Здесь, в „Слове“, он перенес сходный принцип не просто внутрь книги, а в разрез текста (потом он введет разворотные гравюры в „Маленькие трагедии“ — последнюю свою работу в книге).

Таких, как их называл Фаворский, „длинных гравюр“ в книге шесть:

- „Выступление Игоря в поход. Затмение“, 248
- „Первое сражение с половцами“, 277
- „Златое слово“ Святослава“, 336
- „Плач Ярославны“, 382
- „Разговор Игоря с Донцом“, 398
- „Возвращение Игоря“, 411

Они тянутся вдоль книги, образуя подобие некоего книжного фриза, который имеет свое начало и свой конец. Первый разворот, „Затмение“, поставлен над текстом как гравюрный зачин, заставка. Последний — „Возвращение Игоря“ — сделан более узким и опущен вниз как монументальная концовка. Сама протяженность

парных иллюстраций возвращает гравюрному переложению поэмы ту неторопливость эпического повествования, которая была утрачена в предыдущем замысле, сколько можно судить по макету неосуществленного издания. Но повествовательность более широкого характера по охвату содержания поэмы, чем это было на щитах довоенной выставки „Слова“. Если мысленно перевести книгу на одну плоскость, представив ее в виде свитка, то мы увидим две параллельные дороги текста с путевыми знаками гравюрных украшений, с короткими остановками в пути у разворотных гравюр, со сторожевыми заставами в виде мелких гравюр, расположенных по краям, на белых полях страниц. Двигается и сам текст во главе с фигурными буквицами со стягами или воинами. Здесь выразилась та объективность искусства Фаворского, которую Л.А.Бруни, безотносительно к „Слову“, определил такими словами: „Когда он делает книгу, то для него все элементы книги оживают; он как бы только наблюдает за жизнью этих элементов со смысловой и формальной стороны, являясь соучастником этой книги“⁴⁰.

Только в одном случае возникает длинная пауза — дорогу преграждает гравюрный разворот, помещенный без текста, на полный формат страниц. Это центральная гравюра „Битва с половцами“. Она напоминает фронтиспис или титульный разворот не только одинаковым квадратным размером досок, она и построена почти по их правилам. В левой части движение остановлено фигурой Игоря и высоко поднятым черным стягом, в правой оно обращено и назад и вперед, в противоположную сторону, куда скачет Всеволод на коне. Иначе было невозможно восстановить движение по самой книге. Перенесение такого картинного разворота внутрь книги проясняет то, что было заметно и раньше. Гравюры в этом издании приобретают характер картин. Описывая их, сам Фаворский говорил: „первая картина... вторая... третья...“ Но, развернутые на две страницы, эти картины имеют книжный шаг. Если их вынуть из текста и рассматривать как отдельные оттиски, мы все равно должны будем их сблизить друг с другом и переводить взгляд с одного на другой, мысленно представляя их в одном пространстве.

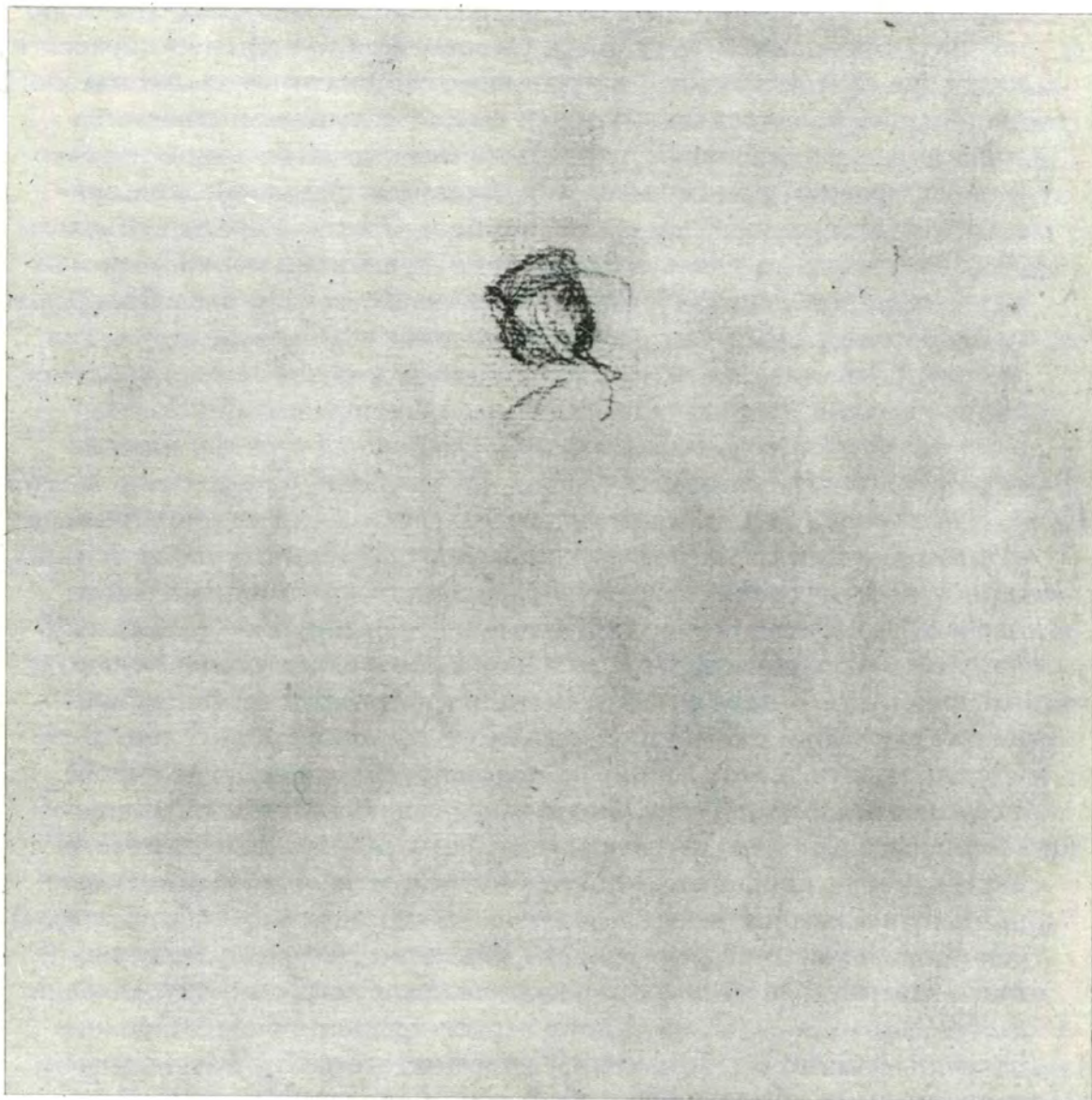
Это своего рода „двойные портреты“: человека и природы. С природой „разговаривает“ не только Игорь, оказавшись на берегу Дона, но тот же Игорь в сцене „Затмение“; в аналогичной гравюре 1948 года пейзаж был закрыт плотным строем воинов. „Разговаривает“ Ярославна, обращаясь к солнцу. В росписи для выставки пейзаж проходил мимо, за оградой крепостных стен, здесь он как бы остановлен солнцем и внимает Ярославне. Сам Фаворский называл этот пейзаж „подходящим собеседником для ее вопросов и просьб“. В этих „разговорах“ человека с природой происходит своя смена планов: крупного и общего, общего и крупного. В левой гравюре излучина реки с лодкой взята с какой-то высокой точки, панорамно, в правой — фигура Игоря на берегу, напротив, едва умещается в раме гравюры. Она

ср.
299
247288
289ср.
259
230ср.
217

391

408

409

Плач Ярославны
456 Нарбросок для гравюры
к изданию „Слова“ 1938 г.
Лист из альбома В.А.Фаворского

Плач Ярославны
457 Подготовительный рисунок для гравюры к изданию „Слова“ 1938 г.
Лист из альбома В.А.Фаворского

Плач Ярославны
458 Подготовительный ри-
сунок В.А.Фаворского для гравюры
к изданию „Слова“ 1938 г.

монументальна и в то же время лирична. По выражению М.В. Алпатова, „мы как бы вплотную подходим к герою, словно сидим рядом с ним на высоком берегу в тени дерева“⁴¹. Пейзаж вносит то протяжное песенное начало, которое так отличает эти гравюры. Здесь велика и роль орнамента.

Еще гравюры 1948 года имели черно-белые орнаментальные рамы, теперь вся партитура орнамента дана цветом, но не красным, как в первом „Слове“, а более мягким, терракотовым. Орнамент здесь — это отдельная, специально награвированная доска. Второй, параллельный текст гравюры. Правда, орнамент предусмотрен уже на первой доске, предназначенной для печати черной краской. Черно-белый штрих заползает в цвет, выходя за раму первой доски в виде то дерева, то птицы, то просто завитка. Если украшения, буквицы напечатаны цветом с одной доски, то орнаментальные рамы — с двух, образуя сложное соединение черно-белой и цветной гравюры. Страницы книги, таким образом, озвучены цветом, что оправданно здесь, так как текст печатался в этом издании и на древнерусском языке, хотя и современным по начертанию шрифтом.

Обрамляя изображение снизу и с внешних краев (сверху и внутри, там, где стыкуются картины, такое обрамление отсутствует), орнаментальная рама раскрывает замкнутую картинную форму наружу. Правильнее было бы сказать, что орнамент прорастает у подножия основного изображения, продолжая и договаривая его, но уже на своем языке. Позволяет перевести реальный пейзаж в отвлеченный узор. Или, вынося черных птиц в орнаментальную среду, придает им геральдический смысл, делая их фигурами и гравюры и белого пространства книжной страницы. В орнаменте художнику легче было сохранить поэтический словарь символов и аллегорий. Как он это и сделал в центральной „Битве с половцами“, где ее исход и судьба русских князей читаются за кадром гравюры, в орнаментальных фигурах полоненных соколов.

Орнамент определяет и место действия, соответственно с этим меняя свой характер. В „Затмении“ он растительный, в „Первом сражении с половцами“ напоминает восточную кошму, в „Златом слове“ Святослава — архитектурный, составленный из ряда арочных проемов и башенок (действие происходит в хоробах киевского князя). Но может быть и отвлеченным, геометрическим. Смысл такого орнамента у нижнего края гравюры „Битва с половцами“ проясняет запись (от 15 января 1945 г.) В.Н. Вакидина о посещении Исторического музея вместе с В.А. Фаворским, который обратил внимание на „торцовый“ орнамент („стремящийся на нас“) на одном из древних черепков.

Сохраняя плоскость страницы, орнаментальная рама не только дает возможность углубить черно-белую гравюру, но, говоря словами Фаворского, позволяет „прикрепить изображение к месту“ и „возбудить его издали“⁴². Здесь это особенно важно, так как художник, развертывая движение, широко пользуется ракурсами и фрагментацией фигур, хотя они всегда у него, по наблюдению

254—
259316—
319258
288

347

318

319

скульптора Сергея Коненкова, „стоят как влитые“. Орнаментальную форму Фаворский придает и гравюрам на полях. Нередко пускает орнаментальный мотив как намек на пейзаж. Строй русских воинов с копьями и стягами образует подобие орнаментированного колчана для стрел, не говоря уж о воинских атрибутах. Даже побег Игоря из плена, откуда он бежит то соколом, то серым волком, не обходится в его гравюрах без орнаментального мотива. Орнамент делает мельчайшие изображения вещами книжного мира. Соединяет музыкальность ритма с повествовательностью рассказа.

349
393

Издание 1952 года имеет не столь уж много общепринятых признаков книги для детей. Хотя Фаворский, думая о детях, старался истолковать поэму ближе к истории и ближе к природе. Не все из задуманного удалось осуществить. Орлы и волки, а не воины на конях, словно это только воинская повесть, должны были первоначально быть на переплете. Приходилось, считаясь с требованиями редакторов, переделывать и уже готовые гравюры⁴³. Детское в гравюрах проступает по-разному. Воины в левой части гравюры „Выступление в поход“ подобны пушкинским „тридцати трем богатырям“. Ради детей был, очевидно, введен и совершенно сказочный оборот, заключительная сцена, рисующая мирный исход действия. Интересно, что „Возвращение Игоря“ начисто отсутствует на прежних этапах иллюстрирования Фаворским „Слова“. Впрочем, эта сцена была в ту пору близка не только детям. „Многим нравится последняя, где Игорь возвращается“, — рассказывал художник.

И все же эта книга сделана именно для детей, правда, не столько в законах жанра детской книги, сколько в другом, скорее этическом, смысле. Предназначенная для детей, она еще и пересказана детям словами самого В.А.Фаворского. Посвятив работе над этой книгой отдельную главу своих „Рассказов художника-гравера“, он, подобно летописцу, неторопливо рассказывал о событиях вокруг каждой из гравюр, стараясь дополнить их начатками исторических знаний. В его гравюрах есть это обжитое до мельчайших деталей пространство русской истории. Есть толковательный смысл, есть поэтичность и бесхитрость исторической притчи.

На этом издании заканчивается работа Фаворского над „Словом о полку Игореве“. Правда, сам художник не считал ее окончательной и всякий раз, когда говорил о поэме, не забывал добавлять, что „Слово“ неисчерпаемо...“.

Реалии истории и гравюрные образы

За многие годы иллюстрирования „Слова о полку Игореве“ В.А.Фаворский так свыкся с ним, что каждый последующий

459 Богоматерь Великая
Панагия (Оранта). Около 1224 г.

460 Плач Ярославны
Подготовительный рисунок В. А. Фаворского для гравюры к изданию „Слова“ 1938 г.

Плач Ярославны
461 Гравюра В. А. Фаворского в две доски к изданию „Слова“ 1952 г.
Оттиск с первой доски

вариант казался продолжением предыдущего, одним делом, одной работой. И хотя, как мы видели, четыре этапа его работы—это отдельные главы биографии художника, но вместе они составляют особый мир, в котором есть свои связи, свои сквозные мотивы, свои ходы сообщения, где есть историческое время „Слова“ и „время Фаворского“.

В одном из его домашних, рабочих альбомов, среди рисунков, опознанных и неопознанных, между эскизом к знаменитой в свое время театральной постановке „Двенадцатой ночи“ и вариантами обложки каталога „Общества русских скульпторов“ наталкиваешься вдруг на беглые карандашные наброски Ярославны. Сначала ее головка, потом, на другом листе, легкий, скользящий силуэт возле башен Путивля. Ярославна выбегает на помост, как на сцену, только входя в свою роль. Следующая ступенька образа, другой набросок, вероятно, из того же альбома, хранится в Гравюрном кабинете Музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина. Это все первые рисунки вокруг первого, малого издания „Слова“, вышедшего летом 1938 года с гравюрами Фаворского.

456—
458

Для понимания всякого художественного произведения немаловажно, какая строчка у автора была первоначальной, нередко она становится камертоном и определяет характер всей вещи. Можно думать, что „Слово“ для Фаворского и начиналось с Ярославны. Такое предположение не совсем случайно, если вспомнить о том, какое место занимает идеал доброты и кротости, смирения и нравственной силы в творчестве художника, и выстроить линию его главных женских образов. Тогда Ярославна окажется где-то около библейской Руфи, или возле юной Беатриче из „Новой жизни“ Данте, или рядом с современной „Мадонной с младенцем“ на фреске Музея охраны материнства и младенчества. Едва ли не на всех этапах работы художника над „Словом“ Ярославна останется главной не только потому, что занимает такое место в поэме,—больше других образов она отвечает духу древнерусской традиции, как ее понимал Фаворский.

Собирание древней русской культуры перед Великой Отечественной войной и особенно после нее проходило под знаком „Слова о полку Игореве“, и к нему обычно подверстывали те памятники архитектуры или живописи, в которых отыскивались следы героического или непосредственно воинские реалии. Фаворский за „Словом“ видел еще и другое—„монументальную лирику“. В его гравюрах можно вычитать не только образы Дмитрия Солунского или „батальные“ рельефы Мономахова трона, но и „Ярославской Оранты“ или новгородского „Положения во гроб“, вплоть до „Троицы“ Андрея Рублева, одного из ангелов которой он награвировал для Загорского музея в годы своей работы над „Словом“.

441
442
459
447

Многие годы жизни Фаворского были связаны с Загорском. Здесь он жил, здесь выросли его сыновья, старший из которых, очень талантливый, Никита, тоже был увлечен историей, гравировал

виды Троице-Сергиевой лавры и иллюстрировал „Капитанскую дочку“⁴⁴. Кажется, последнее „Слово“ Фаворского сделано тоже с воспоминанием о годах в Загорске. Архитектура Лавры, иконы письма Андрея Рублева, богатейшая ризница Троицкого собора, где хранилось древнерусское шитье, рукописи, прикладные изделия были для художника открытой книгой.

В.А. Фаворский читал историю не по одним лишь произведениям, которые ему приходилось иллюстрировать, но и по летописям, древним текстам. Рассматривая рабочий макет „Слова“, сшитый наподобие будущей книги, видишь, что и текст Фаворский размечал по языку оригинала, не нуждаясь в переводе. Уже специально для „Слова“ изучал шрифт и орнаментику древних рукописей в Рукописном отделе Ленинской библиотеки и в Историческом музее, хотя многое из этого или подобное видел раньше, знал „в лицо“. Сохранились его тетради с целыми страницами таких зарисовок „буквиц на одну букву“ из „Добрилова Евангелия“ или „Троицкого кондакаря“⁴⁵ (последний Фаворский мог видеть еще в Троице-Сергиевой лавре, где он хранился до конца 1920-х годов). Потом Фаворский преобразует их в фигурные гравюры, усадив воинов, птиц или повесив стяги на мачты букв, и поместит в книге („Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле“).

Когда Фаворский иллюстрировал „Бориса Годунова“, то обращался прямо к современнику Смутного времени—„летописной книге“, приписываемой князю И.Катыреву-Ростовскому, отыскивая „словесный портрет“ нужных ему исторических персонажей. Когда делал гравюры к „Слову“—перечитывал летописи о походе Игоря: „летопись в некоторых чертах конкретнее рассказывает об этом походе“. В гравюре „Битва с половцами“ раненый Игорь снимает шлем, чтобы дружинники его узнали и собрались вокруг,—подробность, которая отсутствует в тексте поэмы и известна только по Ипатьевской летописи. „Тогда по божьей воле ранили Игоря в руку и омертвела его рука. И опечалились все полку его: был у них воевода и ранили его прежде других. И так ожесточенно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в русских полках. Когда же настала ночь субботняя, все еще шли они сражаясь. На рассвете же в воскресенье вышли из повиновения ковуи и обратились в бегство. Игорь же в это время был на коне, так как был ранен и поспешил к ним, пытаясь возратить их к остальным полкам. Но заметив, что слишком отдалился от своих, сняв шлем, поскакал назад к своему полку, ибо уже узнали его...“⁴⁶.

Работа над „Словом“ прежде всего выдает в Фаворском художника, наделенного чувством исторической памяти. Он и раньше ощущал себя в истории. То был библейский эпос „Книги Руфь“ или „Фамари“, либо русский XVIII век в гравюрах к повестям о Петре I или Ломоносове, либо эпос революции и гражданской войны. Обращение к началу русской истории отвечало глубокой склонности Фаворского к Древней Руси. „Слово“ начинается длинный ряд работ Фаворского на темы ранней русской истории,

Верхний ряд:

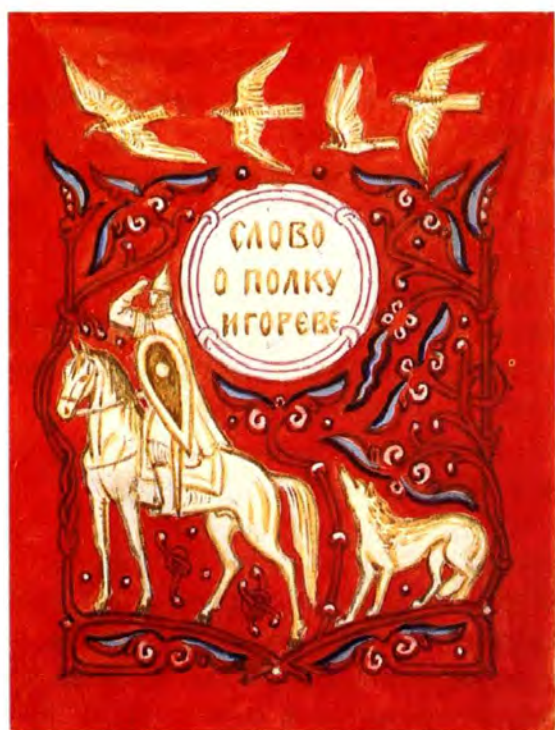
Волки и соколы

Воин на коне

Воины на конях, волки

и соколы

462—464 Подготовительные
рисунки В. А. Фаворского
для переплета к изданию
„Слова“ 1952 г.

Нижний ряд:

Волки и соколы
 Воин на коне и волк,
 соколы
 Воины на конях
 и соколы

465—467 Эскизы В.А.Фаворского
 для переплета к изданию
 „Слова“ 1952 г.

которые тянутся одна за другой до конца жизни художника.

Почти минуя традицию XIX века, который не был так чувствителен к древнерусскому, как наше время, Фаворский через „Слова“ прямо обращался и искусству Древней Руси.

Установление связей с реалиями эпохи „Слова“ имело для бытия этого памятника особое значение: „подлинная рукопись по своему почерку весьма древняя“ (как говорилось в предисловии к первому изданию „Слова“ 1800 года) дошла до нас в виде книги, тяготевшей к формам книжности XVIII века. Вернуть памятник на свое историческое место значило освободить его от позднейших наслоений. Этим можно объяснить и опыты полухудожественного-полудокументального его иллюстрирования памятниками искусства и материальной культуры—подлинными реалиями XII века, века „Слова“⁴⁷ (опыты, которые продолжаются до сих пор)—и появление всякого рода графических стилизаций, вплоть до попыток имитации „Слова“ под древнерусскую рукописную книгу, как это делали, например, художники-палешане.

Вместе с тем новому этапу исторической иллюстрации, который наступил еще в канун войны и в литературе, и в кино, и собственно в книжной иллюстрации, больше отвечало чтение сквозь памятник, сквозь литературное произведение, прямой (теперь он кажется нам прямолинейным) выход на страницы отечественной истории. „Странных для нашего духа летописных оборотов речи, фантастической графики, ранних миниатюр“ было недостаточно Сергею Эйзенштейну, постановщику знаменитого в те годы фильма „Александр Невский“. „А как ходили в XII веке? Как говорили, как ели, как стояли? Неужели застилизовать экран под обаятельные горельефы бронзовых ворот Софийского собора, даже несколько более молодой Кенигсбергской летописи? Как „расправиться“ с костюмами, невольными диктующими „иконописный“ жест новгородского письма?“⁴⁸ „Подлинный музыкальный материал XIII века,—полагал и автор музыки к фильму Сергей Прокофьев,—стал чужд нам в эмоциональном отношении...“⁴⁹.

Примерно те же проблемы стояли тогда и вокруг „Слова о полку Игореве“. Говорили, что надо „языковую эмоциональность „Слова“ отразить на эмоциональном экране нашей эпохи“⁵⁰. Правда, Иван Новиков, автор не только поэтического перевода поэмы, который иллюстрировал Фаворский, но повести и стихов о „Слове“, где он писал про „хмель веков“, про „память былого“, которой „полна моя земля“, был внимательнее к словесным реалиям памятника, желая сохранить „некоторый налет старины“⁵¹. Фаворский был в стороне от этих споров, хотя много позднее, в разговорах с В. Н. Вакидиным, как-то обмолвился, что „переводы „Слова“ с древнерусского обычно портит размер (хорей, ямб)... исчезает нечто свободное, живое...“. Стиль литературного произведения, а не налет старины был для него неизменным условием гравюрного прочтения. (Другое дело, что в то время не очень различали „стиль“ и „стилизацию“, и росписи Фаворского

к выставке „Слова“ упрекали за „неодухотворенность“⁵².) Чувство стиля предохраняло его от исторической бутофории и от противоположного — разрушения исторической рамы.

Из всех литературных жанров совсем не случайно ближе всего Фаворскому оказался эпос. Начинаящая его заметки фраза: „Я очень люблю эпическую поэму „Слово о полку Игореве“ — печатается обычно без прилагательного, а оно есть в черновиках и для него существенно. Высокий строй чувств, огромная территория, населенная событиями, разными во времени и в пространстве, все это — прямой аналог его философии гравюры, где на одном листе, одной плоскости тоже совмещены далековатые понятия, на языке Фаворского — „разнопространственное“ и „разновременное“⁵³. Собственно, всю жизнь он выстраивал свой гравюрный эпос. Вспоминая одну из его ранних гравюр серии „Годы революции“, Ефим Дорош писал: „От этой прекрасной работы... влечешься памятью к „Слову о полку Игореве“⁵⁴. Новое заключалось в том, что теперь Фаворский перешел к постижению национального, исторического. Закономерно, что работе над древнерусским эпосом сопутствовало иллюстрирование им калмыцкого эпоса „Джангар“ и киргизского — „Манас“. Задача постижения эпоса как особого жанра позволила ему по-своему сочетать поэтические символы и исторические реалии.

Фаворский обращался к историческим реалиям, но перефразировал их на свой гравюрный лад, выстраивая зримый план поэмы согласно своему пониманию пространства и духа эпоса.

Пространственное понимание им эпоса как силуэта, жеста („даже печаль Ярославны выражается в действии“) относится еще к

Инициалы „Добрилова
Евангелия“. 1164

468 Лист из альбома
В.А.Фаворского. 1950—1951

Инициалы С, А

469—470 Гравюры В.А.Фаворского
к изданию „Слова“ 1952 г.
Оттиски

довоенному „Слову“. В этом смысле можно сказать, что с каждым новым вариантом Фаворский разворачивал действие в фас, на зрителя. К силуэту Фаворский прибегал и раньше, в гравюрах к „Домику в Коломне“ Пушкина и к „Рассказам“ Б. Пильняка, но там силуэт был решен как тема черного и белого, черной массы пятна и воздуха белого листа — одной из главных проблем его графики. Здесь, в „Слове“, эта проблема остается, но черное (напечатанное красной краской) еще прочтено и проработано белым штрихом. „Белым штрихом на черном, — пояснял Фаворский, — легко передать яркую молнию, блеск воды... блеск оружия и кольчуг“. Тем самым белый штрих, штрих на черном, создавал особую фактуру, шум или звук, привнося в изображение некое орнаментальное начало, которое для Фаворского было подобием музыкального. Потом, в левкасах для выставки, роль орнамента будет выполнять не само изображение, не только буквы, а сами доски-страницы „Слова“, написанные древнерусским полууставом. В последнем варианте Фаворский будет гравировать уже отдельные доски как целые орнаментальные рамы, куда он заключит каждую разворотную иллюстрацию. Когда он перейдет к развернутому повествованию, к сценам и картинам, теряя в символике, орнамент должен будет не только удерживать их на страницах книги, но сохранять в раме истории и в границах жанра поэмы.

В сущности, у Фаворского нет очень уж замысловатых символов. Еще в первом „Слове“, где образы поэмы выстроены в кратких аллегориях, смысл их прочитывается и ясно соотнесен с текстом. Но соотнесен особым образом, который Д. С. Лихачев, применительно к тексту, называет „поэтикой внутренней повторяемости“⁵⁵. Так и Фаворский дважды повторяет заставки с изображением куста чертополоха (для него это чужая, „незнаемая земля“, символ половецкой степи); трижды — атрибуты русского воинства:

471 Инициал С
Гравюра В. А. Фаворского
к изданию „Слова“ 1952 г. Оттиск

472 Инициал С
Фрагмент листа
из „Киевской псалтири“. 1397

шлем, лук, меч и секиру (они служат гравюрным зачином и к „Выступлению Игоря в поход“, и к „Златому слову“ Святослава“, и к „Возвращению Игоря из плена“). Эти гравюрные рефрены роднят „Слово“ с устной традицией. 168

Вероятно, можно составить и „частотный словарь“ его гравюрных повторений. Украшениями Фаворский не только выкладывал орнамент страниц, они содержат и некий иллюстративный смысл: и нитка бус, и перстень, и братина в виде утицы—в первом издании; и плетенка, узел, фибула—в последнем, как замкнутая и сомкнутая форма, как предметы согласия, они по-своему тоже знаменуют тему единения, главную в тексте „Слова“. Так или иначе, все эти гравюрные рефрены сближают книжное „Слово“ с песнью. 65 — 100 293

Дальнейший путь озвучивания „Слова“ изменил масштаб работы Фаворского и вышел за рамки книги, хотя он не делал большого различия между гравюрой и фреской, был монументален и в малом. Замысел „Слова“ у Фаворского разрастается. Буквально через полгода после первого, маленького „Слова“, как мы уже рассказывали, он со своими учениками пишет темперой на огромных левкасных досках текст и иллюстрации поэмы. Левкасные доски не сохранились, от выставки осталась только папка с большими, почти метровыми эскизами. Между тем выставка была заметной, оказалась одной из первых исторических выставок в свое время.

Годы работы Фаворского над „Словом“ пришлись на время перед войной и время сразу после нее, и она внесла свои коррективы в истолкование древнего эпоса. Само „Слово о полку Игореве“ сошло тогда со страниц хрестоматий по древнерусской литературе, став рядом с „Бородино“ или „Войной и миром“. История вплотную придвинулась к современности.

Вспомним образ „воина и коня“, о котором мы уже говорили и который отыскал Фаворский еще на довоенных дорогах к „Слову“. Маленькая гравюра, которая впервые появилась на фронтисписе „Слова“ 1938 года, стала эпитафией ко всем будущим работам Фаворского о „Слове“. Черный силуэт коня и воина с длинным копьем в руке, воина, будто вросшего в землю, но готового „вступить в стремя“, что означало—выступить в поход. Фронтиспис населен еще множеством символов „Слова“—вестников затмения. Но кроме того, это единственная из всех гравюр в книге, напечатанная черной краской, все другие, как в древнерусской книге,—красной, и потому, подобно черно-белому кадру в цветном фильме, она кажется такой неожиданно суровой. Эта гравюрная миниатюра читается эпитафией не только к поэме XII века. 5

Весь путь работы Фаворского к „Слову“ можно выстроить как путь от гравюрной символики к гравюрному повествованию. Это коснулось и образа Автора. Еще до войны у Фаворского существовали гравюры с изображением воина с гусями, исполненные, правда, не для „Слова“, как это принято думать, а к пове- 431— 440

сти об авторе „Слова“. Это были гравюры вокруг, около „Слова“, или, по определению М.В.Алпатова, „в духе „Слова“⁵⁶. Такой гравюрный зачин мог бы еще больше сблизить книгу Фаворского с древнерусской книгой, которая, как известно, нередко открывалась изображением евангелиста. Но для издания, оставшегося неосуществленным, художник гравюрует не Автора, а Бояна. Образ вещего старца с гуслиями в руках был канонизирован традицией русской исторической картины и впервые появляется у Фаворского еще в левкасах, где он как раз ближе всего к этой традиции. Боян наглядно входил в число образов поэмы, в то время как образ Автора присутствовал только прямой речью, голосом. Именно в этом направлении, к „озвучиванию „Слова“, как мы уже знаем, двигался Фаворский. И неудивительно, что в гравюре к неосуществленному изданию 1948 года он отказывается от эскиза, где Боян изображен в виде певца, которого „слушают“. Слушают, как говорил сам Фаворский, „князья Галицкие, и Новгородские, и Киевские, и Московские, и Ростовские, и Тверские“. Так в гравюрную интерпретацию вошел мотив произнесения „Слова“, соборности его исполнения и восприятия. „На заре русской поэзии процесс поэтического творчества ничего общего с грамотой не имел,—писал позднее переводчик „Слова“ Николай Заболоцкий.—Не рукопись лежала перед песнетворцем, но гусли...“⁵⁷.

Только в последнем варианте „Слова“ Автор возьмет в руки гусли и займет свое место на фронтисписе⁵⁸. Это не повторение довоенной гравюры, теперь перед нами не одиноко сидящая фигура воина с гуслиями. Автор—и соучастник битвы, и рассказчик в кругу князей и дружинников. Словно повинувшись его слову и жесту, тут же, на втором плане гравюры, раскинулся шатер, летят птицы, выступает в поход дружина Игоря.

Фаворский использует здесь свой метод движущегося фона, который так или иначе применял он и в гравюрах „Годы революции“, где, согласно революционному приказу, мчалась красная конница, или в портрете Кутузова, где за его плечами маршировали русские полки.

Гравюра на фронтисписе „Слова“ хотя и заключена в орнаментальную раму, но не замкнута в ней. Изображение выступает за ее край в направлении титульного листа. Туда движется дружина Игоря, туда, к титульному листу, который Фаворский называл „дверью в книгу“⁵⁹, обращен и жест руки Автора „Слова“. Буквенная композиция здесь тоже заключена в рамку, она, как средник в русской житийной иконе, окружена мотивами „Слова“, которые мы встретим и дальше, в книге. Копья и стяги, лебеди и соколы. Есть здесь и фигуры плачущих жен.

Мотив плача, оплакивания, вынесенный прямо на титульный лист, стал одним из главных в послевоенном „Слове“, как тема гравюрного реквиема. Очевидно, это получилось не только согласно тексту поэмы. В двух последних вариантах Фаворский шел за „Словом“ на расстоянии года или двух-трех от последней войны,

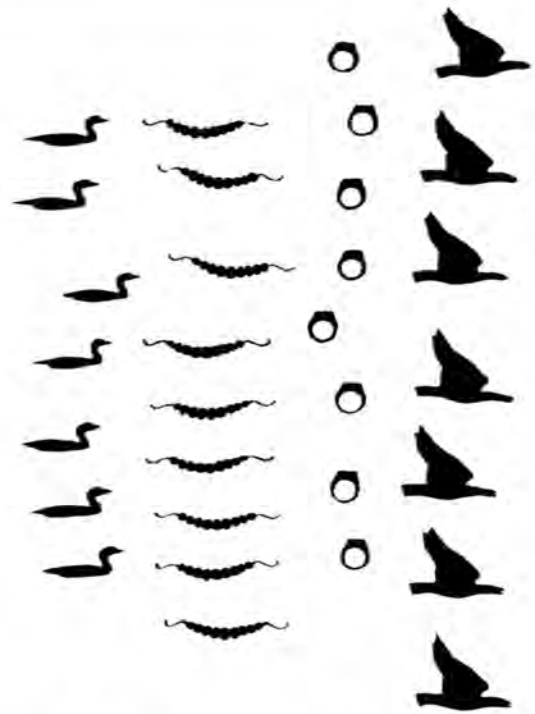

с которой не вернулось двое его сыновей. Две маленькие гравюры на полях—но сколько вариантов! Один из них он довел до доски, нарезал, а потом отложил, доска и теперь лежит нетронутой в доме Фаворских, в то время как другие буквально забыты краской. Для этой гравюры он просил позировать свою дочь, рисуя ее то коленапреклоненной, то обхватившей руками голову. Дыхание войны, может быть, нигде так непосредственно не коснулось его работ, как в этих набросках. Рассматривая их (многие из них были уже разлинованы для перевода на доски), словно ощущаешь те усилия, которые делал мастер, чтобы сохранить живое чувство и подняться выше, освободиться от слишком конкретного жеста, излишних эмоций, лишних подробностей и выйти к сдержанному достоинству эпоса.

Плач, оплакивание как самостоятельный мотив в довоенном книжном „Слове“ у Фаворского остался среди набросков. Он впервые появится у Фаворского только на одном из щитов выставки, а потом в эскизе на странице макета 1948 года, где торжественно звучит целый хор плачущих. В довоенных гравюрах плач читался за скобками заставок либо с изображением поля после битвы, либо— „пониженных“ стягов. Либо роль его была передана Ярославне, ее тонкому силуэту, чуть откинутаго назад, с воздетыми кверху руками,—как на иконах „Ярославской Оранты“ или новгородского „Оплакивания“,—обращенными с мольбой скорее к небу, чем к родной земле⁶⁰. И на левкасной доске в этой фигуре тоже больше порыва, хотя здесь уже и появляется пейзаж, но еще как фон. (Правда, доска с Ярославной здесь выделена, перенесена в

473 Инициал Р
Фрагмент листа
из „Евангелия Хитрово“.
Начало XV в.

474—475 Инициалы А, Н
Гравюры В.А.Фаворского
к изданию „Слова“ 1952 г.
Оттиски

Утица, нитка бус,
перстень и лебедь
476 Гравюры В.А.Фаворского
к изданию „Слова“ 1938 г. Оттиски

конец фриза, после сцены бегства Игоря из плена, нарушая тем самым последовательность чтения.) И лишь в последнем варианте 430
руки Ярославны простерты к солнцу, к земле, реке; в самой ее 461
фигуре, тяжелом повойнике на голове, в складках широких рукавов
есть та статность и прочность, что и в башнях Путивля, откуда она
вступает в диалог с природой. Это уже не юная жена Игоря,
а собирательный образ русской женщины, разговаривающей с
матерью-землей. Жест Ярославны здесь обращен не к черному
солнцу затмения, а к солнцу, высветившему немислимым светом
пространство земли и отделившему свет от тьмы, точно в первые
дни творения.

Так Фаворский переосмысляет „Слово“. Вначале это была книга
героики, близкая к жанру „слав“. Потом исторический, почти
летописный рассказ. Теперь он сблизил его с жанром „плачей“,
несущим народное, песенное начало⁶¹. Лирическое чувство у него
исполнено эпического достоинства, обретенного опытом войны.
Не случайно применительно к тексту „Слова“ Фаворский чаще
всего говорил об эпичности и монументальной лирике.

Вступая на территорию „Слова“, очерченную Фаворским, пытаюсь
реконструировать возможно полнее замысел художника, не уста-
ешь удивляться, сколько за его гравюрами стоит всякой работы.
Мыслей вокруг „Слова“, рядом со „Словом“, прямо к „Слову“.
Рисования. Всегда композиционного, но и свободного, экспрес-
сивного, какого и не ждешь от классического Фаворского. Тем
более что собственно эскизы к гравюрам, уже не в лист, а в
размер будущей доски, строго обдуманые в каждой клеточке,
рисованы по-другому. Кажется, мастер смирял свой карандаш
перед тем, как приступить к гравированию. Штрих будет озвучен,
а образ проявлен уже на доске.

Мы не всегда помним, что за гравюрой стоит доска, труд не столько графика, сколько скульптора, особенно у Фаворского. „В доске есть тайна, скульптура, рельеф. Фаворский всегда огорчался, когда печатал, — всего лишь оттиск“⁶², — вспоминает один из последних учеников Фаворского, Илларион Голицын. Для „Слова“ потребовалось гравировать много. Достаточно сказать, что знаменитый „Плач Ярославны“, который так часто воспроизводится, это четыре доски: отдельно — левая, отдельно — правая часть, отдельно — доска для черной краски, отдельно — орнаментальная рама для второго цвета. (Эти вторые доски, напечатанные вторым, терракотовым цветом, будут выполнять роль вторых голосов в гравюрной партитуре „Слова“.)

Их много, досок к „Слову“, больше ста. Можно сказать, что Фаворский выстроил не только книгу (две книги), но и свою деревянную модель „Слова“.

Биография „Слова о полку Игореве“ имеет свои даты. Одна из них, уже по календарю современной истории, — „время Фаворского“. Теперь тоже категория историческая.

1

Фаворский, В.А. Что меня характеризует как художника. — В кн.: Рассказы художника-гравёра. М., 1965, с. 28.

2

Фаворский В.А. О графике как об основе книжного искусства (Раздел V. О книге). — В кн.: Искусство книги. Вып. 2. М., 1961, с. 64. В основу статьи положен его труд „Опыт работы в области книжного шрифта за период 1928—1953 гг.“, написанный им в 1954. г.

3

Там же, с. 60.

4

Фаворский В.А. Шрифт, его типы, связь иллюстрации со шрифтом. — „Гравюра и книга“, 1925, №1—2 (4—5), с. 9.

5

Косвенное свидетельство этому содержится в недатированном письме П.Д.Эттингера В.А.Фаворскому: „Вчера я увидел Кравченко и позондировал почву насчет „Слова“. Оказывается, с ним об этом никто не говорил и вообще он обижен, что Ионов ему никакого пока не сделал предложения. А посему закрепляйте за собой „Слово“ сейчас, пока оно свободно...“ (архив семьи В.А.Фаворского). Упоминаемый в письме И.И.Ионов (1887—1942) в начале 30-х гг. работал в издательстве „Academia“. Из текста письма также очевидно, что Фаворский проявлял интерес к „Слову“ еще до получения заказа от издательства.

6

Поспелов Г.Г. Еще раз о периодизации советского искусства. — В кн.: Советское искусствознание—76. Вып. 2. М., 1977, с. 35.

7

Письмо Д.И.Митрохина—П.Д.Эттингеру. 25. VI 1938. Архив ГМИИ, ф. 29, оп. III, ед. хр. 2870. На это письмо обязательно обратил внимание автора Б.Д.Сурис.

8

Для надписи на кожаном переплете использо-

ван гравированный шрифт со шмуцтитела того же издания, имеющий более мелкое начертание, чем надпись на картонажном переплете (см. ил. 426 в настоящем издании). Экземпляр „Слова“ в кожаном издательском переплете хранится в семье переводчика поэмы И.А.Новикова. По сведениям Е.С.Левитина, подобный экземпляр имеется также в одном частном московском собрании. Такие уникальные экземпляры художественных изданий, в частности, известны в истории издательства „Academia“.

9

„Слово о полку Игореве“ (переплет, фронтиспис, заставки и концовки—гравюры на дереве В.А.Фаворского), выпущенное в 1938 г. Гослитиздатом двумя изданиями, имело различия, о которых можно судить по сведениям, указанным в выходных данных этих книг:

I. „Слово о полку Игореве“. М., Гослитиздат, 1938; 162 с. с ил.

Сдано в набор 8 апр. 1938 г.

Подписано в печать 3 мая 1938 г.

Тираж 20 000 экз.

Формат 62×93 1/32 (14,6×10,6 см)

Отпечатано на бумаге Красногорской фабрики. 3-я ф-ка книги „Красный пролетарий“. Москва. Цена 3 р. 25 к. Переплет 75 к.

II. „Слово о полку Игореве“. М., Гослитиздат, 1938; 127 с. с ил.

Сдано в набор 13. V. 1938 г.

Подписано в печать 25. V. 1938 г.

Тираж 100 000 экз.

Формат 70×92 1/32 (16,4×10,8 см)

Отпечатано на бумаге Камского бумкомбината

7-я типография „Искра революции“. Москва.

Цена 1 р. 25 к. Переплет 75 к.

Эти сведения указывают, в частности, что второе издание было осуществлено немногим позднее первого, но печатались они в разных типографиях. При их сравнении можно отметить

следующие отступления от макета первого издания во втором: гравюра „Выступление в поход“ перенесена с авантитюла на форзац и повторена на втором форзаце. Гравюра на фронтисписе „Затмение“ напечатана не на вклейке, а на „своей“ бумаге. В надписи на титульном листе использован наборный шрифт большего кегля, так же как в наборе текста „Слова“ (кг 10 вместо кг 8). Гравированная надпись со шмуцтитюла, который во втором издании упразднен, перенесена к первой заставке, „Соколы и лебеди“ (с. 21), изменена и ее композиция, вместо трех строк — две (каждое слово было награвировано на отдельной доске для первого издания). Гравированная концовка в виде перстня напечатана в перевернутом виде.

Осенью 1938 г. вышло также издание „Слова“ (перевод, предисл. и примеч. И.Новикова) в библиотеке „Огонька“, на обложке которого была воспроизведена в уменьшенном виде гравюра В.А.Фаворского „Затмение“ с фронтисписа книги, выпущенной ранее Гослитиздатом. Ниже приводим выходные данные этого издания:

„Слово о полку Игореве“. М., изд-во „Правда“.
Библиотека „Огонька“, №41—42, 1938, 63 с.
Сдано в набор 22. VII. 1938 г.
Подписано в печать 16. IX. 1938 г.
Тираж 50 000 экз.
Формат 14,3×10,9 см
Типография газеты „Правда“

10

Выставку „Слово о полку Игореве“ некоторые авторы относят к 1937г. (см.: *Халаминский Ю. В.А.Фаворский. М., 1964, с. 163; Панов М. Графика Л.Р.Мюльгаупта. — „Искусство“, 1976, №9, с. 37*). Между тем, согласно тексту пригласительного билета, выставка открылась „4 октября“ (без указания года), а письмо И.А.Новикова о посещении выставки датировано „5 октября 1938 г.“ (см. примеч. 19). Кроме того, в газете „Советское искусство“ от 6 октября 1938 г. в связи с открытием выставки была опубликована специальная статья, которая начиналась словами: „Сегодня Литературный музей открывает для посетительниц юбилейную выставку, посвященную великому творению русского народа — „Слову о полку Игореве“. В первом зале на полотняных (неточность: деревянных. — Ю.М.) щитах выставлен написанный и иллюстрированный В.А.Фаворским текст „Слова“. Три стены, занятые этим текстом, напоминают огромный раскрытый фолиант“ (*Рапорт Л. Выставка „Слово о полку Игореве“. — „Сов. искусство“, 1938, 6 окт., с. 4*). Все это позволяет уточнить дату открытия выставка — 4 (или 6-го) октября 1938 г. Выставка продолжала функционировать и в следующем году. (Краткий путеводитель по выставке был издан только в 1939 г.). Эскизы к выставке также приняты датировать 1937 г. Такая традиция повелась с каталога „Выставки произведений художников А.Н.Кардашева, В.А.Фаворского, И.Г.Фрих-Хара, Н.М.Чернышева“ (М., 1956, с. 46), в черновых заметках Фаворского к тексту каталога тоже указан 1937 г. Однако более точной датой представляется 1938 г. Выставка открылась в октябре этого года, и первые упо-

минания об этой работе появляются в дневниковых записях В.Н.Вакидина только в 1938 г. Сами эскизы не подписаны, Фаворский датировал их много позднее, возможно, по аналогии с гравюрами к изданию „Слова“ 1938 г., работа над которыми могла быть начата еще в 1937 г. (книга сдана в набор 8 апр. 1938 г.). В доказательство предлагаемой датировки укажем также на большое различие между гравюрами к книге и эскизами к росписям, что предполагает хотя бы некоторый разрыв во времени их исполнения.

11

Мюльгаупт Лев Ричардович (1899—1986), художник. Кроме работы на выставке „Слово о полку Игореве“ вместе с В.А.Фаворским иллюстрировал калмыцкий эпос „Джангар“ (1939).

12

Грозевский Борис Валерианович (1899—1955), художник. В каталоге выставки „Б.В.Грозевский, Я.Д.Егоров, Г.М.Рифтин“ (М., 1956) В.А.Фаворскому принадлежит статья о Грозевском (перепечатана: Искусство книги. Вып. 2. М., 1961), в которой он не упоминает о его работе для выставки „Слова“, но говорит об оформлении Грозевским книг по древней русской истории, где тот использовал древнерусские шрифты, „в которых, — по словам Фаворского, — художники особенно часто грешат вычурностью. У него этой вычурности нет, ибо он творчески перерабатывает художественное наследие и всегда в строгом, простом характере“ (Искусство книги. Вып. 2, с. 164).

Наглядный пример стилизации под поздние формы русской письменности при оформлении „Слова“ приводит художник Ф. Тагиров в своей статье „Остромирово Евангелие“ и создание нового шрифта: „Древнеславянская вязь как особое декоративное письмо сложилась на Руси лишь в XV веке. Именно эта форма в соединении с полууставом и стала основой графики церковнославянской письменности. К сожалению, эта форма с ее характерными витиеватыми нижними частями („извивами“) округлых букв „о“ или „с“ понимается нашими художниками как древнерусская форма письма и нередко используется теперь в оформлении печатных изданий. Даже в таком издании, как „Слово о полку Игореве“ (Гослитиздат, 1959) в обложке и титуле, исполненном художником И. Бекетовым, отдельные буквы решены, исходя из церковнославянского варианта, хотя в тексте, писанном палехским мастером И.Голиковым, подобных форм почти нет, если не считать некоторой вычурности элементов букв“ (Искусство книги. Вып. 2, с. 224).

13

Розенблатт Ольга Людовиковна (1909—1982), художник. Исполнила афишу выставки „Слово о полку Игореве“ (см. ил. на шмуцтитюле). К выставке в Литературном музее был также напечатан специальный пригласительный билет в виде маленького свитка (имя художника билета установить не удалось, см. ил. 181, 182 в настоящем издании). Кроме того, по свидетельству художника В.К.Федяевской, на выставке продавался набор нескольких фотографий с росписей текстов „Слова“, исполненных В.А.Фаворским и его помощниками.

14

Исаков Сергей Петрович (1900—1967), художник, работал также как театральный декоратор. Участвовал в работах по оформлению Музея охраны материнства и младенчества в Москве, роспись которого была исполнена В.А.Фаворским в 1933 г. Об участии Исакова в оформлении выставки „Слова“ имеется указание в „Кратком путеводителе по выставке „Слово о полку Игореве“ (М., 1939).

15

Факт участия художника Гусятинского Анатолия Марковича (1900—1940) в работах на выставке „Слова“ не зафиксирован в литературе (сообщен В.К.Федяевской). По его письмам можно уточнить даты работ на выставке и день их окончания. В письме от 29 августа 1938 г. говорится: „грешу по левкасу, основной мой грех—писание на левкасе темперой—киноварью“. В другом, от 16 сентября того же года, А.М.Гусятинский сообщает: „Вчера закончил выставку...“ (архив В.К.Федяевской). О том же сообщает А.Д.Гончаров в письме к И.К.Безину от 13 сентября 1938 г.: „Вл. Андр. (Фаворский) и Гусятинский дописывают „Слово о полку Игореве“...“ (там же).

16

Афанасьев Дмитрий Никитович, художник-реставратор. Об его участии в исполнении шрифтов для щитов с росписями „Слова“ сообщено в „Кратком путеводителе по выставке „Слово о полку Игореве“ (М., 1939), а также подтверждено Л.Р.Мюльгауптом.

17

Факт участия художника-реставратора Чуракова Сергея Сергеевича (1908—1966) в шрифтовых работах на выставке „Слова“ не зафиксирован в литературе. Сообщен Л.Р.Мюльгауптом и подтвержден в хранящейся у его сына Д.С.Чуракова автобиографии (25 марта 1956 г.): „В Литературном музее принимал участие в оформлении выставки „Слова о полку Игореве“ с В.А.Фаворским (писал шрифты в духе устава)“. См. также: *Иванов И.А.* С.С.Чураков (некролог).— „Сов. археология“, 1966, №4, с. 235.

18

См.: *Романенко Д.* Поэма о любви и верности.— „Сов. музей“, 1938, №11; *Виноградова К.* Выставка „Слово о полку Игореве“ в Государственном Литературном музее в Москве.— „Ист. журнал“, 1938, №12; Краткий путеводитель по выставке „Слово о полку Игореве“, Сост. К.М.Виноградова и В.И.Меллер. Отв. ред. Вл.Д.Бонч-Бруевич. М., 1939; см. также: *Попов П.Н.* „Слово о полку Игореве“ в изобразительном искусстве XIX—XX вв.— В кн.: „Слово о полку Игореве“. Сборник исследований и материалов. Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950; *Мямли И.* „Слово о полку Игореве“ и его иллюстраторы.— „Нева“, 1964, №4.

19

Письмо И.А.Новикова—Р.Н.Принцу, 5 окт. 1938 г. (архив семьи И.А.Новикова).

20

Фаворский В.А. О сотрудничестве архитектора со скульптором и живописцем.— „Архитектура СССР“, 1933, №2, с. 33.

21

Лисицкий Л. Книга с точки зрения зрительного

восприятия—визуальная книга. Сокр. перевод с чешского П.Г. Богатырева.— В кн.: Искусство книги. Вып. 2. М., 1962, с. 166.

22

См. примеч. 20.

23

Там же.

24

Некоторые эскизы этих росписей В.А.Фаворского известны по воспроизведениям, правда, без указания на их связь с выставкой в Литературном музее. Три эскиза к росписям: „Битва“ (акварель), „Соколы и лебеди“ (акварель) и „После сражения“ (карандаш) указаны в каталоге „Выставки произведений художников А.Н.Кардашева, В.А.Фаворского, И.Г.Фрих-Хара, Н.М.Чернышева“ (М., 1956, с. 46) как эскизы к росписям на тему „Слово о полку Игореве“, но без упоминания выставки в Литературном музее (в каталоге они фигурируют в разделе „Монументально-декоративная стенная живопись“). После Москвы выставка четырех художников была показана в конце того же 1956 г. в Ленинграде, в Русском музее. Тогда же ленинградский литературовед О.А.Пини обратился к В.А.Фаворскому с просьбой о разрешении воспроизвести в подготавливаемом им альбоме, посвященном „Слову“, эскизы росписей „Битвы“ и „Соколы и лебеди“ (письмо от 13 дек. 1956 г., архив семьи В.А.Фаворского). Позднее эскизы и были воспроизведены в издании „Слово о полку Игореве“ в иллюстрациях и документах“, составленном О.А.Пини (Л., 1958, с. 69, 83), но опять без указания на их связь с выставкой в Литературном музее, хотя в том же альбоме воспроизведена фотография интерьера этой выставки (с. 194) с росписями Фаворского. Как образец монументальных работ В.А.Фаворского эскиз росписи „Соколы и лебеди“ воспроизведен в книге А.Д.Чегодаева „Мои художники“ (М., 1974, ил. 134).

25

Гончаров А. Страницы воспоминаний.— В кн.: Панорама искусств—78. [Вып. 2]. М., 1979, с. 216—218.

26

Письмо В.А.Фаворского—М.И.Пикову, 21 июня 1943 г. (архив семьи М.И.Пикова).

Михаил Иванович Пиков (1903—1973), художник, один из ближайших учеников В.А.Фаворского. Принимал участие в оформлении „Слова о полку Игореве“ вместе с В.А.Фаворским (М., 1952).

27

Письмо В.А.Фаворского—Л.А.Бруни, 2 янв. 1943 г.— В кн.: Восток в творчестве народного художника СССР В.А.Фаворского. Сборник материалов и каталог выставки. Сост. Ю.А.Широков. М., 1982, с. 23.

28

Пахомов В.В. Книжное искусство. Кн. I. Замысел оформления, иллюстрации. М., 1961, с. 337. Пахомов Виктор Васильевич (1898—1960), художественный редактор издательства „Детская литература“. Принимал участие в подготовке ряда изданий с гравюрами В.А.Фаворского (см.: *Ляхов В.* В.В.Пахомов.— В кн.: Искусство книги. Вып. 3. М., 1962).

29

Цитаты из статей и заметок В.А.Фаворского, записей В.Н.Вакидина и др., приводимые в тексте без ссылок на источник, являются выдержками из материалов, публикуемых в первой части настоящего издания.

30

В семье В.А.Фаворского сохранился подготовительный рабочий макет издания. Это две сшитые тетради большого формата (32,5×23,6 см) с точным расчетом текста и карандашными эскизами гравюр. В первой тетради—24 нумерованных листа, во второй—12. На л. 1 об. (I тетр.) сверху рукой В.А.Фаворского сделана карандашная запись плана иллюстрирования и оформления книги:

- 1) Переплет—1
- 2) Форзац—1
- 3) Титул—1
- 4) страничных—7
- 5) малых—10
- 6) буквиц—10
- 7) концовок—8

Макет содержит ряд эскизов страничных иллюстраций:

- „Боян“ (I тетр., фронтиспис, л. 5 об.),
- „Затмение“ (I тетр., л. 8 об.),
- „Выступление Игоря в поход“ (I тетр., л. 9 об.),
- „Битва с половцами“ (I тетр., л. 13 об.),
- „Раненый Игорь“ (I тетр., л. 16 об.),

а также три очерченные рамки с надписями тем предполагавшихся иллюстраций:

- „Святослав“ (I тетр., л. 22 об.),
- „Ярославна“ (II тетр., л. 4 об.),
- „Бегство. Донец“ (II тетр., л. 7 об.).

Можно установить и темы ряда заставок, некоторые доведены до стадии, близкой к эскизу для гравюры, другие существуют в макете в виде беглого наброска:

- „Соколы и лебеди“ (I тетр., л. 6),
- „Выступление в поход“ (I тетр., л. 7),
- „Поле битвы после сражения“ (I тетр., л. 14 об.),

в других случаях имеются только рамки для заставок с надписями:

- „Павшие“ (I тетр., л. 18 об.),
- „Бегство“ (II тетр., л. 5 об.).

В макете помещены также рисунки для концовок:

- „Орел среди воронов“ (I тетр., л. 10 об.),
- „Волки“ (I тетр., л. 11 об.),
- „Сокол и ворон“ (I тетр., л. 14),
- „Плачущие жены“ (I тетр., л. 18).

Характерно, что инициалы в рабочем макете имеют „навершие“ в виде рисунков с изображением воинов, птиц и зверей (как это будет в фигурных инициалах к изданию „Слова“ 1952 г.):

- инициал Н, с волком (I тетр., л. 6),
- инициал П, с соколом (I тетр., л. 7),
- инициал С, с воином на коне (I тетр., л. 11),
- инициал Д, с лучниками (I тетр., л. 12).

Кроме того, в макете эскизно намечены:

- инициал Б (I тетр., л. 14 об.),
- инициал П (I тетр., л. 18 об.),
- инициал У (I тетр., л. 19 об.),
- инициал Я (II тетр., л. 3),
- инициал П (II тетр., л. 5 об.),
- инициал Р (II тетр., л. 8 об.).

Макет был расчетным, что очевидно не только из цифровых обозначений количества строк, умещавшихся на той или иной полосе, но и по начальным строкам текста „Слова“, написанным рукой В.А.Фаворского. Интересно, что при этом художник пользовался не текстом какого-либо перевода, а текстом подлинника.

Сведения о неосуществленном замысле иллюстрирования В.А.Фаворским „Слова“ в 1945—1948 гг. крайне скудны. Этим, вероятно, объясняются ошибки в определении характера и в датировке двух гравюр („Боян“ и „Затмение“) к этому изданию. Так, в Списке иллюстраций к монографии Ю.Халмаминского „В.А.Фаворский“ (с. 287) они названы „станковыми гравюрами“, хотя в основном тексте (с. 165) автор пишет о них как о гравюрах к неосуществленному изданию. В альбоме „Слово о полку Игореве“ в иллюстрациях и документах“, составленном О.А.Пини (Л., 1958, с. 82), гравюра „Боян“ вместо 1948 г. датирована 1950 г. и тем самым может быть ошибочно отнесена к последнему циклу иллюстраций Фаворского для детгизовского издания „Слова“, где она заменена изображением Автора „Слова о полку Игореве“. Обратит внимание на эти и другие неточности альбома (см. также примеч. 24, 56, 59) в названиях и датах работ В.А.Фаворского представляется необходимым, так как эти сведения, очевидно, исходят из музейных описей Литературного музея Института русской литературы имени А.С.Пушкина (Пушкинского дома), на который составитель указывает как на место хранения этих гравюр.

31

См. примеч. 2.

32

План, вероятно, относится к „Выставке произведений художников А.Н.Кардашева, В.А.Фаворского, И.Г.Фрих-Хара, Н.М.Чернышева“ (М., 1956).

33

„Слово о полку Игореве“. Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950. (Сер. „Лит. памятники“).

34

Датой исполнения последнего цикла гравюр В.А.Фаворского к „Слову о полку Игореве“ принято считать 1950 г. Действительно, в этом году художником была сделана основная часть работы. Об этом свидетельствует, в частности, выставочная история этих гравюр. На открывшейся 20 декабря 1950 г. в залах Третьяковской галереи Всесоюзной художественной выставке была экспонирована значительная часть гравюр Фаворского к „Слову о полку Игореве“: фронтиспис („Автор „Слова о полку Игореве“ среди князей и дружинников“) и шесть разворотных иллюстраций („Поход. Затмение“, „Нападение на половцев и победа над ними“, „Битва с половцами“, „Золотое слово“ Святослава“, „Плач Ярославны“, „Возвращение Игоря“), последняя названа в каталоге концовкой (см.: Художественная выставка. 1950. Каталог. М., 1950, с. 172—173). Несколько позднее гравюры В.А.Фаворского были представлены на второй выставке московских художников книги, открывшейся 31 января 1951 г. в выставочном зале Дома художника МОСХа (ул. Горького, 48), в каталоге которой наряду с разворотными

иллюстрациями указаны также заставки (вероятно, гравюры на полях) и концовки (1—2. Разворот с двумя рисунками; 3. Фронтиспис; 4—5. Заставки; 6—10. Иллюстрации; 11—12. Концовки). (См.: Вторая выставка художников книги. 1951. Каталог. М., 1951, с. 56.) Однако работа над гравюрами была полностью завершена только к весне 1951 г. Так, в записи В.Н.Вакидина (26 дек. 1950 г.) о посещении В.А.Фаворского, уже после открытия Всесоюзной художественной выставки, упоминается, что не все гравюры закончены (см. с. 23 настоящего издания). Из позднейшей записи, от 27 марта 1951 г., жены художника, М.В.Фаворской, узнаем, что он все еще занят работой над „Словом“ (см. с. 24 настоящего издания). Таким образом, правильнее датировать эти гравюры 1950—1951 гг.

35

Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1983, с. 3.

36

См. Там же, с. 485.

37

См. примеч. 26.

38

Лихачев Д.С. Вступительная заметка [к тексту и переводу „Слова о полку Игореве“]. — В кн.: „Слово о полку Игореве“. Под ред. Д.С.Лихачева. Гравюры В.А.Фаворского. М., Летиз, 1952, с. 45.

39

Работа Н.А.Заболоцкого над переводом „Слова о полку Игореве“. Комментарии Д.С.Лихачева. — „Вопр. лит.“, 1969, №1, с. 168—169.

40

Выступление Л.Бруни на обсуждении деятельности Мастерской на заседании монументальной секции МОССХа 29 апреля 1947 г. — В кн.: Мастерская монументальной живописи при Академии архитектуры СССР. 1935—1948. Сост. Е.В.Шункова. М., 1978, с. 84—85.

41

Апатов М. Мастерство Фаворского. — В кн.: Книга о Владимире Фаворском. Сост. Ю.Молок. М., 1967, с. 16.

42

Фаворский В. Размышления об искусстве. I. Об орнаменте (Беседа с Л.Невлером). — „Декоративное искусство СССР“, 1963, №7, с. 33.

Отметим также, что впервые В.А.Фаворский стал применять орнаментальные рамы, правда, не для гравюр, а для рисунков (подгравированный цинк), в книге Н.Кончаловской „Наша древняя столица“ (Кн. I. М.—Л., 1948), над которой работал в те же годы, что и над гравюрами к „Слову о полку Игореве“ для Гослитиздата.

43

Существуют варианты правой части разворотной иллюстрации „Первое сражение с половцами“ (ср. ил. 289, 298 в настоящем издании), на что обратил внимание Ю. Халаминский, объясняя этот факт, видимо, со слов самого художника: „Будущий историк искусства, изучая творчество Фаворского, встретит два варианта этой гравюры. На одной из них русский воин, соскочив с коня, выхватывает из кибитки сопротивляющуюся половецкую девушку. А на

другой все по-прежнему: мчащиеся всадники, и захваченная вежа, и даже рядом стоящий конь Игорева дружинника. Но ни самого воина, ни приглянувшейся ему девицы на гравюре нет. Можно было бы объяснить ослабление правой группы тем, что художник пожелал усилить стремительность горизонтального движения всадников, группа справа затормаживала, замыкала его. На самом же деле Фаворскому пришлось изменить первоначальный замысел по настоянию излишне целомудренного редактора“ (*Халаминский Ю.* В. А.Фаворский, с. 175—176). Этот факт подтвердил и Д.С.Лихачев (беседа с Д.С.Лихачевым, 12 дек. 1985 г.). Отметим, что в последующих изданиях „Слова“ издательство вернулось к первому варианту гравюры.

44

Фаворский Никита Владимирович (1915—1941), художник, погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

45

В архиве семьи В.А.Фаворского имеются рабочие альбомы художника с перерисовками букв древнерусских рукописей XI—XIII вв., хранящихся в Гос. библиотеке СССР им. В.И.Ленина: „Троицкий кондакар“ (ранее — Троице-Сергиева лавра); „Житие Нифонта“ (ранее — Троице-Сергиева лавра); „Глаголическое Евангелие“, „Изборник XII—XIII вв.“, „Добрилово Евангелие“ и др.

Известны и некоторые высказывания В.А.Фаворского о шрифтах древнерусских рукописей. В своем труде „О графике, как об основе книжного искусства“ (1954) он, в частности, писал: „Наш же шрифт во многом исходит из древнего русского шрифта и поэтому не имеет почти выносных элементов и сохраняет массу штамбов у букв, которые в западном шрифте штамбов не имеют. Отсюда в наш шрифт входит цветовой принцип, свойственный древнерусскому уставу, и цветовая тенденция смешивается со светотеневой“. И в другом месте: „Среди моих титулов есть выполненные как бы древним славянским шрифтом — это в связи с темой книги. Это очень интересная область шрифта, но относительно нее сейчас сказать что-либо трудно. Надо только отметить, что это, конечно, не буквальный перенос древнего в нашу книгу, а попытка понять основные свойства древнего шрифта и новое использование их в нашей современной книге“ (Искусство книги. Вып. 2, с. 70—71).

46

Летописные повести о походе князя Игоря. Из Ипатьевской летописи. Подготовка текста, пер. и коммент. О.А.Творогова. — В кн.: Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980, с. 355.

47

Опытном такого документального иллюстрирования поэмы было издание „Слова о полку Игореве“ (ред. С.К.Шамбинаго и В.Ф.Ржиги), выпущенное издательством „Academia“ в 1934 г. См. заметку В.Ржиги „К иллюстрациям“ (с. 301). В частности, там упоминаются заставки „Добрилова Евангелия“ 1164 г., которое впоследствии будет изучать В.А.Фаворский, работая над буквицами к изданию „Слова“ 1952 г. (см. ил. 468 в настоящем издании). Следует также назвать издание „Слова“ в се-

рии „Литературные памятники“ (М.—Л., 1950), где наряду с репродукциями древнерусских памятников была помещена статья Н.Н. Воронина „Слово о полку Игореве“ и русское искусство XII—XIII вв.“.

48

Эйзенштейн С. „Александр Невский“. — В кн.: Советский исторический фильм. М., 1939, с. 19, 21.

49

Прокофьев С. Музыка в фильме „Александр Невский“. — Там же, с. 27.

50

М.Т [арловский]. К переводу Марка Тарловского. — В кн.: „Слово о полку Игореве“. Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов 19-го и 20-го вв. Ред. Н.К. Гудзия и П. Скосырева. М., 1939, с. 353.

51

И.Н [овиков]. К переводу Ивана Новикова. — Там же, с. 354. В книге „Слово о полку Игореве“ и его автор“ ([М.], 1938, с. 84) И.А. Новиков также писал: „Мы придаем вообще большее значение переводам, стремящимся сохранить дух подлинника. Это не значит, что переводы должны заменить собою оригинал. Нет. Сохраняя собственную художественную значимость, они должны возвращать к оригиналу“. Стихотворение „Слово о полку“ написано Новиковым в год его работы над изучением и переводом поэмы, датировано 14 июля 1938 г. (см.: *Новиков И.А.* Собр. соч. в 4-х т, т.4. М., 1967, с. 409). О повести И.А. Новикова об авторе „Слова“ см. примеч. 56.

52

Изображать минувшее верно и вдохновенно. Выступление Е.Р. Вейсмана на встрече московских художников и изокритиков в редакции газеты „Советское искусство“, 11 февраля 1939 г. (опубликовано там же, 18 февр.). В предшествующей этой встрече другой статье, „Русь и степь“, тот же автор подверг резкой критике работы В.А. Фаворского на выставке „Слова“. В частности, он упрекал художника за то, что в шрифт поэмы внесены элементы тератологического („звериного“) орнамента, получившего распространение в древнерусской книге позднее „Слова“, в XIV—XV вв. Не говоря уж о том, что шрифтовые работы на выставке были выполнены не Фаворским, а другими мастерами (вероятно, под его наблюдением), самого художника, как он не раз говорил впоследствии, никогда не увлекала мысль о „буквальном переносе древнего шрифта в нашу книгу“ (см. примеч. 45). Характерно, что и в работе над последним вариантом иллюстраций к „Слову“ (1950—1951), когда Фаворский особенно внимательно будет изучать рукописи XII в., он придаст некоторым из своих гравюр вид фигурных букв с изображением зверей, продолжая тем самым традицию иллюстрированных инициалов, которую он начал разрабатывать еще в буквицах „Суждения господина Жерома Куаньяра“ А. Франса (1918), а потом к повести Н.В. Гоголя „Иван Федорович Шпонька и его тетушка“ (1931). К числу недостатков самих рисунков критик относил „неподвижность“ фигур и „отвлеченность“ движения („В этих рисунках к „Слову“ видно какое-то ровное, мето-

дическое стремление разума все подчинить схеме... люди на некоторых рисунках В. Фаворского к „Слову“ не волнуются, не страдают и не смеются“). Здесь очевидно непонимание природы монументального искусства и характерная для критики тех лет тенденция трактовать рациональное начало в творчестве Фаворского исключительно как дань схематизму. В том же духе выдержан и конец статьи: „Внимательный человек не пройдет мимо рисунков В. Фаворского к „Слову о полку Игореве“, но, остановясь, посмотрит их и, может быть, скажет: „Он часто заблуждался, думая, что идет по верной дороге. Его заблуждения повторяются, но он опытный художник и своим путем идет к реализму...“ (*Вейсман Е.* Русь и степь. — „Сов. искусство“, 1938, 12 ноября, с. 2).

53

Фаворский В. О композиции. — „Искусство“, 1933, №1, с. 18.

54

Дорош Е. Громкое имя художника. — „Неделя“, 1964, 15—21 янв., а также в его кн.: Живое дерево искусства. М., 1970, с. 83.

55

Лихачев Д.С. „Слово о полку Игореве“ и культура его времени. Изд. 2-е, доп. Л., 1985, с. 234, 237.

56

Относительно двух вариантов этой гравюры существуют особенно большие разночтения в литературе. В монографии Ю. Халаминского „В.А. Фаворский“ воспроизведена цветная гравюра под названием „Иллюстрация с изображением автора „Слова““ (с. 287), датированная со знаком вопроса 1939 г. (?), в книге М.В. Алпатова (W. Faworski. Illustration zu Werken der Weltliteratur. Einführung M. Alpatow. Dresden, 1959) та же гравюра датирована 1937 г. (см. ил. 438 в настоящем издании). Как вспоминает М.В. Алпатов, „в 1959 году издательство „Ферлаг дер Кунст“ в Дрездене заявило о своем намерении издать гравюры Фаворского и просило меня снабдить эту подборку текстом. (...) У меня сохранился макет издания, который был подготовлен художником. Помнится, мы не сразу остановились на выборе гравюры для обложки. Просматривая вместе с художником его работы, мы нечаянно наткнулись на одну гравюру певца с гуслиями в духе „Слова о полку Игореве“ (*Алпатов М.В.* Жизнь искусствоведа. (Страницы воспоминаний). — В кн.: Панограма искусств—7. М., 1984, с. 180). Факт выбора этой гравюры для обложки свидетельствует о том, что сам художник и позднее ценил ее, хотя она относится к началу его работы над „Словом“. Другой, черно-белый вариант гравюры ошибочно именуют „Бояном“ и неправильно датируют 1950 г. (см.: „Слово о полку Игореве“ в иллюстрациях и документах“, с. 172, вторая ил.). Между тем в публикуемом в настоящем издании письме Л.А. Творогову (от 17/1 1953 г.) В.А. Фаворский упоминает „фронтиспис к повести Новикова об авторе „Слова“. Это маленькая гравюра, которую смогу Вам послать“. Позднее в Псковский музей поступили гравюры Фаворского к „Слову“, среди них — авторский подписной оттиск этой гравюры. В одном из рабочих альбомов художника, хранящихся в архиве его семьи.

имеется карандашный эскиз к ней (см. ил. 439 в настоящем издании). Кроме того, на одном из листов альбома помещен перечень названий произведений И.А.Новикова, над которыми в конце 30-х гг. работал Фаворский. Перечень начинается с названия „Сын тысяцкого“, При любезном содействии дочери писателя, М.Н.Новиковой-Принц, удалось уточнить, что речь идет об одноименной повести, впервые напечатанной в журнале „Новый мир“ (1938, №5) с подзаголовком „Повесть об авторе „Слова о полку Игореве“ (позднее вошла в издание: *Новиков И.А.* Избр. соч. В 3-х т. Т.3. М., 1955). В те же годы вышел сборник статей И.А.Новикова „Слово о полку Игореве“ и его автор“ ([М.], 1938), где он высказывал предположение, что поэма была создана в походе и в половецком плену одним из приближенных к князю Игорю воинов, сыном тысяцкого, упоминаемым еще в Ипатьевской летописи.

„Тысяцкие же, — писал Новиков, — люди военные, начальники ополчения. Конечно, и сын тысяцкого, молодой человек, попавший в плен вместе с Игорем, был также воином...“ (с. 79). Первоначально Новиков высказал эту гипотезу еще до выхода своего перевода „Слова“ с гравюрами В.А.Фаворского в статье „Поэт-воин XII века“ („Лит. газ.“, 1938, 15 марта), с которой вступил в полемику Н.К.Гудзий, утверждавший: „нет оснований полагать, что „Слово“ было написано в Половецкой земле, так как это не простой лирический отклик на событие...“ (Гудзий Н.К. Где, кем и когда было написано „Слово о полку Игореве“. — „Лит. газ.“, 1938, 15 апр.). Гипотезу Новикова оспаривали и позднее. „Переводчик заключает, что в пылу боя у сидящего на коне поэта-воина рождалась в уме будущая песня. И Новиков слишком преувеличивает значение лирического момента в памятнике“ (Виноградова В.Л. „Слово о полку Игореве“ в переводах Г.Шторма, С.Шервинского, И.Новикова. — В кн.: „Слово о полку Игореве“. Сборник исследований и статей, с. 435). Издание сборника произведений И.А.Новикова с гравюрами В.А.Фаворского не состоялось. Однако можно предположить, что не только черно-белый, но и цветной вариант гравюры предназначался для повести об авторе „Слова“, а не для иллюстрирования самой поэмы, хотя цветная гравюра имеет известное композиционное сходство с фронтисписом к изданию „Слова“ 1938 г. (воин с гуслиями в руках как будто сошел с того же коня, возле которого стоит воин в гравюре „Затмение“, ср. ил. 438, 444). Но в первоначальных замыслах иллюстрирования „Слова“ вряд ли присутствовала мысль об образе Автора, характерно, что в одном из рабочих альбомов В.А.Фаворского имеется беглый карандашный набросок, который можно истолковать как изображение князя Игоря. Образ Автора-воина, но уже не как конкретный образ „сына тысяцкого“, введен Фаворским в гравюры к „Слову“ позднее, в издании 1952 г. Тогда же, во второй половине 30-х гг., он возник отдельно от „Слова“, при иллюстрировании повести об его авторе и по аналогии с упомянутой выше статьей И.А.Новикова цветной и черно-белый варианты гравюры можно назвать „Поэт-воин — Автор „Слова“.

Отметим также, что цветной вариант гравюры был и опытом работы художника в цветной ксилографии, широко использованной им в последних иллюстрациях к „Слову“. Переход от аскетизма черного штриха к цветной ксилографии характерен для гравюрных исканий В.А.Фаворского 30-х гг. На это, в частности, указывает тот факт, что на выставке „Советская цветная гравюра“ 1937 г. он экспонировал целый ряд своих работ в 2 доски: форзацы к сочинениям П.Мериме, 1933, обложка к каталогу выставки советского искусства в Америке, 1934, форзац к книге А.Глобы „Песни народов СССР“, 1935, форзац к сочинениям М.Пришвина, 1935, обложка для журнала „Дом моделей“, 1935 (последняя — 3 доски). См.: Выставка советской цветной гравюры. Каталог (М., ГМИИ им. А.С.Пушкина, 1937, с. 14, №222—227). Цветная гравюра „Поэт-воин — Автор „Слова“ примыкает к этим работам. Возможно, повесть И.А.Новикова предполагалось выпустить отдельным изданием с гравюрой на фронтисписе, в письме к Л.А.Творогову В.А.Фаворский упоминает именно фронтиспис, правда, как уже говорилось выше, он, скорее всего, имел в виду черно-белую гравюру. Среди бумаг И.А.Новикова, поступивших недавно в ЦГАЛИ (ф. 343) от его дочери, оказались и два оттиска — „Затмение“ и „Поэт-воин“, цв. вариант, — обернутые листом бумаги с надписью, сделанной, очевидно, со слов писателя: „Варианты заставного листа“ (т. е. фронтисписа).

Перевод гравюры к повести об авторе „Слова“ в черно-белый вариант, по-видимому, связан с общим замыслом иллюстрирования сборника произведений И.А.Новикова, который, согласно перечню и карандашным эскизам в рабочем альбоме художника, он должен был иллюстрировать. (Помимо „Сына тысяцкого“ это были повести и рассказы: „Смерть Кравчего“, „Хитрое перо“, „Камера №14 (Пушин и Пушкин)“, „Повесть о Спиридоновых“, „Феодосия“, „Завражье“.) Черно-белая гравюра к повести „Сын тысяцкого“ близка по композиции к цветной, исполнена в том же размере и в такой же рамке, но более подробно разработана в штрихе и существует в нескольких вариантах.

57

Заболоцкий Н. К вопросу о ритмической структуре „Слова о полку Игореве“. — „Вопр. лит.“, 1969, №1, с. 179.

58

В книге „Слово о полку Игореве“ в иллюстрациях и документах“ (с. 172, первая ил.) гравюра ошибочно названа „Бояном“, хотя в каталоге Всесоюзной художественной выставки 1950 г., на которой была экспонирована еще до выхода издания, она фигурировала под названием „Автор „Слова о полку Игореве“ среди князей и дружинников“.

59

См. примеч. 2, с. 63.

60

По воспоминаниям В.Г.Смолицкого, в то время сотрудника Литературного музея в Москве, В.А.Фаворский в 1960 г., когда ему показали увеличенное фото с его гравюры „Плач Ярославны“ к изданию 1938 г., обратил внимание на трактовку жеста, который его не удовлетво-

рил, заметив при этом, что „сейчас бы так не сделал“ (беседа автора с В.Г.Смолицким, 2 ноября 1985 г.). В архиве семьи В.А. Фаворского хранится оттиск статьи В.Г.Смолицкого „Вступление в „Слове о полку Игореве“ (Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. XII. М.—Л., 1956) с дарственной надписью автора художнику от 15. XI 1959 г.

61

Тема „плача“ получила продолжение в гравюре В.А. Фаворского „Авдотья Рязаночка“ к книге Б. Шергина „Поморские были и сказания“ (М., 1956). В своем выступлении на вечере в Загорском государственном историко-художественном музее-заповеднике, устроенном в связи с выставкой „Фаворские в Загорске“ (12 окт.

1984 г.), художник И.Л.Бруни рассказывал, что В.А.Фаворский с сыном, Н.В.Фаворским, нередко сами пели русские „плачи“, в частности народную песню „Донская баллада“ („... О чем, дева, плачешь, о чем слезы льешь...“).

62

Из беседы с И.В.Голицыным, 15 марта 1977 г. В этой связи можно отметить, что рельефы трона Ивана Грозного середины XVI в., которыми, как рассказывает В.Н.Вакидин, „вдохновлялся“ В.А.Фаворский, работая над своими первыми гравюрами к „Слову“, привлекли, вероятно, его внимание не столько самим изображением воинских сцен—их он мог видеть и на иконах и в миниатюрах исторических хроник,— сколько их переводом в рельеф на дереве, как своего рода подобие гравюрной доски.

Комментарии к основному тексту

Комментарии

Существуют четыре напечатанные статьи В.А. Фаворского о его работе над „Словом“:

1. Как я иллюстрировал „Слово о полку Игореве“. — „Пионер“, 1954, № 1.
2. „Я очень люблю поэму „Слово о полку Игореве“...“. — В кн.: *Фаворский В.* Иллюстрации к „Слову о полку Игореве“. М., Изд-во Академии художеств СССР, 1961.
3. „Надо сказать, что, когда приступаешь к иллюстрированию такого произведения, как „Слово о полку Игореве“...“. — В кн.: *Фаворский В.* „Слово о полку Игореве“. Гравюры. М., изд. Комбината графического искусства Московского отделения Художественного фонда СССР, 1962 (не сброшюровано).
4. Как я иллюстрировал „Слово о полку Игореве“. — В кн.: *Фаворский В.* Рассказы художника-гравера. М., Детгиз, 1965.

Эти статьи могут быть, по существу, сведены к двум редакциям: 1) Статья для журнала „Пионер“, ее авторская рукопись (не журнальная публикация) с небольшими дополнениями, позднее легла в основу текста, опубликованного в книге „Рассказы художника-гравера“; 2) Статья „Я очень люблю поэму „Слово о полку Игореве“...“ в сокращенном виде перепечатана в издании гравюр к „Слову“ 1962 г. Эти две основные редакции текстов В. Фаворского с дополнениями, составившими специальный раздел „Из разных статей, вариантов и набросков“, печатаются в настоящем издании.

Статья „Как я иллюстрировал „Слово о полку Игореве“ для журнала „Пионер“ печатается по авторской рукописи, хранящейся в архиве семьи В. Фаворского. Рукописная копия статьи, сделанная женой художника, М.В. Фаворской, датирована „16 сентября 1953 г.“.

В журнальной публикации авторский текст подвергся редакционной стилистической правке и значительным сокращениям (опущено последовательное описание В. Фаворским своих гравюр, его суждение о переводах „Слова“ и т.д.). Вместе с тем в ряде случаев печатный текст полнее, чем авторская рукопись, сохранившаяся в архиве художника. В настоящем издании наряду с основным текстом статьи, печатающимся по рукописи, некоторые дополнения, извлеченные из журнальной редакции статьи, а

также из текста книги „Рассказы художника-гравера“, помещены в разделе „Из разных статей, вариантов и набросков“.

Статья „Я очень люблю эпическую поэму „Слово о полку Игореве“...“ печатается по авторской рукописи, хранящейся в архиве семьи В. Фаворского. Сохранилась авторизованная машинописная копия текста с надписью: „Эта статья написана мной для альбома иллюстраций „Слова“ в начале июля 1959 г. В. Фаворский“. В издании 1961 г. статья напечатана с редакционными исправлениями и сокращениями (в частности, опущено сравнение В. Фаворским авторских отступлений в „Слове“ с авторскими отступлениями в „Евгении Онегине“ и т.д.). В разделе „Из разных статей, вариантов и набросков“ помимо указанных дополнений собраны также отрывки из разного рода статей, наброски и записи, в которых художник так или иначе обращается к этой теме:

Из статьи „Как я работал над „Джангаром“ („Детская литература“, 1940, № 5).

Из статьи „Замыслы художника“ („Известия“, 1940, 31 дек.).

Из выступления на конференции по эпосу „Манас“, 2 авг. 1946 г. (в кн.: В.А. Фаворский в Киргизии. Сост. А.Н. Михалев. Фрунзе, 1977, с. 51).

„Мне пришлось четыре раза делать „Слово о полку Игореве“...“ (Запись Е.В. Державина, без даты, публикуется по рукописи. Архив семьи В. Фаворского).

Специальный раздел составляют публикации записей В.Н. Вакидина и М.В. Фаворской.

Отрывки из дневников художника В. Вакидина, с которыми он любезно познакомил составителя в 1982 г., дополнены и уточнены Е.М. Жуковой, которой подготовлена к печати книга о В. Вакидине (для издательства „Советский художник“), куда войдет значительная часть его записей.

„Отрывки из разговоров В.А. Фаворского об искусстве, записанных М.В. Фаворской“, публикуются по рукописи (архив семьи В.А. Фаворского). Фаворская Мария Владимировна (1887—1959), художник, жена В.А. Фаворского. В разделе „Из писем В.А. Фаворского разным лицам“ печатаются отрывки из писем художнику В.М. Конашевичу и Н.А. Соколову, историчке древнерусской литературы Л.А. Творогову, в которых говорится о гравюрах к „Слову“.

Отрывок из письма В.А.Фаворского В.М.Конашевичу от 10 апр. 1952 г. печатается по тексту, опубликованному в кн.: *Конашевич В.М.* О себе и своем деле. Сост. Ю.Молок. М., 1968, с. 394—395 (там же опубликованы заметки В.Фаворского „Про Конашевича“). Письмо В.Фаворского было ответом на письмо В.Конашевича из Ленинграда (без даты, вероятно, начало 1952 г.), в котором тот, в частности, писал: „...как-то мне показали в Детгизе Ваши гравюры к „Слову о полку Игореве“, и я увидел, что можно сделать вещи, почти в требуемом плане, и все-таки остаться в пределах подлинности и такого высокого, как всегда у Вас, искусства“ (там же, с. 393—394). Позднее, в докладе „Обложка детской книжки“, зачитанном на заседании Художественного совета Детгиза в Ленинграде (декабрь 1955 г.), В.Конашевич говорил: „Не могу не упомянуть все-таки великолепный переплет к „Слову о полку Игореве“, сделанный В.Фаворским: это вершина, до которой никому из нас не дотянуться“ (Искусство книги. Вып. 2. М., 1961, с. 87).

Отрывок из письма В.А.Фаворского Л.А.Творогову от 17 янв. 1953 г. печатается по оригиналу, хранящемуся в архиве Псковского историко-художественного музея-заповедника (копия письма получена при любезном содействии сотрудника музея Н.П.Осиповой). Творогов Леонид Алексеевич (1900—1978), историк древнерусской литературы, автор ряда трудов о „Слове о полку Игореве“, еще в 1945 г. приступил к устройству в Пскове музея „Слова“, в связи со сбором материалов для него он обратился с письмом к В.А.Фаворскому, в котором писал: „Обо мне и моем псковском музее „Слова о полку Игореве“ Вы уже знаете от Николая Михайловича Чернышева. Вот уже более 30 лет я работаю по изучению литературной истории текста „Слова“ и подбираю материалы, посвященные этому произведению. Все это я хочу потом передать государству в качестве самостоятельной единицы. Сюда помимо оригинальных произведений входят еще и разного рода воспроизведения картин, рисунков, гравюр и т.д., а также эскизы костюмов и декораций постановок оперы „Князь Игорь“ Бородина и проч. К сожалению, у нас, в Пскове, подобных материалов нет. Но кое-что все же я получаю от иногородних почитателей „Слова“ из Москвы, Ленинграда, Калуги, Киева, Харькова, Литвы, Эстонии и др. Конечной целью моего музея является между прочим и увековечивание всех, так или иначе потрудившихся над „Словом“ и во славу „Слова“. Вот почему обращаюсь к Вам, много потрудившемуся над иллюстрациями этого произведения, с просьбой помочь мне...“ (Письмо от 30 ноября 1952 г., цит. по копии, хранящейся в Псковском историко-художественном музее-заповеднике). В 1985 г. в Псковском музее была устроена выставка „Слова о полку Игореве“, на которой экспонировались гравюры В.А.Фаворского и публикуемое нами его письмо к Л.А.Творогову.

Отрывок из письма В.А.Фаворского Н.А.Соколову от 22 янв. 1954 г. печатается по тексту, опубликованному в кн.: *Соколов Н.А.* Наброски по памяти. М., 1984, с. 40—41. Соколов Николай Александрович, один из участников твор-

ческого содружества „Кукрыниксы“, занимался в 1920-е гг. во ВХУТЕМАСе ксилографией у В.А.Фаворского, в своих воспоминаниях опубликовал три письма В.А.Фаворского.

Из переписки К.А.Федина и В.А.Фаворского. Письмо В.Фаворскому от 5 ноября 1951 г., опубликованное в 1957 г. („Москва“, № 2, с репродукциями гравюр В.Фаворского к „Слову“), печатается по тексту журнальной публикации с небольшими исправлениями, сделанными по копии М.В.Фаворской (архив семьи В.Фаворского).

Как вспоминает дочь писателя, Н.К.Федина, любезно предоставившая ответные письма художника, К.Федин познакомился с оттисками гравюр к „Слову“ при содействии консультанта по художественному оформлению издательства „Детская литература“ С.М.Алянского и тогда же написал письмо В.Фаворскому. Ответное письмо В.А.Фаворского от 4 янв. 1952 г. публикуется по оригиналу (архив семьи К.А.Федина). Во втором письме, от 2 мая 1959 г., написанном В.Фаворским в ответ на поздравление К.Федина с присвоением ему звания народного художника РСФСР, он, в частности, писал: „Ваш отзыв о „Слове“ имеет для меня огромное значение, тем более что художнику, по-видимому, свойственно сомневаться в своих прошлых работах“.

Кроме письма К.А.Федина в настоящем издании помещены некоторые отзывы современников о гравюрах Фаворского к „Слову о полку Игореве“: статьи и заметки скульпторов С.Т.Коненкова и И.С.Ефимова, письмо академика Д.С.Лихачева.

Статья С.Т.Коненкова „Прозрения художника“ опубликована в журнале „Огонек“ (1962, № 2). Позднее с некоторыми исправлениями и под названием „Гравюры, слитые с текстом“ перепечатана в кн.: *Коненков С.* Земля и люди (М., 1968; 2-е изд. — М., 1974. Лит. редакция Ю.А.Бычкова). Печатается по тексту книжного варианта с сокращениями (опущена часть статьи, касающаяся гравюр В.Фаворского к „Борису Годунову“ и „Маленьким трагедиям“). Заметки И.С.Ефимова „Из литературных зарисовок“ печатаются по тексту, опубликованному в кн.: *Ефимов И.* Об искусстве и художниках. М., 1977.

Письмо Д.С.Лихачева В.А.Фаворскому от 29 апр. 1962 г. публикуется по оригиналу (архив семьи В.А.Фаворского). Д.С.Лихачев был автором вступительной статьи, дословного и объяснительного перевода и редактором издания „Слова о полку Игореве“ (М., Детгиз, 1952), выпущенного с гравюрами В.А.Фаворского, за которые, наряду с гравюрами к „Борису Годунову“ и „Маленьким трагедиям“ А.С.Пушкина, художнику была присуждена Ленинская премия в 1962 г.

На отдельном вкладыше помещены текст и перевод „Слова о полку Игореве“. Тексты печатаются по тексту издания „Памятники литературы Древней Руси. XII век“ (Составление и общая ред. Л.А.Дмитриева, Д.С.Лихачева. Подготовка текста, пер. и коммент. О.В.Творогова. М., 1980). В перевод „Слова“ дополнительно внесены некоторые уточнения, сделанные О.В.Твороговым специально для настоящего издания.

Примечания

- 1
В оригинале рукописи ошибочно: *черниговский князь*.
- 2
Речь идет об издании „Слова о полку Игореве“ 1938 г.
- 3
Имеется в виду Ипатьевская летопись конца XII в.
- 4
Вероятно, Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись, XV в., первая иллюстрированная рукопись о походе князя Игоря.
- 5
Рабочий макет В. А. Фаворского к изданию „Слова о полку Игореве“ 1938 г. не удалось обнаружить, из макета к изданию 1952 г. сохранились отдельные листы, которые мы воспроизводим.
- 6
Местонахождение всех эскизов к гравюре „Плач Ярославны“, о которых говорит В.А.Фаворский, для издания „Слова“ 1952 г. не известно.
- 7
Речь идет о совместной работе В. А. Фаворского с В. Н. Вакидиным над декорациями и костюмами к постановке пьесы В. Соловьева „Великий государь“ в Театре имени Евг. Вахтангова (1945 г.).
- 8
Имеются в виду рельефы царского места Ивана Грозного („Мономахов трон“), 1551 г., находящегося в Успенском соборе Московского Кремля. (См. ил. 441, 442 в настоящем издании, а также: *Толстая Т. В.* Успенский собор Московского Кремля. М., 1979, ил. 16, 20; *Бочаров Г. Н.* Царское место Ивана Грозного в Московском Успенском соборе.—В кн.: Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985.) В Историческом музее экспонируется копия трона, исполненная Ф. Рихтером в начале XX в.
- 9
Вероятно, О. Л. Розенблатт. См. примеч. 13 к послесловию.
- 10
Ильин Николай Васильевич (1894—1954), художник-график, в то время главный художник Гослитиздата.
- 11
В связи со 150-летним юбилеем первого издания „Слова о полку Игореве“ в „Литературной газете“ (1950, 10 дек.) был помещен ряд статей и воспроизведены две гравюры В. Фаворского к изданию 1938 г.
- 12
Отрывок из письма В. А. Фаворского В. М. Конашевичу печатается в настоящем издании (см. с. 25).
- 13
Вероятно, речь шла о выставке к 10-летию юбилею Московского союза художников (не состоялась).
- 14
В связи с 775-летием „Слова о полку Игореве“ в „Литературной газете“ (1963, 24 дек.) был помещен ряд статей, в том числе заметка Гр. Анисимова „Фаворский иллюстрирует „Слово“,

воспроизведены три гравюры В. Фаворского к изданию 1938 г., а также „Певец“ (б. д.).

- 15
В „Литературной газете“ (1963, 24 дек.) были опубликованы отрывки из новых переводов „Слова о полку Игореве“ А. Степанова, а также А. Сендык и С. Шервинского с предисловием И. Сельвинского.
- 16
Дюкалова Надежда Ароновна (1905—1979), художник, ученица В. А. Фаворского. Принимала участие в экспонировании гравюр В. Фаворского к „Слову о полку Игореве“ на Всесоюзной художественной выставке 1950 г.
- 17
По свидетельству Г. С. Островского, автора ряда статей о творчестве В. А. Фаворского, сам художник в беседе с ним в 1958 г. говорил, что „из всех иллюстраций к „Слову о полку Игореве“ более других ценит гравюру „Златое слово“ Святослава“: там есть эпичность. Довоенное „Слово“ ставил выше. Говорил, что там есть метафоричность и что красное и черное— это цвет Древней Руси“ (из письма Г. С. Островского—Ю. А. Молоку от 5 февр. 1985 г.).
- 18
Настоящая запись М. В. Фаворской, а также известные нам шесть эскизов к переплету „Слова“ (см. ил. 462—467 в настоящем издании) позволяют уточнить ход работы художника над переплетом (ср.: „На предварительных набросках сперва было три сокола, потом их стало четыре, а всадников было много; сперва восемь, потом пять, в окончательном варианте— три“.—*Голицын С.* Слово о мудром мастере. Повесть. М., 1977, с. 157).
- 19
Щиты с росписями к выставке „Слова“ были утрачены во время войны, см. об этом отрывок из дневника В. Н. Вакидина от 19 февр. 1962 г. (с. 21). Фотографии росписей, хранящиеся в Литературном музее в Москве, использованы в настоящем издании.
- 20
Речь, вероятно, идет о гравюре „Поэт-воин— Автор „Слова““, см. примеч. 56 к послесловию.
- 21
Неточность: кроме „Бояна“ В. А. Фаворский награвировал также для неосуществленного издания „Слова“ гравюру „Затмение“.

Список иллюстраций

В настоящем издании воспроизведены подготовительные рисунки, эскизы, доски и оттиски из собрания семьи В.А.Фаворского, семьи В.В.Пахомова, отдела рисунка и гравюры Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Несохранившиеся левкасные доски к выставке „Слова“ 1938 г., а также ряд эскизов, местонахождение которых не удалось установить, репродуцированы с фотографий. Гравюрные доски и оттиски (за исключением № 223—224, 229—230, 446) воспроизведены в размер оригиналов, размеры подготовительных рисунков указаны в сантиметрах.

Страница рукописи статьи В. А. Фаворского „Как я иллюстрировал „Слово о полку Игореве““. 1953. Факсимиле.

Москва, архив семьи В. А. Фаворского

„Слово о полку Игореве“

Перевод, предисловие и пояснения Ивана Новикова. Общая редакция и вступительная статья Н. К. Гудзия. Переплет, фронтиспис, заставки, концовки—гравюры на дереве В. А. Фаворского. Москва, „Художественная литература“, 1938.

На шмуцтитудле:

Переплет книги : „Слово о полку Игореве“

Верхний ряд:

Битва с половцами

1 Разворот книги с гравюрой на авантитудле

Нижний ряд:

Битва с половцами

Гравюра для авантитудла

2 Эскиз к гравюре. Б., кар. 13,5×9,1; 6×6

Москва, собрание семьи В. А. Фаворского

3—4 Доска и оттиск

Верхний ряд:

Затмение

Фронтиспис

Сокол и ворон

Гравюра на титульном листе

5 Титульный разворот книги с гравюрами

Нижний ряд:

Затмение

Гравюра для фронтисписа

6 Эскиз к гравюре. Б., кар.

Местонахождение неизвестно

7 Доска

Сокол и ворон

Гравюра для титульного листа

8—9 Доска и оттиск

Затмение
Гравюра для фронтисписа
10—11 Оттиски. Печать красной и черной краской

12 *Верхний ряд:*
Разворот книги со шмуцтитудлом

Нижний ряд:
Надпись на переплете

13—14 Доска и оттиск

Верхний ряд:

Глава 1

Соколы и лебеди

15 Разворот книги с заставкой, инициалом и текстом „Слова“. Страницы 28—29

Нижний ряд:

Глава 1

Соколы и лебеди

Заставка

16 Эскиз к гравюре. Б., кар. 13,6×9,1; 4×6,6

Москва, собрание семьи В. А. Фаворского

17—18 Доска и оттиск

Инициал Н

19—20 Доска и оттиск

Верхний ряд:

Глава 2

Шлем, лук, меч и секира

21 Разворот книги с заставкой, инициалом и текстом „Слова“. Страницы 30—31

22 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 32—33

Нижний ряд:

Глава 2

Нитка бус и утица

Концовки

Инициал Т

Шлем, лук, меч и секира

Заставка

23—30 Доски и оттиски

Верхний ряд:

Глава 2

31—32 Развороты книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 34—35, 36—37

Нижний ряд:

Инициалы Н, Т, У, И, И, Н, У, В, М

33—50 Доски и оттиски

Верхний ряд:

Главы 2—3

Первое сражение с половцами

51 Разворот книги с концовкой (гл. 2), за-

- ставкой, инициалом (гл. 3) и текстом „Слова“.
Страницы 38—39
- 52 Разворот книги с концовками (гл. 3) и текстом „Слова“.
Страницы 40—41
Нижний ряд:
- Глава 3
Первое сражение с половцами
- Заставка
53 Эскиз к гравюре. Б., кар. 13,5×9,5;
4×7
Москва, Гос. музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
- 54—55 Доска и оттиск
Инициал У
- 56—57 Доска и оттиск
Верхний ряд:
- Главы 3—4
- 58 Разворот книги с концовками (гл. 3) и текстом „Слова“. Страницы 42—43
Поле битвы после сражения
- 59 Разворот книги с концовкой (гл. 3), заставкой, инициалом (гл. 4) и текстом „Слова“.
Страницы 44—45
Нижний ряд:
- Глава 4
Поле битвы после сражения
- Заставка
60 Эскиз к гравюре. Б., кар. 13,6×9;
4,1×8
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- 61—62 Доска и оттиск
Верхний ряд:
- Глава 4
63—64 Развороты книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 46—47, 48—49
Нижний ряд:
Нитка бус, утица, лебедь и перстень
- Концовки
65—100 Доски и оттиски
Верхний ряд:
- Глава 5
Стяги, мечи, копье, щит и секира
- 101 Разворот книги с заставкой, инициалом и текстом „Слова“.
Страницы 50—51
- 102 Разворот книги с текстом „Слова“.
Страницы 52—53
Нижний ряд:
- Глава 5
Стяги, мечи, копье, щит и секира
- Заставка
103 Эскиз к гравюре. Б., кар. 13,5×9,5;
4×7
Москва, Гос. музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
- 104—105 Доска и оттиск
Инициал И
- 106—107 Доска и оттиск
Верхний ряд:
- Главы 5—6
Чертополох и ковыль
- 108 Разворот книги с концовкой (гл. 5), заставкой, инициалом (гл. 6) и текстом „Слова“.
Страницы 54—55
- 109 Разворот книги с текстом „Слова“.
Страницы 56—57
Нижний ряд:
- Глава 6
Утица
- Концовка
- Инициал И
Чертополох и ковыль
- Заставка
110—115 Доски и оттиски
Верхний ряд:
- Главы 6—7
Шлем, лук, меч и секира
- 116 Разворот книги с концовкой (гл. 6), заставкой, инициалом (гл. 7) и текстом „Слова“.
Страницы 58—59
- 117 Разворот книги с концовкой (гл. 7) и текстом „Слова“. Страницы 60—61
Нижний ряд:
- Главы 6—7
Нитка бус и лебедь
- Концовки
Инициал И
Шлем, лук, меч и секира
- Заставка
118—125 Доски и оттиски
Верхний ряд:
- Глава 7
126—127 Развороты книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 62—63, 64—65
Нижний ряд:
Инициалы Н, Т, У, И, И, Н, У, В, М
- 128—145 Доски и оттиски
Верхний ряд:
- Главы 7—8
Чертополох и ковыль
- 146 Разворот книги с концовкой (гл. 7), заставкой, инициалом (гл. 8) и текстом „Слова“.
Страницы 66—67
- 147 Разворот книги с концовкой (гл. 7) и текстом „Слова“. Страницы 68—69
Нижний ряд:
- Главы 8—9
Чертополох и ковыль
- Заставка (гл. 8)
148—149 Доска и оттиск
Инициал У (гл. 8)
- 150—151 Доска и оттиск
Плач Ярославны
- Заставка (гл. 9)
152 Подготовительный рисунок для гравюры. Б., кар.
Местонахождение неизвестно
Верхний ряд:
- Главы 8—9
153 Разворот книги с текстом „Слова“.
Страницы 70—71
Плач Ярославны
- 154 Разворот книги с концовкой (гл. 8), заставкой, инициалом (гл. 9) и текстом „Слова“.
Страницы 72—73
Нижний ряд:
- Глава 9
Плач Ярославны
- Заставка
155 Эскиз к гравюре. Б., кар.
Местонахождение неизвестно
- 156—157 Доска и оттиск
Инициал Н
- 158—159 Доска и оттиск
Верхний ряд:
- Главы 9—10
160 Разворот книги с концовкой (гл. 9) и текстом „Слова“. Страницы 74—75
Сокол и лебеди
- 161 Разворот книги с заставкой, инициалом (гл. 10) и текстом „Слова“. Страницы 76—77

- Нижний ряд:*
- Глава 10
Заставка Сокол и лебеди
- 162 Эскиз к гравюре. Б., кар. 14,5×13,7; 3×6,1
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- 163—164 Доска и оттиск
Инициал В
- 165—166 Доска и оттиск
Верхний ряд:
- Главы 10—11
- 167 Разворот книги с концовками (гл. 10) и текстом „Слова“. Страницы 78—79
Шлем, лук, меч и секира
- 168 Разворот книги с заставкой, инициалом (гл. 11) и текстом „Слова“.
Страницы 80—81
- Нижний ряд:*
- Главы 10—11
Утица и перстень
- Концовки (гл. 10)
Инициал М (гл. 11)
Шлем, лук, меч и секира
- Заставка (гл. 11)
- 169—176 Доски и оттиски
Верхний ряд:
- Глава 11
Сокол и ворон
- 177 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 82—83
- Нижний ряд:*
- Глава 11
Сокол и ворон
- Концовка
- 178 Эскиз к гравюре. Б., кар. 14,5×13,7; 3×4
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- 179—180 Доска и оттиск
- Выставка к 750-летию „Слова“ в Гос. Литературном музее. Москва, 1938. Росписи В.А.Фаворского и Л.Р.Мюльгаупта. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- Левкасные доски к выставке (№ 183—199)—фотографии Гос. Литературного музея
- На шмуцтитуле:*
- О.Л.Розенблатт
- Афиша выставки „Слово о полку Игореве“. 1938
- 181—182 Пригласительный билет на выставку к 750-летию „Слова о полку Игореве“ в Гос. Литературном музее в Москве. 1938
- Соколы и лебеди
- 183 Доска с росписью и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись В.А.Фаворского. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- Боян
- 184 Доска с росписью и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись В.А.Фаворского. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- 185 Доска с текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- Выступление Игоря в поход
- 186 Доска с росписью и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись В.А.Фаворского. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- Затмение
- 187 Доска с росписью и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись В.А.Фаворского. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- 188 Доска с текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- Первое сражение с половцами
- 189 Доска с росписью и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись В.А.Фаворского. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- 190 Доска с текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- Битва с половцами
Поле битвы после сражения
- 191 Доска с росписью и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись В.А.Фаворского. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- 192 Доска с текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- Плачущие жены
- 193 Доска с росписью и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись В.А.Фаворского. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- Степь
- 194 Доска с росписью и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись Л.Р.Мюльгаупта. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- „Златое слово“ Святослава
- 195 Доска с росписью и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись Л.Р.Мюльгаупта. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- Половецкий стан
- 196 Доска с росписью и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись Л.Р.Мюльгаупта. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- Разговор Игоря с Донцом
- 197 Доска с росписью и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись В.А.Фаворского. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- Плач Ярославны
- 198 Доска с росписью и текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Роспись В.А.Фаворского. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- 199 Доска с текстом „Слова“
Дерево, левкас, темпера
Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
- Соколы и лебеди
- 200 Эскиз к левкасной доске. Б., кар., темпера. 47×77,5
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Верхний ряд:*
- Боян
- Затмение
- 201—202 Эскизы к левкасным доскам. Б., кар.
Местонахождение неизвестно

- Нижний ряд:*
 Выступление Игоря в поход
 203 Эскиз к левкасной доске. Б., кар.
 29×44,2
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- 204 Эскиз к левкасной доске. Б., кар.
 Местонахождение неизвестно
 Боян
- 205 Эскиз к левкасной доске. Б., кар., темпера. 55×74
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Затмение
 206 Эскиз к левкасной доске. Б., кар., темпера. 55,7×79,5
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Первое сражение с половцами
 207 Эскиз к левкасной доске. Б., кар.
 44,1×64,1
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Верхний ряд:*
 Битва с половцами
 208 Эскиз к левкасной доске. Б., кар.
 29×44,2
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Битва с половцами
 209 Эскиз к левкасной доске. Б., кар.
 28×39,2
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Нижний ряд:*
 Поле битвы после сражения
 210 Эскиз к левкасной доске. Б., кар.
 Местонахождение неизвестно
- 211 Эскиз к левкасной доске. Б., кар.
 25×60
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Битва с половцами
 212 Эскиз к левкасной доске. Б., кар., темпера. 55×74,4
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Верхний ряд:*
 Плачущие жены
 213 Эскиз к левкасной доске. Б., кар.
 Местонахождение неизвестно
- 214 Эскиз к левкасной доске. Б., кар.
 44,3×64
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Нижний ряд:*
 Разговор Игоря с Донцом
 215 Эскиз к варианту левкасной доски. Б., кар.
 Местонахождение неизвестно
- 216 Эскиз к варианту левкасной доски. Б., кар. 44,3×64
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Плач Ярославны
 217 Эскиз к левкасной доске. Б., кар., темпера. 55×75,3
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Верхний ряд:*
 Плач Ярославны
 218 Эскиз к левкасной доске. Б., кар.
 Местонахождение неизвестно
- Нижний ряд:*
 Разговор Игоря с Донцом
 219 Эскиз к левкасной доске. Б., кар.
 44,1×64,1
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Эскизы, гравюрные доски, оттиски и макет
 В.А.Фаворского к неосуществленному изданию
 1948 г.
- На шмуцтителе:*
 Макет книги „Слово о полку Игореве“
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Верхний ряд:*
 Боян
 Соколы и лебеди
 Инициал Н
 220 Разворот макета. Б., кар. 32×44,4
 (двойной лист)
- Нижний ряд:*
 Боян
 221 Подготовительный рисунок для
 гравюры. Б., кар.
 Местонахождение неизвестно
- 222 Эскиз к гравюре. Б., кар.
 Местонахождение неизвестно
 Боян
- 223—224 Доска и оттиск. 22×16 (уменьшено)
- Верхний ряд:*
 Затмение
 225 Разворот макета. Б., кар. 32×44,4
 (двойной лист)
 Выступление Игоря в поход
- 226 Разворот макета. Б., кар. 32×44,4
 (двойной лист)
- Нижний ряд:*
 Затмение
 227 Эскиз к гравюре. Б., кар., тушь.
 32×22,2; 22×16
 Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Выступление Игоря в поход
 228 Лист макета. Б., кар. 32×22,2; 21,5×15
 Затмение
- 229—230 Доска и оттиск. 22×16 (уменьшено)
- Верхний ряд:*
 Орел и соколы
 Инициал С
 231 Разворот макета. Б., кар. 32×44,4
 (двойной лист)
 Волки
 Инициал Д
- 232 Разворот макета. Б., кар. 32×44,4
 (двойной лист)
- Нижний ряд:*
 Орел и соколы
 233 Лист макета. Концовка. Б., кар.
 32×22,2; 7×8
 Волки
- 234 Лист макета. Концовка. Б., кар.
 32×22,2; 4,8×9
- Верхний ряд:*
 Битва с половцами
 Сокол и ворон
 235 Разворот макета. Б., кар. 32×44,4
 (двойной лист)
 Раненый Игорь среди воинов
- 236 Разворот макета. Б., кар. 32×44,4
 (двойной лист)
- Нижний ряд:*
 Сокол и ворон
 237 Лист макета. Концовка. Б., кар.
 32×22,2; 7×8
 Раненый Игорь среди воинов
- 238 Лист макета. Б., кар. 32×22,6;
 22,5×15,5
- Верхний ряд:*
 Плачущие жены
 239 Разворот макета. Б., кар. 32×44,4 (двой-
 ной лист)
- Нижний ряд:*
 Плачущие жены

- 240 Лист макета. Концовка. Б., кар.
32×22,2; 10,5×11
„Слово о полку Игореве“
Вступительная статья, редакция текста, перевод с древнерусского Д.С.Лихачева. Гравюры к тексту и переводу, титульный лист, фронтиспис и переплет В.А.Фаворского. Гравюры к поэтическим переложениям, украшения и шмуцтитулы М.И.Пикова. Макет книги В.В.Пахомова. Москва, Детгиз, 1952
На шмуцтитуле:
Переплет книги „Слово о полку Игореве“
Автор „Слова“ среди князей и дружинников
- 241 Гравюра в две доски для фронтисписа.
Первая доска
Плачущие жены, стяги, щиты и копья
- 242 Гравюра в две доски для титульного листа. Первая доска
- 243 Гравюра в две доски для фронтисписа.
Вторая доска
- 244 Гравюра в две доски для титульного листа. Вторая доска
Автор „Слова“ среди князей и дружинников
- Фронтиспис
- 245 Гравюра в две доски. Оттиск
Плачущие жены, стяги, щиты и копья
- Титульный лист
- 246 Гравюра в две доски. Оттиск
Верхний ряд:
Автор „Слова“ среди князей и дружинников
Плачущие жены, стяги, щиты и копья
- 247 Титульный разворот
Выступление Игоря в поход
Затмение
Инициалы Н, Н
- 248 Разворот книги с иллюстрациями, инициалами и текстом „Слова“. Страницы 48—49
Нижний ряд:
Выступление Игоря в поход
Затмение
Инициал Н
- 249 Эскиз разворота. Б., кар., тушь.
21,6×33,8 (двойной лист)
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
Инициалы Н, Н
- 250—253 Доски и оттиски
Верхний ряд:
Затмение
Выступление Игоря в поход
- 254—255 Гравюра в две доски. Первые доски
Нижний ряд:
Затмение
Выступление Игоря в поход
- 256—257 Гравюры в две доски. Вторые доски
Выступление Игоря в поход
Затмение
- Разворотная иллюстрация
- 258—259 Гравюры в две доски. Оттиски
Верхний ряд:
Соколы и лебеди
Орел и гусли
- 260 Разворот книги с гравюрами на полях, концовками и текстом „Слова“ Страницы 50—51
- 261 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 52—53
Нижний ряд:
Соколы и лебеди
- Гравюра в две доски на полях
- 262—264 Доски и оттиск
Орел и гусли
- Гравюра в две доски на полях
- 265—267 Доски и оттиск
Верхний ряд:
Разворот книги с инициалами и текстом „Слова“. Страницы 54—55
- 269 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 56—57
Нижний ряд:
Эскиз разворота с инициалами (левая полоса). Б., кар., акварель. 21,6×33,8 (двойной лист)
Москва, Гос. музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
Инициал И
- 271—272 Доска и оттиск
- 273 Эскиз разворота с инициалом (правая полоса). Б., кар., акварель. 21,6×33,8 (двойной лист)
Москва, Гос. музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
Инициал И
- 274—275 Доска и оттиск
Верхний ряд:
Орлы и вороны
Волки
- 276 Разворот книги с гравюрами на полях, концовками и текстом „Слова“.
Страницы 58—59
Первое сражение с половцами
- 277 Разворот книги с иллюстрациями и текстом „Слова“. Страницы 60—61
Нижний ряд:
Орлы и вороны
- Гравюра в две доски на полях
- 278—280 Доски и оттиск
Волки
- Гравюра в две доски на полях
- 281—283 Доски и оттиск
Верхний ряд:
Первое сражение с половцами
- 284—285 Гравюры в две доски. Первые доски
Нижний ряд:
Первое сражение с половцами
- 286—287 Гравюры в две доски. Вторые доски
Первое сражение с половцами
- Разворотная иллюстрация
- 288—289 Гравюры в две доски. Оттиски
Верхний ряд:
Развороты книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 62—63, 64—65
Нижний ряд:
Орнаментальные концовки
- 292—293 Доска и оттиск
Первое сражение с половцами
- Разворотная иллюстрация (правая часть)
- 294 Эскиз к варианту гравюры. Б., кар., акварель. 29,2×20,6; 7×12,1 (двойной лист)
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
Верхний ряд:
Развороты книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 66—67, 68—69
Нижний ряд:
Первое сражение с половцами
- Разворотная иллюстрация (правая часть)
- 297—298 Вариант гравюры. Доска и оттиск
Верхний ряд:
Битва с половцами
Раненый Игорь среди воинов
Буй Тур Всеволод на поле битвы
- 299 Разворот книги с иллюстрациями. Страницы 70—71

- Нижний ряд:*
Инициалы Н, Н, И, И, А, А, С
300—313 Доски и оттиски
Битва с половцами
Буй Тур Всеволод на поле битвы
314 Гравюра в две доски для разворотной иллюстрации (правая часть). Первая доска
Битва с половцами
Раненый Игорь среди воинов
315 Гравюра в две доски для разворотной иллюстрации (левая часть). Первая доска
Битва с половцами
316—317 Гравюры в две доски для разворотной иллюстрации. Вторые доски
Битва с половцами
Раненый Игорь среди воинов
Буй Тур Всеволод на поле битвы
Разворотная иллюстрация
318—319 Гравюры в две доски. Оттиски
Верхний ряд:
Дева
Плачущие жены
320 Разворот книги с гравюрами на полях, концовками и текстом „Слова“.
Страницы 72—73
321 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 74—75
Нижний ряд:
Дева
Гравюра в две доски на полях
322—323 Эскизы к варианту гравюры. Б., кар., акварель. 22×17; 6×3,5 (двойной лист)
Москва, собрание семьи В.В.Пахомова
324 Вариант доски
325 Эскиз к гравюре. Б., кар., акварель. 21,8×17; 7,5×4
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
326—328 Доски и оттиск
Верхний ряд:
329 Разворот книги с инициалами и текстом „Слова“. Страницы 76—77
330 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 78—79
Плачущие жены
Гравюра в две доски на полях
331—332 Эскизы к гравюре. Б., кар., акварель. 22×17; 5,5×3,5; 5,5×4,5 (двойной лист)
Москва, собрание семьи В.В.Пахомова
333—335 Доски и оттиск
Верхний ряд:
„Златое слово“ Святослава
336 Разворот книги с иллюстрациями и текстом „Слова“. Страницы 80—81
337 Разворот книги с текстом „Слова“.
Страницы 82—83
Нижний ряд:
338 Эскиз разворота с инициалами. Б., кар., акварель. 22,3×34,3; 4×2 (двойной лист)
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
Инициалы А, А
339—342 Доски и оттиски
Верхний ряд:
„Златое слово“ Святослава
343—344 Гравюры в две доски для разворотной иллюстрации. Первые доски
Нижний ряд:
„Златое слово“ Святослава
345—346 Гравюры в две доски для разворотной иллюстрации. Вторые доски
„Златое слово“ Святослава
Разворотная иллюстрация
347—348 Гравюры в две доски. Оттиски
Верхний ряд:
Дружина с копыями и стягами
Меч, щит, стяг, копьё, колчан с луком и стрелами
349 Разворот книги с гравюрами на полях, концовками и текстом „Слова“.
Страницы 84—85
350 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 86—87
Нижний ряд:
Дружина с копыями и стягами
Гравюра в две доски на полях
351—353 Доски и оттиск
Меч, щит, стяг, копьё, колчан с луком и стрелами
Гравюра в две доски на полях
354—356 Доски и оттиск
Верхний ряд:
357 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 88—89
Гибель дружины Изяслава
Вороны. Щит со стрелами в траве
Вороны. Колчан со стрелами в траве
358 Разворот книги с гравюрами на полях, концовками и текстом „Слова“. Страницы 90—91
Нижний ряд:
Гибель дружины Изяслава
Вороны. Щит со стрелами в траве
Гравюры в две доски на полях
359—361 Доски и оттиск
Гибель дружины Изяслава
Вороны. Колчан со стрелами в траве
Гравюра в две доски на полях
362—364 Доски и оттиск
Верхний ряд:
365—366 Развороты книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 92—93, 94—95
Нижний ряд:
Инициалы Н, Н, И, И, А, А, С
367—380 Доски и оттиски
Верхний ряд:
381 Разворот книги с инициалами, концовками и текстом „Слова“. Страницы 96—97
Плач Ярославны
382 Разворот книги с иллюстрациями, концовками и текстом „Слова“. Страницы 98—99
Нижний ряд:
Орнаментальные концовки
383 Подготовительный рисунок. Б., кар. Местонахождение неизвестно
384—385 Доска и оттиск
Верхний ряд:
Плач Ярославны
386—387 Гравюры в две доски для разворотной иллюстрации. Первые доски
Нижний ряд:
Плач Ярославны
388—389 Гравюры в две доски для разворотной иллюстрации. Вторые доски
Плач Ярославны
Разворотная иллюстрация
390—391 Гравюры в две доски. Оттиски
Верхний ряд:
392 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 100—101
Бегство Игоря из плена
Сокол, лебеди и волк
Игорь и Овлур на конях

- 393 Разворот книги с гравюрами на полях, концовками и текстом „Слова“. Страницы 102—103
Нижний ряд:
Бегство Игоря из плена
Сокол, лебеди и волк
- 394 Эскиз разворота (левая полоса). Б., кар., акварель. 21,6×34,2; 7,3×3,5 (двойной лист)
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
395—397 Доски и оттиски
Верхний ряд:
Разговор Игоря с Донцом
- 398 Разворот книги с иллюстрациями и текстом „Слова“. Страницы 104—105
- 399 Разворот книги с концовками и текстом „Слова“. Страницы 106—107
Нижний ряд:
Бегство Игоря из плена
Игорь и Овлур на конях
- 400 Эскиз разворота (правая полоса). Б., кар., акварель. 21,6×34,2; 7×5 (двойной лист)
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
401—403 Доски и оттиск
Верхний ряд:
Разговор Игоря с Донцом
- 404—405 Гравюры в две доски для разворотной иллюстрации. Первые доски
Нижний ряд:
Разговор Игоря с Донцом
- 406—407 Гравюры в две доски для разворотной иллюстрации. Вторые доски
Разговор Игоря с Донцом
Разворотная иллюстрация
- 408—409 Гравюры в две доски. Оттиски
Верхний ряд:
Разворот книги с инициалами, концовками и текстом „Слова“. Страницы 108—109
Возвращение Игоря
- 411 Разворот книги с иллюстрациями, концовками и текстом „Слова“. Страницы 110—111
Нижний ряд:
Инициал С
- 412—413 Доска и оттиск
414—415 Эскиз разворота с инициалами. Б., кар., акварель (двойной лист)
Местонахождение неизвестно
Верхний ряд:
Возвращение Игоря
- 416—417 Гравюры в две доски для разворотной иллюстрации. Первые доски
Нижний ряд:
418—419 Гравюры в две доски для разворотной иллюстрации. Вторые доски
Возвращение Игоря
Разворотная иллюстрация
- 420—421 Гравюры в две доски. Оттиски
Верхний ряд:
Соколы
- 422 Разворот книги с концовкой и шумцитулом (шрифт М.И.Пикова). Страницы 112—113
Нижний ряд:
Соколы
Концовка
- 423—425 Гравюра в две доски. Доски и оттиск
- 426 „Слово о полку Игореве“. 1938. (Экземпляры в переплетах из кальки и кожи)
- 427 „Слово о полку Игореве“. 1938. (Экземпляр в коленкоровом переплете)
- 428 „Слово о полку Игореве“. 1938. (Библиотека журнала „Огонек“)
- 429—430 Интерьер выставки к 750-летию „Слова о полку Игореве“. 1938.
Оформление зала В.А.Фаворского и С.П.Исакова.
Левкасные доски с росписями и текстом „Слова“. Росписи В.А.Фаворского. Шрифт Б.В.Грозевского, Д.Н.Афанасьева и С.С.Чуракова
Верхний ряд:
Поэт-воин—Автор „Слова“
Гравюра В.А.Фаворского. 1937—1939
- 431 Эскиз к гравюре. Б., кар., акварель
Местонахождение неизвестно
- 432 Пробный оттиск с дорисовкой (1 состояние)
Москва, собрание В.К.Федяевской
- 433 Пробный оттиск с дорисовкой (2 состояние)
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- 434 Первая доска
Нижний ряд:
Поэт-воин—Автор „Слова“
Гравюра В.А.Фаворского. 1937—1939
- 435 Пробный оттиск с первой доски
- 436—437 Вторая доска и оттиск
- 438 Оттиск с двух досок
Поэт-воин—Автор „Слова“
- 439 Эскиз к гравюре для книги И.А.Новикова „Сын тысяцкого“ (Повесть об авторе „Слова о полку Игореве“).
Рисунок из альбома В.А.Фаворского. Б., кар. 18,2×11,3; 9×7,5
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
Поэт-воин—Автор „Слова“
- 440 Гравюра В.А.Фаворского для книги И.А.Новикова „Сын тысяцкого“ (Повесть об авторе „Слова о полку Игореве“). Оттиск. 1937—1939
Верхний ряд:
„Благоверного великого князя Владимира Киевского Мономаха войска едут во области Фракийские“, „Благоверного великого князя Владимира Киевского Мономаха войска приступают к граду“
- 441—442 Рельефы царского места Ивана Грозного („Мономахов трон“). 1551.
Успенский собор Московского Кремля
Нижний ряд:
Битва с половцами
Затмение
- 443—444 Гравюры В.А.Фаворского к изданию „Слова“ 1938 г.
Затмение
- 445 Гравюра В.А.Фаворского к изданию „Слова“ 1952 г. Гравюра в две доски. Оттиск с первой доски
Александр Невский
- 446 Гравюра В.А.Фаворского из серии „Великие русские полководцы“. 1946. 22,5×16,8 (уменьшено)
Положение во гроб
- 447 Икона. Конец XV в. Новгородская школа
Гос. Третьяковская галерея
Верхний ряд:
Фамарь
- 448 Гравюра В.А.Фаворского к драме А.Глобы „Фамарь“. 1923
Нижний ряд:
Руфь
- 449 Гравюра В.А.Фаворского к „Книге Руфь“. 1924

- Дева
Плачущие жены
450—451 Гравюры В.А.Фаворского в две доски к изданию „Слова“ 1952 г. Оттиски с первых досок
- Дева
452 Подготовительный рисунок В.А.Фаворского для гравюры к изданию „Слова“ 1952 г. (Набросок с М.В.Фаворской). Б., кар. 22,5×17,3
Москва, собрание семьи В.В.Пахомова
- Плачущие жены
453 Набросок В.А.Фаворского для неосуществленной гравюры к изданию „Слова“ 1938 г. Б., кар. 14,5×13,7
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- 454—455 Эскизы В.А.Фаворского к левкасной доске для выставки „Слова“ 1938 г. Б., кар.
Местонахождение неизвестно
- Плач Ярославны
456 Набросок для гравюры к изданию „Слова“ 1938 г. Лист из альбома В.А.Фаворского
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Плач Ярославны
457 Подготовительный рисунок для гравюры к изданию „Слова“ 1938 г. Лист из альбома В.А.Фаворского. Б., кар. 16,5×15,4
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Плач Ярославны
458 Подготовительный рисунок В.А.Фаворского для гравюры к изданию „Слова“ 1938 г. кар. 17×15,5
Москва, Гос. музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
- 459 Богоматерь Великая Панагия (Оранта)
Около 1224 г.
Гос. Третьяковская галерея
- Плач Ярославны
460 Подготовительный рисунок В.А.Фаворского для гравюры к изданию „Слова“ 1938 г.
Плач Ярославны
- 461 Гравюра В.А.Фаворского в две доски к изданию „Слова“ 1952 г. Оттиск с первой доски
- Верхний ряд:*
Волки и соколы
Воин на коне
- 462—463 Подготовительные рисунки В.А.Фаворского для переплета к изданию „Слова“ 1952 г. Б., кар. 21,4×15,4; 22,3×17,3
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Воины на конях,
волки и соколы
- 464 Подготовительный рисунок В.А.Фаворского для переплета к изданию „Слова“ 1952 г. Б., кар. 21×17
Москва, Гос. музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
- Нижний ряд:*
Волки и соколы
- 465 Эскиз В.А.Фаворского для переплета к изданию „Слова“ 1952 г. Б., гуашь, бронза. 21,9×17
Москва, Гос. музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
- Воин на коне и волк, соколы
Воины на конях и соколы
- 466—467 Эскизы В.А.Фаворского для переплета к изданию „Слова“ 1952 г. Б., гуашь, бронза. 22,3×17,3; 21,9×17,3
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Инициалы „Добрилова Евангелия“. 1164
- 468 Лист из альбома В.А.Фаворского. 1950—1951
Москва, собрание семьи В.А.Фаворского
- Инициалы С, А
469—470 Гравюры В.А.Фаворского к изданию „Слова“ 1952 г. Оттиски
- Инициал С
471 Гравюра В.А.Фаворского к изданию „Слова“ 1952 г. Оттиски
- Инициал С
472 Фрагмент листа из „Киевской псалтири“. 1397
Ленинград, гос. Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина
- Инициал Р
473 Фрагмент листа из „Евангелия Хитрово“. Начало XV в.
Москва, Гос. библиотека СССР им. В.И.Ленина
- Инициалы А, Н
474—475 Гравюры В.А.Фаворского к изданию „Слова“ 1952 г. Оттиски
Утица, нитка бус, перстень и лебедь
- 476 Гравюры В.А.Фаворского к изданию „Слова“ 1938 г. Оттиски

Summary

The book "V.A. Favorsky. "The Lay of Igor's Host" in Engravings" is published at the time when the great Russian epic enters its ninth centenary. This edition is dedicated to its 800th Anniversary.

The numerous illustrators of the poem have created a great body of works. The work done by Vladimir Favorsky has won wide recognition, although it was not published in its entirety. The engravings of his epic cycles constitute an important part of the artist's output and merit a special chapter in his biography. When, on the eve of the world war, his interest first became centred on "The Lay", Favorsky was an artist of standing, widely known as an illustrator of Pushkin, Dante, Gogol and Mèrimèe. In the late 1930s he illustrated a small-size edition of the poem. His xylographic silhouettes were printed in red paint and resembled initials from old illuminated manuscripts. In the same year he designed a decorative scheme of an exhibition which was mounted at the Moscow Literary Museum. The exposition had the appearance of an open book. On seventeen screens arranged along the walls, the artist's pupils wrote the full text of the poem to which the artist added his illustrations. The text was written in characters of the Old-Russian alphabet while the illustrations were painted with distempered pigments on a chalk-primed surface—in a technique of ancient icon-painters.

The work at "The Lay" was resumed after the war. A cycle of engravings, not completed, was created in the first post-war years. A new variant appeared in the early 1950s.

Thus to the four stages of his work at "The Lay" the artist devoted about fifteen years. It was an eventful time, a whole historical epoch. During this time the ancient epic and its heroes became closer to us: the events of the war bound them, as it were, with the realities of current life. It was a period of national retrospection, when the interest in the country's past, in its cultural tradition gave an impetus to the work of historical novelists, film-makers, painters and graphic artists. Here is what Favorsky said about "The Lay": "This epic poem is very dear to me. It has a quality which is common to early Russian art, painting and poetry—a blend of lyricism and monumentality".

- The present edition has been conceived as an experiment in the reconstruction of all that was created by Favorsky during many years of his work at "The Lay". It is a comprehensive collection of materials related to his cycles—from a preliminary sketch in the sketch-book to an engraving plate, from a lay-out sheet to a picture in the book, from a unique print to a photograph of work which is no longer extant. Thus it will give the reader a fairly good idea of how the great literary monument is represented in the artist's illustrations. But not only this: the reader will be able to follow step by step all that was done by the master in the course of his work at the engraving.
- Illustrations in the album are grouped into four parts which correspond to the four periods of the master's work. In each part the material is arranged in two parallel rows. One of them presents the finished work: the different editions illustrated by Favorsky are reproduced page after page with all lay-out sheets and book openings. In the other row we find sketches, variants, engraving plates and individual impressions. These are, as a rule, facsimile reproductions made in the size of the original. Thus we become witnesses to a process which is usually hidden from view. We follow, as it were, the birth of an engraving from the moment when the master conceives it in his mind to its pictorial embodiment in the book. The album also includes the passages from early Russian manuscripts and pieces of old painting which the illustrator used as his source material.
- The collection comprises 476 sketches and finished works many of which have not been published before. This material elucidates the principles and methods of the artist who spent many years translating the ancient epic into the idiom of engraving.
- The book also contains a selection of literary materials. Among them there are articles, notes and letters written by the artist in which he tells about his engravings and reflects on the peculiarities of the poem, its historical and literary significance. They are followed by notes, previously unpublished, of his wife Maria Favorskaya and excerpts from the diary of his pupil Viktor Vakidin. At the time of their appearance Favorsky's engravings were highly appraised by contemporary authors. Among them were Konstantin Fedin, a novelist; Sergei Kononov and Ivan Efimov, sculptors; Dmitry Likhachev, a historian. Some of their comments are quoted in the book. The artist's work at "The Lay" in its progress is described in the afterword written by Yury Molok.
- The publication has been prepared with an active participation of Maria Favorskaya, the artist's daughter, and the painter Irina Korovai. The compilers are also indebted to them for their generous permission to make use of the materials from the archives of V. Favorsky. Our thanks are also due to Ivan Shakhovskoy, the artist's grandson, who made impressions from engraving plates. These prints are reproduced in the book. We deem it our duty to mention the contribution of Dmitry Belous, whose special photographs are reproduced in the book, and the valuable work done by the authors of the lay-out and the design, Alexander Konoplev and Marina Dumanyan.

„Слово о полку Игореве“ в гравюрах В.А. Фаворского

Редакторы

Ю.А.Молок, Н.А.Ракова

Художественные редакторы

И.Г.Румянцева, С.Р.Николаев

Технические редакторы

А.А.Сидорова, Н.В.Морозова

Корректор,

Л.Я.Трофименко

Подготовка тоновых оригиналов

Н.М.Давыдов

Корректурa цветных иллюстраций

Г.М.Короткова

ИБ № 2537

Подп. к печ. 7.04.86. А 07235

Формат издания 70×90/12

Бумага мелованная матовая

Гарнитура „Тайме“

Печать офсетная. Усл. кр.-отг. 103,57

Усл. печ.л. 27,296. Уч.-изд.л. 17,706

Изд. № 20841. Тираж 25 000

Заказ 70516. Цена 8 руб.

Издательство „Искусство“

103009 Москва,

Собиновский пер., 3

Типография

Београдски издавачко-

графички завод,

Бул. војводе Мишића 17.

Београд

От редакции

Издание „Слово о полку Игореве“ в гравюрах В.А.Фаворского“ посвящено 800-летнему юбилею великого памятника древнерусской литературы.

Среди многочисленных иллюстраций к поэме широкое признание получили гравюры В.А.Фаворского. Однако в полном объеме его работа над „Словом“ до сих пор оставалась неизвестной, хотя она занимает целую главу его биографии. Еще в 1938 году было выпущено издание поэмы в новом переводе Ивана Новикова с гравюрами Фаворского. Тогда же вместе со своими учениками он оформил в Москве выставку в Литературном музее, специально посвященную „Слову о полку Игореве“. После окончания войны художник снова вернулся к работе над „Словом“, создав один вариант, оставшийся незаконченным и малоизвестным, и выполнив в 1950—1951 годах другой, получивший широкую известность и удостоенный позднее, наряду с его гравюрами к „Борису Годунову“ и „Маленьким трагедиям“ А.С.Пушкина, Ленинской премии.

Настоящее издание задумано как опыт реконструкции многолетней работы Фаворского над „Словом“ и представляет собой наиболее полный свод всех относящихся к ней материалов—от первого наброска в альбоме до гравюрной доски, от рабочего макета до самого издания, от уникального оттиска до фотографий утраченных работ,—которые удалось разыскать в музеях, частных собраниях и главным образом в архиве семьи художника.

Альбом иллюстраций, соответственно четырем этапам работы мастера, разделен на четыре части, каждая из которых состоит из двух параллельных рядов. На одном последовательно, страница за страницей, воспроизведены макетные и книжные развороты различных изданий „Слова“, украшенные гравюрами Фаворского—окончательный результат работы художника. На другом помещены эскизы, гравюрные доски и оттиски, репродуцированные, как правило, в размер оригинала с факсимильной точностью. Таким образом, читатель не только получит почти полное представление об иллюстрациях Фаворского к памятнику древнерусской литературы, но и сможет познакомиться с замыслом, самым ходом работы мастера, обычно остающимися недоступными зрителю. Всего в книге воспроизведено 476 иллюстраций, большая часть которых публикуется впервые.

Слово о полку Игореве

К 800-летию „Слова о полку Игореве“

Слово о полку Игореве

Тексты

Перевод О.В.Творогова

Москва „Искусство“ 1987

Слово о *Пльку Игоревѣ*,
Игоря, сына Святъславля,
внука Ольгова

Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пльку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣмъ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню!

Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы, помняшетъ бо, *рече*, пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пуцашетъ 10 соколовъ на стадо лебедѣй, которыи дотечаше, та преди *пѣснь* пояше старому *Ярославу*, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ плькы касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимирера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрѣя плькы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

О Бояне, соловію стараго времени! А бы ты сиа плькы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы!

Пѣти было *пѣснь* Игореви, того внуку: „Не буря соколы занесе чресъ поля широкая—галици стады бѣжать къ Дону Великому“. Чи ли вѣспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче: „Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ!“.

Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый—ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои брѣзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми кѣмети: подъ трубами повити, подъ шеломы вѣзлелѣяны, конецъ копія вѣскрѣмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изѣострени. Сами скачють, акы сѣрыи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ“.

Тогда Игорь вѣзрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тъмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братие и

Слово о походе Игоревои,
Игоря, сына Святославова,
внука Олегова

- Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе Игоревои, Игоря Святославича? Начаться же той песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову. Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол—та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, зарезавшему Редедю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. А Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещи персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали.
- Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который обуздал ум своею доблестью и поострил сердца своего мужеством, преисполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.
- О Боян, соловей старого времени! Если бы ты полки эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умом под облака, свивая славы вокруг нашего времени, возносясь по тропе Трояновой с полей на горы!
- Так бы петь песнь Игорю, того внуку: „Не буря соколов занесла через поля широкие—стаи галок несутся к Дону великому“. Или так пел бы ты, вещий Боян, внук Велеса: „Кони ржут за Сулой—звонит слава в Киеве!“
- Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле, Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй-Тур Всеволод: „Один брат, один свет светлый—ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже оседланы у Курска. А мои куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю—славы“.
- Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью все его войско прикрито. И сказал Игорь дружине своей: „Бра-

дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону“. Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. „Хошу бо,—рече,—копие приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону“.

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше, ношь стонуци ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ вѣста, *збися* Дивъ, кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемъ, Влзъ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, *Тьмутороканьскый* блъванъ. А половци неготовамаи дорогами побѣгоша къ Дону Великому: крычатъ *телѣгы* полунощы, рци, лебеди распущени.

Игорь къ Дону вои ведеть. Уже бо бѣды его пасеть птиць по *дубию*, влѣци грозу вѣсрожатъ по яругамъ, орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь *мръкнетъ*. Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекоть славий успе, говоръ галичь *убудися*. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю—славы.

Съ зарания въ *пяткъ* потопташа поганья плъкы половецкыя, и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмамаи, и япончицамаи, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половѣцкыми. Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие—храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было *онъ* обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влѣкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають, чръныя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещутъ синии млѣнии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шелома половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго.

О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрывають, стязи глаголютъ: „Половци идуть“; отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ рускыя плъкы *оступиша*. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шелома мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,—тамо лежатъ поганья

тья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон“. Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонило ему предзнаменование. „Хочу,—сказал,—копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона“.

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону великому: скрипят телеги в полуночи, словно лебеди встревоженные.

Игорь к Дону войско ведет. Уже гибели его ожидают птицы по дубравам, волки беду будят по яругам, орлы клекотом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червлёные щиты.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

Долго темная ночь длится. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный затих, галичий говор проснулся. Русичи широкие поля червлёными щитами перегородили, ища себе чести, а князю—славы.

Спозаранку в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Покрывалами, и плащами, и одеждами, и всякими нарядами половецкими стали мосты мостить по болотам и топям. Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёный бунчук, серебряное древко—храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь прокладывает к Дону великому.

На другой день раным-рано кровавые зори рассвет возвещают, чёрные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям преломиться, тут саблям иступить о шлемы половецкие, на реке на Каяле, у Дона великого.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

А вот уже ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги вещают: „Половцы идут!“—от Дона, и от моря, и со всех сторон обступили они русские полки. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлёными щитами.

Яр-Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, осыпаешь воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, Тур, ни поскокаешь, своим золотым шлемом посвечивая,—там лежат головы

головы половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе, Ярѣ Туре Всеволоде! Кая рана дорога, братие, забывѣ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая!

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславлича. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремя въ градѣ Тьмутороканѣ, той же звонъ слыша давный великый Ярославъ сынъ *Всеволодъ*, а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплъкъ *полелѣя* отца своего между угорьскими иноходьцы ко святѣй Софии къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславлича сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие.

То было въ ты рати, и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано! Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты костыми была посѣяна, а кровию поляна; тугою въздоша по Руской земли!

Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, невеселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука, *вступила* дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону, плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганья погыбе, рекоста бо братъ брату: „Се мое, а то мое же“. И начяша князи про малое „се великое“ млѣвити, а сами на себѣ крамолу ковати, а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече заиде соколъ, птиць бѣя, — къ морю. А Игорева храбраго плъку не крѣсити! За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу *людемъ* мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены руския въсплакашась, аркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима сѣглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!“ А вѣстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастыми. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуце на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

поганых половцев, расщеплены саблями калеными шлемы аварские от твоей руки, Яр-Тур Всеволод! Какая рана удержит, братья, того, кто забыл о почестях и богатстве, забыл и города Чернигова отцовский золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку!

Были века Трояна, минули годы Ярослава, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом раздоры ковал и стрелы по земле сеял. Вступает он в золотое стремя в городе Тмуторокани, звон же тот слышал давний великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. Бориса же Вячеславича жажда славы на смерть привела и на Канине зеленую паполому постлала ему за обиду Олега, храброго и молодого князя. С такой же Каялы и Святополк бережно повез отца своего между венгерскими иноходцами к святой Софии, к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче заседалось и прорастало усобицами, гибло достояние Дажь-Божьих внуков, в княжеских распрях век людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили, собираясь лететь на поживу.

То было в те рати и в те походы, а о такой рати и не слыхано! С раннего утра и до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья булатные в поле чужом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями засеяна, а кровью полита; горем взошли они на Русской земле!

Что шумит, что звенит в этот час рано перед зорями? Игорь полки заворачивает, жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не хватило, тут пир dokonчили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось.

Вот уже, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась Обида в силах Дажь-Божьих внуков, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском испугнула времена обилия. Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: „Это мое, и то мое же“. И стали князья про малое „это великое“ молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц, — к морю. А Игорева храброго полка не воскресить! Вслед ему завопила Карна, и Жля помчалась по Русской земле, сея горе людям из огненного рога. Жены русские восплакались, причитая: „Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни очами не увидеть, а золота и серебра и в руках не подержать!“ И застонал, братья, Киев в горе, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль потоками потекла по земле Русской.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу *убудиста которою*; ту бѣше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великий Киевскый грозою, бѣшетъ *притрепаль* своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота. А поганого Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже. И падесея Кобякъ въ градъ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣки половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ. „*Синочи съ вечера одѣвахуть* мя,— рече—чръною паполомою на *кровати* тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено, съпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовр всѣмъ. Всю ночь съ вечера *бусови* врани възгряху у Плѣсньска на *болоньи*, бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю“.

И ркоша бояре князю: „Уже, княже, туга умъ полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а *самою опуташа* въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпа погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ *нима* молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрывла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесесе хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса Дивь на землю. Се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия“.

Тогда великий *Святъславъ* изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: „О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и *многовая* брата моего Ярослава, съ черниговскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы. Тии бо бес щитовъ, съ засапожники, кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: „Мужаемъся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю *си* сами подѣлимъ“. А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ биваетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

А князья сами себе невзгоды ковали, а поганые сами в победных набегах на Русскую землю брали дань по белке от двора.

Ведь те два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, непокорством зло пробудили, которое усыпил было отец их, — Святослав грозный великий киевский, — грозою своею, усмирив своими сильными полками и булатными мечами; вступил на землю Половецкую, протоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из Лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем вырвал. И повержен Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венцианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, который потопил благоденствие в Каяле, реке половецкой — русское золото рассыпали. Тогда Игорь-князь пересел из золотого седла в седло невольничье. Унылы городские стены, и веселие поникло.

А Святослав тревожный сон видел в Киеве на горах. „Этой ночью с вечера одевали меня, — говорил, — черною паполомою на кровати тисовой, черпали мне синее вино с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых и утешали меня. Уже доски без конька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, и из дебри Кисановой понесли к синему морю“.

И сказали бояре князю: „Уже, князь, горе разум нам застилает. Вот ведь слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмуторокани, либо испить шеломом Дону. Уже соколам крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно стало на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними два молодых месяца тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла; по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок гепардов, и великую радость пробудили в хинове. Уже пала хула на хвалу, уже ударило насилие по воле, уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, позванивая русским золотом, поют они о времени Бусовом, лелеют мечь за Шарукана. А мы, дружина, уже невеселы“.

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: „О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами терзать, а себе искать славу. Но не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили. Ваши храбрые сердца из твердого булата скованы и в дерзости закалены. Что же учинили вы моим серебряным седином!“

А уже не вижу власти сильного и богатого брата моего Ярослава, с воинами многими, с черниговскими боярами, с мугутами, и с татаранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Все они и без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звеня прадедней славой. Но сказали вы: „Помужествуем сами: прежнюю славу сами похитим, а нынешнюю меж собой разделим“. Но не дивно, братия, старику помолодеть! Когда сокол возмужает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда сво-

Нъ се зло—княже ми непособие; наниче ся години обратиша. Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!“

Великый княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти—удальми сыны Глѣбовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде! Не ваю ли *вои* злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата *стремена* за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча *бремены* чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, *отворяеши* Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носить *ваю* умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣстрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи *паворзи* подъ шеломы латинскими. *Тѣм* тресну земля, и многи страны—Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци—сулицы своя *повръгоша*, а главы своя *подклониша* подъ тьи мечи харалужныи. Нъ уже, княже, Игорю *утрѣплѣ* солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони: по *Роси* и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плъку не крѣсити! Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребии собѣ власти расхыгисте! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи. *Исхыти* юна кров, а тьи рекъ: „Дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша“. Не *бысть* ту брата Брячяслава, ни другаго—Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелие. Унылы голоси, пониче веселие. Трубы трубятъ городеньскыи.

Ярославли вси внуце и Всеславли! Уже *понизите* стязи свои, *вонзите* свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы

его в обиду. Но вот мне беда—княжеская непокорность, вспять времена повернули. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Горе и беда сыну Глебову!“

Великий князь Всеволод! Не помыслишь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол побережь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы невольница по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, дерзкий Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле чужом? Вступите же, господа, в золотые стремяна за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды ряда до Дуная. Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоревы, храброго Святославича!

А ты, храбрый Роман, и Мстислав! Храбрые замыслы влекут ваш ум на подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в дерзости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи под шлемами латинскими. Потому и дрогнула земля, и многие народы—хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы—копья свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игоревы храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже поспели на брань.

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича—не худого гнезда шестокрыльци! Не по праву побед расхитили себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и копья польские, и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Вот уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет у тех грозных полочан под кликами поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен . . . И сказал: „Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали“. Не было тут ни брата Брючислава, ни другого—Всеволода, так он один и изронил жемчужную душу из храброго своего тела через золотое ожерелие. Приуныли голоса, сникло веселье. Трубы трубят городенские.

бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию: *которою* бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу. Тѣй клюками подпрѣся о кони, и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ, утрѣже *вазни* с три кусы: *отвори* врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влѣкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепа харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костями рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше: изъ Києва дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ *дръзѣ* тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!“

О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей!“ Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо нынѣ стаха стязи Рюриковы, а друзии—Давидовы, нѣ *розно* ся имъ хоботы пашутъ. Копиа поютъ.

На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею *незнаема* рано кычетъ. „Полечю,—рече,—зегзицею по Дунаеви, омочю бѣбрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ“.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „О *вѣтре* вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычещи хиновскыя стрѣлки на своею нетрудною крилицю на моя лады вои? Мало ли ти бяшетъ *горѣ* подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылю развѣя?“

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: „О, Днепре Словетицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плъку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано“.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче“.

Прысну море полунощи: идутъ сморци мьглами. Игореву князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ Великаго Дону до Малаго Донца. Комонъ въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою—велить кня-

- Ярославовы все внуки и Всеславовы! Не вздымайте более стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся, ибо растеряли уже дедовскую славу. В своих распрях начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславова. Из-за усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой!
- На седьмом веке Трояна бросил Всеслав жребий о девице ему милой. Тот хитростью поднялся . . . достиг града Киева и коснулся копьем своим золотого престола киевского. А от них бежал, словно лютей зверь в полночь из Белгорода, бесом одержим в ночной мгле; трижды добыл победы: отворил ворота Новгороду, разбил славу Ярославову, скакнул волком на Немигу с Дудуток.
- На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не на добро засеяны, засеяны костями русских сынов.
- Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до рассвета дорыскивал до Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перебежал. Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку молвил, смысленый: „Ни хитрому, ни удачливому . . . суда божьего не избежать!“
- О, печалиться Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне одни стяги Рюриковы, а другие—Давыдовы, и порознь их хоругви развеваются. Копья поют . . .
- На Дунае Ярославнин голос слышится, чайкою неведомой она рано кличет. „Полечу,—говорит,—чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле“.
- Ярославна с утра плачет на стене Путивля, причитая: „О ветер, ветрило! Зачем, господин, так сильно веешь? Зачем мечешь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?“
- Ярославна с утра плачет на стене города Путивля, причитая: „О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе лады Святославовы до стана Кобякова. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я спозаранку к нему слез на море“.
- Ярославна с утра плачет в Путивле на стене, причитая: „Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! Почему же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки стянуло, горем им колчаны заткнуло“.
- Вспенилось море в полуночи, в тучах движутся вихри. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спит и не спит: Игорь мыслию поля мерит от великого Дона до малого

зю разумѣти: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся половецкии *подвизаша*. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, *възврѣжеса* на брѣзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя брѣзая комоня.

Донецъ рече: „Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!“. Игорь рече: „О, Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнию зелену древу. Стрежаше *его* гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ“. Не тако ли, рече, рѣка Стugna: худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы, рострена к усту, уношу князя *Ростислава* завори днѣ при темнѣ березѣ. Плачется мати *Ростиславля* по уноши князи *Ростиславѣ*. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли *прѣклонилося*.

А не сорокы втроскоташа—на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, *полозие* ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть, соловии веселыми *пѣсньми* свѣтъ повѣдають. Млъвить Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летить,—соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами“. рече Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею“. И рече Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ“.

Рекъ Боянъ и Ходына Святъславля, *пѣснотворца* стараго времени Ярославля: „Ольгова коганя хоти! Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы“,—Руской земли безъ Игоря!

Солнце свѣтитса на небесѣ—Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поють на Дунаи—вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти! Слава Игорю *Святъславличю*. Буй Туру *Всеволоду*, Владимиру Игоревичю! Здрави, князи и дружина, побарая за христъяны на поганья плъки! Княземъ слава а дружинѣ!

Аминь.

Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой—велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь горностаем прыгнул в тростники, белым гоголем—на воду, вскочил на борзого коня, соскочил с него босым волком, и помчался к лугу Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, отряхивая с себя студеную росу: загнажи они своих быстрых коней.

Донец сказал: „Князь Игорь! Разве не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!“ Игорь сказал: „О Донец! Разве не мало тебе величия, что лелеял ты князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Стерег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями в ветрах“. Не такая, говорят, река Стугна: бедна водою, но, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе. Уньли цветы от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали—по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не каркали, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозьи ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Говорит Гзак Кончаку: „Если сокол к гнезду летит—расстреляем соколенка своими злачеными стрелами“. Говорит Кончак Гзе: „Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей“. И сказал Гзак Кончаку: „Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы и станут нас птицы бить в поле Половецком“.

Сказали Боян и Ходына Святославовы, песнотворцы старого времени Ярославова: „О жена когана Олега! Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы“. Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе—Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае—вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом—молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй-Тур Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, выступая за христиан против полков поганых! Князьям слава и дружине!
Аминь.

© „Слово о полку Игореве“ в гравюрах В.А. Фаворского

„Слово о полку Игореве“ в гравюрах В.А.Фаворского

